Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Кубанский государственный университет»

На правах рукописи

Онищенко Максим Валерьевич

ПОЛИТИКА РАЗВИТИЯ ЗЕЛЕНОЙ ЭКОНОМИКИ: КОМПАРАТИВНЫЕ РАКУРСЫ

Специальность 5.5.3 – Государственное управление
и отраслевые политики

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
политических наук

Научный руководитель
Мирошниченко Инна Валерьевна,
доктор политических наук, доцент

Краснодар 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ……..……..…....3
1 Теоретико-методологические аспекты исследования политики развития зеленой экономики……..….....25
1.1 Зеленая экономика в дискурсе политики развития в современных государствах: концептуальные основания исследования…..……....25
1.2 Институциональные основы политики развития зеленой экономики на международном уровне…….……...…….48
2 Модели политики развития зеленой экономики в современных государствах: компаративный анализ……...…….. 73
2.1 Структурные и процессуальные компоненты политики развития зеленой экономики в современных государствах…….…….…. .73
2.2 Практики реализации политики развития зеленой экономики в национальных моделях современных государств…….…….100
3 Политика развития зеленой экономики в Российской Федерации: субъекты, механизмы, результаты ……..124
3.1 Формирование национальной модели политики развития зеленой экономики в современной России……124
3.2 Гражданские экологические инициативы в структуре политики развития зеленой экономики современной России……..…....142
ЗАКЛЮЧЕНИЕ……..…..161
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ……..167

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования обусловлена нарастанием глобального экологического кризиса, имеющего региональные и локальные проекции, что отражается в политическом дискурсе и на политической повестке национальных государств. Современные страны, столкнувшись с необходимостью жесткого учета экологических лимитов социально-экономического развития, разрабатывают и реализуют различные стратегии имплементации «зеленой» составляющей в политику развития. Беспрецедентная турбулентность глобальных политических и социально-экономических процессов (пандемия COVID-19, обострение уровня международной напряженности, угрозы энергетической, продовольственной, общественной безопасности) в текущий период создают существенные риски для устойчивого развития и актуализируют политику развития инклюзивной зеленой экономики, направленной на повышение благосостояния населения с учетом экологических ограничений.

В рамках задаваемого на международном уровне институционального «зеленого» режима национальные проекции моделей политики развития зеленой экономики демонстрируют многообразие в выборе приоритетов и направлений, политико-управленческих альтернатив и практик, а также достигаемых результатов. Компаративный анализ структурных и процессуальных компонентов данной политики в современных государствах позволяет определить наиболее успешные институциональные механизмы и инструменты, использовать их для дальнейшего тиражирования, масштабирования и адаптации.

Уникальные социальные, культурные, экономические, институциональные и природные условия Российской Федерации определяют специфику национальной модели политики развития зеленой экономики, которая принципиально отличается от зарубежных. Стартовые позиции России, определяющиеся ее национальным капиталом (природным, человеческим, физическим, инновационным), обусловливают специфику проэкологической архитектуры национальной модели и оптику «зеленого» дискурса (приоритеты

физического здоровья российского народа, сохранения окружающей среды и решения экологических проблем, инклюзивность в получении выгод от уникального природного потенциала).

В условиях перманентных рисков и вызовов, продуцируемых международным сообществом (масштабные санкции и политическое давление в отношении Российской Федерации со стороны стран Запада), происходит переформатирование приоритетов и выбор драйверов политики развития.

Научное осмысление политики развития зеленой экономики в предметном поле политической науки имеет большое значение. С одной стороны, данная проблематика расширяет концептуальные рамки исследования ресурсов развития, ответственности субъектов в выборе приоритетов развития; с другой – определяет теоретические основания для осмысления различных «зеленых» политических практик (дискурсивных, институциональных, технологических) в логике политики развития. В практическом плане такой подход позволяет «встроить» инновационные политические практики в процесс выработки и реализации «зеленого» курса и переформатировать деятельность защитных экологических движений в модели общественного участия в политике развития зеленой экономики.

Степень научной разработанности проблемы. Проблематика исследования политики развития зеленой экономики находится на стыке междисциплинарных исследований: социальной философии, социально-политических и социально-экономических наук.

Концепт зеленой экономики как основы политики развития, заложенный в трудах Д. Пирса, А. Маркандия, Э. Барбье и Р. Костанзой[1], в настоящее время получил широкое отражение в научно-исследовательском дискурсе, фиксируясь в

[1] Pearce D. Green Economics // Environmental Values 1. 1992. № 1. P. 3–13. DOI:10.3197/096327192776680179; Costanza R. Ecological Economics: The Science and Management of Sustainability. New York: Columbia University Press, 1991; Pearce D., Markandya A., Barbier E.B. Blueprint for a Green Economy. London: Earthscan, 1989; Costanza R. Ecological Economics: The Science and Management of Sustainability. New York: Columbia University Press, 1991.

русле различных исследовательских направлений, акцентирующих внимание на политических[1], экономических и социальных[2] аспектах этого явления.

Научное осмысление «зеленых» трансформационных процессов в современном мире стали предметом исследований многих зарубежных[3] и российских ученых.[4]

Связь концепции устойчивого развития и зеленой экономики, а также их общие и особенные характеристики, роль зеленой экономики в достижении целей устойчивого развития обосновывались целым рядом авторов.[5]

Различные аспекты институционализации политики развития зеленой экономики рассматривались на глобальном,[6] региональном[7] и локальном уровнях[1], а также в контексте национальных государств[2].

---

[1] Wiesmeth H., Vashko I. The Green Growth Policy of Germany as a Model for the Development of Green Economy in other Countries, in particular Belarus // Journal of Social Market Economy. 2021. No. 3(21). P. 46–61; Carter N. The Politics of the Environment: Ideas, Activism, Policy (3rd ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2018. DOI:10.1017/9781108642163; Emerging Governance of a Green Economy // Emerging Governance of a Green Economy: Cases of European Implementation / ed. by J. Fairbrass, N. Vasilakos. Cambridge: Cambridge University Press, 2021.

[2] The Cambridge Handbook of Environmental Sociology Vol. 1. // The Cambridge Handbook of Environmental Sociology / ed. by K. Legun, J. Keller, M. Carolan, M. Bell. Cambridge: Cambridge University Press, 2020.

[3] Johnstone I. Global Governance and the Global Green New Deal: The G7's Role // Humanities and Social Sciences Communications. 2022. Vol. 9(1). Art. 33. DOI: 10.1057/s41599-022-01046-2; Newell P. Global Green Politics // Global Green Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. DOI: 10.1017/9781108767224; Bernstein S. Global Environmental Norms // Handbook of Global Climate and Environmental Policy / ed. by R. Falkner. Oxford: Wiley Blackwell. CrossRefGoogle Scholar, 2013; Bowen A., Fankhauser S. The Green Growth Narrative: Paradigm Shift or Just Spin? // Global Environmental Change. 2011. Vol. 21, No. 4. P. 1157–1159.

[4] Липина С.А., Агапова Е.В., Липина А.В. Зеленая экономика. Глобальное развитие. М.: Проспект, 2016.

[5] Tomashuk I. Green Economy as A Guarantee of Sustainable Development // Three Seas Economic Journal. 2022. Vol. 3, No. 2. P. 105–119. DOI: 10.30525/2661-5150/2022-2-15; Abaza H. Green Economy in Action // Articles and Excerpts that Illustrate Green Economy and Sustainable Development Efforts. United Nations Development Program. August 2012. URL: https://www.un.org/waterforlifedecade/pdf/green_economy_in_action_eng.pdf (дата обращения 7.08.2022); Bina O. The Green Economy and Sustainable Development: An Uneasy Balance? // Environment and Planning C: Government and Policy. 2013. Vol. 31, No. 6. P. 1023–1047. DOI:10.1068/c1310j

[6] Kemp-Benedict E. Shifting to a Green Economy: Lock-in, Path Dependence, and Policy Options // SEI Working Paper. 2014. No. 2014-08. URL: http://mpra.ub.uni-muenchen.de/60175/ (дата обращения 7.08.2022); Maas T., Lucas P. Global Green Recovery: From Global Narrative to International Policy // PBL Netherlands Environmental Assessment Agency. 2021. URL: https://www.pbl.nl/sites/default/files/downloads/pbl-2021-global_green_recovery-4565.pdf (дата обращения 7.08.2022); Newell P. Global Green Politics…

[7] Селищева Т.А. «Зеленая» экономика как модель устойчивого развития стран ЕАЭС // Евразийская экономическая перспектива: проблемы и решения. 2018. № 3. С. 6–12.

Эволюцию «зеленой» политики в зарубежных странах изучал Ю. Ковалев[3]. Теоретический анализ «зеленых лобби», влияющих на выработку политики «зеленого» развития в зарубежных странах, проводил [4] В. Смит.

В российском исследовательском дискурсе основы изучения зеленой экономики были заложены экономистами С.Н. Бобылевым[5] и А.А. Гусевым[6] – основоположниками развития отечественной исследовательской школы в области зеленой экономики, а также Б.Н. Порфирьевым[7], изучавшим взаимовлияние экологических и экономических рисков и риски перехода Российской Федерации к «зеленому» развитию.

Вопросы коинтеграции политики развития зеленой экономики в существующие отраслевые политики, в том числе в области инноваций, исследовали А. Хамдух и М. Депрет[8].

Государственная политика в сфере развития зеленой экономики Российской Федерации анализировалась в ряде работ. Так, М. Егоровой[1] разрабатывались

---

[1] Aall C., Kyrre G., Lindseth G. The Scope of Action for Local Climate Policy: The Case of Norway // Global Environmental Politics. 2007. Vol. 7, No. 2. P. 83–101; Schwartz E. Developing Green Cities: Explaining Variation in Canadian Green Building Policies // Canadian Journal of Political Science. 2016. Vol. 49, No. 4. P. 621–641. DOI:10.1017/S0008423916000846

[2] Kingston S. Frontmatter // Greening EU Competition Law and Policy. Cambridge: Cambridge University Press, 2011; Weng X., Dong Z., Wu Q., Qin Y. China's Path to A Green Economy: Decoding China's Green Economy Concepts and Policies. London: IIED, 2015; Lin B., Wang S. From Catch-Up to Transcend: The Development of Emerging Countries' Green Economy // Mathematical Problems in Engineering. 2019. P. 1–14. DOI:10.1155/2019/1481946

[3] Ковалев Ю.Ю. Политика устойчивого развития ЕС: становление, акторы, перспективы // История и современное мировоззрение. 2020. Т. 2, № 1. С. 82–91; Ковалев Ю.Ю., Степанов А.В. Переосмысление социального развития в антропоцене: экономический рост и экологическая трансформация Китая // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. 2018. Т. 13, № 2(176). С. 121–135; Kovalev Y., Burnasov A., Ilyushkina M., Stepanov A. Political Models of Smart Cities and The Role of Network Actors in Their Implementation (The Case of Vienna, Lyon, and New Songdo in Seoul) // Proceedings of The 1st International Conference on Applied Science and Engineering, ASE 2021 / ed. by A. Salamova, F. Dakhaeva. Grozny: American Institute of Physics Inc., 2021.

[4] Smith V. A Theoretical Analysis of the "Green Lobby" // American Political Science Review. 1985. Vol. 79, No. 1. P. 132–147.

[5] Бобылев С.Н., Захаров В.М. Модернизация экономики и устойчивое развитие. М.: Экономика, 2011.

[6] Гусев А.А. Переход к политике «зеленого» роста экономики // Экономическая наука современной России. 2016. № 2 (73). С. 27–35.

[7] Порфирьев Б.Н. О «зеленом» векторе стратегии социально экономического развития России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Т. 227, № 1. С. 128–136.

[8] Hamdouch A., Depret M.-H. Policy Integration Strategy and The Development of The "Green Economy": Foundations and Implementation Patterns // Journal of Environmental Planning and Management. 2010. Vol. 53, No. 4. P. 473–490.

методологические подходы к оценке прогресса политики «зеленого» развития, а приоритеты политики стимулирования зеленой экономики анализировались в работах М. Халил[2]. Переход к «зеленой» государственной социально-экономической политике в условиях институциональной трансформации изучали Ю. Вертакова[3] с соавторами. Стратегии и тактики имплементации зеленой экономики в стратегии развития, в том числе в Российской Федерации изучались С.А. Липиной[4].

Переход к зеленой экономике в качестве одного из ведущих направлений формирования в посткризисный период рассматривался в работах Н.В. Пахомовой, К. Рихтера, Г. Б. Малышкова[5].

Перспективы международного научно-образовательного сотрудничества в контексте глобальной «зеленой» повестки[6] стали предметом исследования Э. Курбанова и А. Фоминых.

Эволюция энвайронментализма как идейного социально-политического движения и его влияние на экологическую политику современных государств анализировались в работах зарубежных и отечественных ученых[7].

---

[1] Егорова М.С., Глик П.А. Государственная политика в области становления «Зеленой экономики» в России // Вестник евразийской науки. 2014. № 3(22). С.1–8.

[2] Халил М.Р.А. Приоритеты государственной политики регулирования устойчивого развития и стимулирования зеленой экономики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2020. № 1(121). С. 176–182.

[3] Вертакова Ю.В., Евченко А.В., Щербаков Д.Б. Зеленая экономика и устойчивое развитие: на пути к «экологизации» государственной социально-экономической политики в условиях институциональной трансформации // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10, № 5. С. 24–36.

[4] Липина С.А., Агапова Е.В., Липина А.В. Развитие зеленой экономики в России: возможности и перспективы. М.: URSS, 2018; Зеленая экономика: управление развитием. Стратегия и тактика / С. А. Липина, Е. В. Кудряшова, Е. В. Агапова [и др.]; под общ. ред. С.А. Липиной, Е.В. Кудряшовой. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, 2022.

[5] Пахомова Н.В., Рихтер К.К., Малышков Г.Б. Стратегия устойчивого развития и переход к зеленой экономике: обновление приоритетов и механизмов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2013. № 4. С. 35–54; Пахомова Н.В., Рихтер К.К., Малышков Г.Б. Структурные преобразования в условиях формирования зеленой экономики: вызовы для Российского государства и бизнеса // Проблемы современной экономики. 2012. № 3 (42). С. 7–15.

[6] Курбанов Э.А., Фоминых А.Е. Проблемы климата и экологии во взаимодействии Европейского союза и России: перспективы научно-образовательного сотрудничества // «Запад-Восток»: научно-практический ежегодник. 2019. № 12. С. 175–188.

[7] Nordhaus T., Shellenberger M. Break Through: From the Death of Environmentalism to the Politics of Possibility. Boston: Houghton Mifflin, 2007; Talshir G. The Political Ideology of Green Parties: From the Politics of Nature to Redefining the Nature of Politics. New York: Palgrave Macmillan. 2002; Саворская Е.В. Оттенки зеленого: энвайронментализм в контексте классических идеологических течений // Полис. 2015.

Изучение социально-политической дифференциации общества на основе существующих расколов, в том числе и по экологическим основаниям, были заложены в работах С. Липсета и С. Роккана[1] и актуализированы в современных исследованиях И.С. Семененко, В.В. Лапкина, В.И. Пантина[2].

Е.В. Саворская и М.В. Стрежневая экологические ракурсы политики развития рассматривают через систему многоуровневого управления, в основе которой – глобальные сетевые структуры[3]. Сетевые основания исследования структурных и политико-управленческих компонентов политики развития раскрыты в работах зарубежных исследователей[4].

Содержательным характеристикам гражданских экологических инициатив, их роли в «зеленых практиках» посвящены исследования зарубежных и отечественных ученых[5]. Работы Дж. Коулмана, Ф. Фукуямы, Р. Патнэма позволили исследовать практики гражданских экологических инициатив в

№ 6. С. 103–115; Аксенова О.В. Генезис социально-экологической рефлексии на Западе во второй половине XX века // Социологические исследования. 2004. № 9 (245). С. 68–76.

[1] Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments: An Introduction // Party Systems and Voter Alignments: Cross-national Perspectives / ed. by S.M. Lipset, S. Rokkan. New York: Free Press, 1967.

[2] Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации // Полис. 2021. № 5. С. 56–77.

[3] Саворская Е.В. Политические сети в многоуровневом управлении Е.С. // Международные отношения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Политология. Регионоведение. 2012. № 4(1). С. 368–373; Стрежнева М.В. Структурирование политического пространства в Европейском союзе (многоуровневое управление) // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 12. С. 38–49.

[4] Kooiman J. Modern Governance: New Government-society Interactions. London: Sage, 1993; Kooiman J., Jentoft D. Meta-Governance: Values, Norms and Principles, and the Making of Hard Choices // Public Administration. 2009. Vol. 87. P. 818–836; Jessop B. The Future of the Capitalist State. Cambridge: Polity Press, 2002; Sorensen E., Torfing J. The Democratic Anchorage of Governance Networks // Scandinavian Political Studies. 2005. Vol. 28. P. 195–218; Goldsmith S., Eggers W.D. Governing by Network – The New Shape of the Public Sector. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2004; Termeer C.J.A.M., Koppenjan J.F.M. Managing Perceptions in Networks // Managing Complex Networks: Strategies for the Public Sector / ed. by W.J.M. Kickert, E.-H. Klijn, J.F.M. Koppenjan. London: Sage, 1997.

[5] Bonney R., Cooper C.B., Ballard H. The Theory and Practice of Citizen Science: Launching a New Journal // Citizen Science: Theory and Practice. 2016. No. 1(1). P. 1–65; Brehm J.M., Eisenhauer B.W., Stedman R.C. Environmental Concern: Examining the Role of Place Meaning and Place Attachment // Society & Natural Resources. 2013. Vol. 26, No. 5. P. 522–538; Хафизова К.Н. Гражданские инициативы: роль и значимость в экологической политике РФ // Вестник Казанского технологического университета. 2006. № 3. С. 202–208; Долженкова М.И., Прохорова О.Г. Гражданское воспитание молодежи средствами экологических и культурозащитных инициатив // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24, № 182. С. 88–97.

контексте формирования институционального доверия и формирования социального капитала[1].

«Зеленые партии» как субъекты экологической политики, особенности их организационной структуры и позиционирование в партийно-идеологическом спектре изучались отечественными и зарубежными исследователями[2].

Сетевые аспекты формирования и развития гражданских экологических инициатив, включая их лидерский и инновационный потенциал, рассмотрены в работах О.Н. Яницкого, С.И. Давыдовой, О.А. Усачевой[3], а также отражены в результатах эмпирических исследований европейских ученых[4].

Модели и практики гражданского участия в выработке и реализации политики развития на региональном уровне, в том числе основанные на экологическом активизме, представлены в трудах отечественных и зарубежных исследователей[5].

---

[1] Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139; Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. М.: АСТ, 2008; Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии: пер. с англ. М.: Ad Margine, 1996.

[2] Talshir G. The Political Ideology…; Саворская Е.В. Энвайронментализм и экологическая идентичность // Идентичность: Личность. Общество. Политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. М.: «Весь мир», 2017; Green Parties in Europe / ed. by Van Haute E. London: Routledge, 2016; Ровинская Т.Л. «Зеленые» в политическом поле Западной Европы // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 3. С. 40–48.

[3] Яницкий О.Н. Массовая мобилизация: проблемы теории // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 3–12; Давыдова С.И., Усачева О.А. Сетевая организация экологических движений России и Европы // Социологические исследования. 2009. № 11. С. 56–64.

[4] Van de Donk W., Loader B.D., Nixon P.G., Rucht D. Inroduction: Social Movements and ICTs // Cyberprotest. New Media, Citizens and Social Movements / ed. by W. Van de Donk, B. D. Loader, P.G. Nixon, D. Rucht. London: Routledge, 2004.

[5] Agyeman J., Angus B. The Role of Civic Environmentalism in the Pursuit of Sustainable Communities // Journal of Environmental Planning and Management. 2003. No. 46(3). P. 345–363; Overdevest C., Orr C.H., Stepenuck K. Volunteer Stream Monitoring and Local Participation in Natural Resource Issues // Human Ecology Review. 2004. No. 11(2). P. 177–185; Bertolotti M., Catellani P. Going Green, but Staying in the Black: How Framing Impacts the Agreement with Messages on the Economic Consequences of Environmental Policies // Frontiers in Psychology. 2021. Vol. 12; Морозова Е.В., Мирошниченко И.В., Семененко И.С. Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности. // Полис. 2020. № 3. С. 56–77; Мирошниченко И.В., Морозова Е.В. Сетевые сообщества как субъекты формирования городской повестки дня (на примере движения «Помоги городу») // ПОЛИТЭКС. 2021. Т. 17, № 2. С. 135–149; Иншаков И.А., Колеснева Е.А., Корсун В.А. Институт общественных экологических инспекторов в России: оценка результатов внедрения. М.: ЦПУР, 2021.

В то же время, несмотря на сложившийся научный интерес к проблематике политизации экологических практик, политика развития зеленой экономики не являлась предметом политических исследований.

Объект исследования – практики выработки и реализации политики развития зеленой экономики в современных государствах.

Предмет диссертационной работы – модели политики развития зеленой экономики в современных государствах, включающие структурные и процессуальные компоненты.

Цель исследования – выявить и охарактеризовать модели политики развития зеленой экономики в национальных государствах.

Задачи диссертационного исследования:

– раскрыть концептуальные основания исследования политики развития зеленой экономики в политической науке;

– охарактеризовать этапы формирования институциональных основ политики развития зеленой экономики на международном уровне;

– выявить и описать структурные и процессуальные компоненты политики развития зеленой экономики в современных государствах;

– охарактеризовать национальные практики реализации политики развития зеленой экономики;

– выявить и описать субъекты, механизмы и результаты формирования российской модели политики развития зеленой экономики;

– определить роль гражданских экологических инициатив в политике развития зеленой экономики современной России.

Исследовательский вопрос диссертационного исследования. Какие компоненты политики развития зеленой экономики определяют конфигурации практических моделей, а также успешность ее выработки и реализации в государствах в современный период?

Хронологические рамки исследования – с начала 1990-х гг. по настоящее время. Нижняя граница хронологического периода определяется актуализацией

«зеленой» повестки в политическом дискурсе международных межправительственных организаций.

Теоретико-методологические основания исследования соответствуют предмету и поставленным задачам. Концептуальными основаниями исследования проэкологического переустройства систем политического управления в современных государствах являются теоретические конструкты «общество риска» и «рефлексивная модернизация» У. Бека[1]. Согласно рискологическому подходу У. Бека, современное общество находится в стадии производства и диффузии рисков, в которой экологические риски занимают особое место, поскольку способны конвертироваться в социальные, политические и экономические риски и обесценивать произведенные блага, природные ресурсы и окружающее человека жизненное пространство. Рефлексивная модернизация как процесс преобразования современного общества, в котором помимо государства участвуют различные социально-политические субъекты (граждане, экспертные сообщества, неправительственные организации), происходит под воздействием постоянной актуализации экологических проблем трансформации институтов политического управления.

Исследование практик энвайронментализма, актуализирующих «зеленую» повестку в политическом дискурсе современных государств, основывалось на энвайронменталистских кливажах в «разделенных обществах» современных государств. Современный аналитический инструментарий социальных кливажей и разделенных обществ позволил выявить и охарактеризовать основания для развития практик энвайронментализма, базирующихся на различных видах экологической идентичности и способствующих формированию экстратерриториальных сообществ (И.С. Семененко, В.В. Лапкин, В.И. Пантин)[2], разделяющих глобальную экологическую повестку.

Теоретическими основаниями политики развития зеленой экономики стала концепция устойчивого развития как сбалансированный процесс изменений на

[1] Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
[2] Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Социальные размежевания…

основе принципа глобального партнерства с учетом социальной, экономической и экологической составляющих, которые способствуют достижению высокого уровня качества жизни (С.Н. Бобылев)[1]

Политико-управленческие компоненты политики развития зеленой экономики рассматриваются в рамках концептуальной модели ответственного развития И.С. Семененко[2]. Ответственное развитие в контексте выработки и реализации политики развития зеленой экономики базируется на экологической идентичности граждан определенной территории и экологических императивах согласования стратегий социально-экономического развития и институциональных механизмов ее реализации при партнерском взаимодействии различных органов власти и местного самоуправления, бизнеса, структур гражданского общества.

Аналитический инструментарий сетевого подхода использовался для характеристики структурных и процессуальных компонентов политики развития зеленой экономики, которая реализуется в многоуровневой системе публичного управления, имеющей глобальный, национальный, региональный и локальный уровни (Саворская Е.В, Стрежнева М.В)[3]. Институциональный дизайн политики развития зеленой экономики мы определяем исходя их концептуальных оснований «метауправления» («governance of governance»)[4], благодаря которому происходит интеграция ресурсов различных игроков и достигаются значимые результаты: в определении глобальной экологической повестки; выработке «мягких» правил и стандартов, оказывающих в результате их имплементации в национальные практики регулирующее воздействие на целевые группы; генерировании, сборе и аналитическом обобщении информации об экологических проблемах; тиражировании успешных практик эффективной деятельности

[1] Зелёная экономика и цели устойчивого развития для России: коллективная монография / под науч. ред. С. Н. Бобылёва, П. А. Кирюшина, О. В. Кудрявцевой. М.: Изд-во МГУ, 2019.

[2] Семененко И.С. Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению // Полис. 2019. № 3. С. 7–26.

[3] Саворская Е.В. Политические сети в многоуровневом управлении…; Стрежнева М.В. Структурирование политического пространства…

[4] Kooiman J. Modern Governance…; Kooiman J., Jentoft D. Meta-Governance…; Jessop B. The Future of the Capitalist...

институтов развития «зеленой» повестки; обосновании рекомендаций по выработке и имплементации инновационных практик решения или снижения рисков экологических проблем.

Экомодернизационный подход (А.П. Мол, О.Н. Яницкий)[1], определяющий роль самоорганизующихся акторов в политике развития зеленой экономики, преимущественно на уровне локальных сообществ, позволил охарактеризовать содержание, модели и практики гражданских экологических инициатив в системе многоуровневого управления.

Институциональная специфика в национальных моделях политики развития зеленой экономики определялась на основе методологических принципов неоинституционального подхода, который рассматривает институциональный дизайн как совокупность существующих формальных и неформальных практик, включающих деятельность субъектов, осуществляемых на основе комплекса институциональных механизмов, интегрированных в процесс инициации, выработки и реализации «зеленого» курса.

В рамках компаративного подхода были проведены кросс-темпоральный анализ (в отношении эволюции политики развития зеленой экономики на международном уровне и в практике современной России) и межстрановые сравнения для выявления успешных моделей политики развития зеленой экономики в национальных государствах.

Метод кейс-стади использовался для исследования реализации политики развития зеленой экономики стран-лидеров (США, Китай, страны Евросоюза). Критериями отбора стран послужили индикативные оценки результатов (прогресса) «зеленого» развития по данным международных рейтингов, а также уникальность институционального дизайна реализуемых национальных моделей политики развития зеленой экономики.

[1] Mol A.P.J. Globalization and Environmental Reform: The Ecological Modernization of the Global Economy. Cambridge; Massachusetts; London: The MID Press, 2001; Яницкий О.Н. Массовая мобилизация…

В качестве эмпирических методов исследования использовались традиционный анализ документов международного и национального уровней, устанавливающих приоритеты и задачи политики развития зеленой экономики и анализа электронных ресурсов, позиционирующих деятельность различных субъектов политики развития зеленой экономики.

Эмпирическая база диссертации представлена эмпирическими источниками, характеризующими институциональные основания и практики реализации политики развития зеленой экономики на глобальном и национальном уровнях.

В первую группу источников вошли документы международного уровня, определяющие приоритеты и цели политики развития зеленой экономики:

– Организации Объединенных Наций (Декларация Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды (Стокгольм, 1972)[1], Йоханнесбургская декларация по устойчивому развитию (2002)[2], Итоговый документ конференции ООН РИО+20 «Будущее, которого мы хотим» (2012) [3], Доклад ЮНЕП ООН «Навстречу “зеленой” экономике: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности: обобщенный доклад для представителей властных структур»[4] (2011), Доклад Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) «Глобальная экологическая перспектива: Резюме для политиков»[5], Доклад Департамента ООН по устойчивому развитию «Руководство по зеленой экономике: международные инициативы»[6];

[1] Мир, достоинство и равенство на здоровой планете // ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_wssd.shtml (дата обращения 7.08.2022).

[2] Там же.

[3] Итоговый документ Конференции ООН по устойчивому развитию Рио+20 «Будущее, которого мы хотим». URL: https://rio20.un.org/sites/rio20.un.org/files/a-conf.21 (дата обращения 7.08.2022).

[4] Навстречу «зеленой» экономике: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности: обобщенный доклад для представителей властных структур // ЮНЕП. URL: http://old.ecocongress.info/5_congr/docs/doklad.pdf (дата обращения 7.08.2022).

[5] Глобальная экологическая перспектива: Резюме для политиков. Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) // ЮНЕП. URL: http://www.unep.org/geo/pdfs/GEO-5_SPM_Russian.pdf (дата обращения 7.08.2022).

[6] A Guidebook to the Green Economy. Issue 4: A Guide to International Green Economy Initiatives / United Nations Department of Economic and Social Affairs (UNDESA). 2013. June. // Sustainable Development. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/ 916geguidebook4.pdf (дата обращения 7.08.2022).

– межправительственные соглашения (Орхусская конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды[1], Парижское соглашение по климату[2] в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата).

Вторую группу источников составили аналитические материалы и результаты исследований научных центров, характеризующих состояние, результаты и перспективы развития зеленой экономики в современных государствах:

– международных и зарубежных (Доклад Глобального института зеленого роста «Озеленение глобальной экономики: реформы и трансформации»[3], Доклад Международного института МакКинзи «Переход к чистым нулевым выбросам»[4], Доклад исследовательских групп Eversheds Sutherland и KPMG IMPACT «Изменение климата и корпоративные ценности: что на самом деле думают компании»[5], Доклад о глобальных рисках Всемирного экономического форума[6]);

– российских (Доклад Центра стратегических разработок и Аналитического центра ТЭК РЭА Минэнерго России «Климатическая повестка России: реагируя на международные вызовы»[7], Доклад Исследовательского Центра Фонда Росконгресс «Зеленая экономика и международная торговля: на пути к

[1] Орхусская конвенция / европейская экономическая комиссия // Sustainable Development. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/env/pp/implementation%20guide/russian/aigr.pdf (дата обращения 7.08.2022).

[2] Adoption of the Paris Agreement. URL: https://unfccc.int/files/essential_background/convention/application/pdf/english_paris_agreement.pdf (дата обращения 7.08.2022).

[3] Kennet M., De Oliveira M.G., Amaral S. Greening the Global Economy: Reform and Transformation. Cascais: The Green Economics Institute Publ., 2013.

[4] The Net-Zero Transition: What it would cost, what it could bring // McKinsey Sustainability. URL: https://www.mckinsey.com/business-functions/sustainability/our-insights/the-net-zero-transition-what-it-would-cost-what-it-could-bring# (дата обращения 7.08.2022).

[5] Davies M.T., Hayes M. Climate Change and Corporate Value. URL: https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/xx/pdf/2021/03/climate-change-and-corporate-value.pdf (дата обращения 7.08.2022).

[6] The Global Risks Report 2021, 16th Edition / World Economic Forum. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_The_Global_Risks_Report_2021.pdf (дата обращения 7.08.2022).

[7] Климатическая повестка России: реагируя на международные вызовы / Фонд «ЦСР»; Аналитический центр ТЭК РЭА; Минэнерго России; ООО «Ситуационный центр» URL: https://www.csr.ru/upload/iblock/8f3/8f34a0e7c6cc6b8af39986ae8e71f3ad.pdf (дата обращения 7.08.2022).

устойчивому развитию»[1], Доклад Высшей школы экономики «Поворот к природе: новая экологическая политика России в условиях зеленой трансформации мировой экономики и политики»[2], Исследование Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации «Вызовы углеродного регулирования»[3], Доклад экспертной группы по инфраструктуре и финансам устойчивого развития «ESG и зеленые финансы России 2018–2022 гг.»[4]).

Третья группа источников включает законодательные и нормативные акты, формирующие институциональный дизайн национальной модели политики развития зеленой экономики: Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года[5], Климатическая доктрина Российской Федерации[6], Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года[7], Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года[8], «Федеральная научно-техническая программа в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений на

[1] Зеленая экономика и международная торговля: на пути к устойчивому развитию / отв. ред. А.И. Конторин // Росконгресс. URL: https://roscongress.org/upload/medialibrary/dcc/aikontorin_green_economy_and_international_trade_on_the_path_to_sustainable_development.pdf (дата обращения 7.08.2022).

[2] Davies M.T., Hayes M. Climate Change…

[3] Вызовы углеродного регулирования: Энергетический бюллетень 2021. Вып. 94 // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/energo/2021/%D0%B1%D1%8E%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%8C_%E2%84%96_94.pdf (дата обращения 7.08.2022).

[4] Доклад ESG и зеленые финансы России 2018–2022 // Экспертно-аналитическая платформа «Инфраструктура и финансы устойчивого развития». URL: https://esg-consulting.ru/wp-content/uploads/2022/03/infragreen_green_finance_esg_in_russia_2018-2022.pdf (дата обращения 7.08.2022).

[5] О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента Российской Федерации от 19 апреля 2017 г. № 176. URL: http://government.ru/docs/all/111285/ (дата обращения 7.08.2022).

[6] О Климатической доктрине Российской Федерации: Распоряжение Президента Российской Федерации № 861-рп от 17 декабря 2009 г. URL: http://government.ru/docs/all/70631/ (дата обращения 7.08.2022).

[7] Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года: утв. Президентом Российской Федерации 30 апреля 2012 г. URL: https://docs.cntd.ru/document/902369004 (дата обращения 7.08.2022).

[8] Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 октября 2021 г. № 3052-р. URL: http://static.government.ru/media/files/ADKkCzp3fWO32e2yA0BhtIpyzWfHaiUa.pdf (дата обращения 7.08.2022).

2021–2030 годы»[1], Распоряжение Правительства РФ от 2 апреля 2014 г. № 504-р «О сокращении выбросов парниковых газов»[2], Постановление Правительства РФ от 21 сентября 2021 г. № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации»[3].

К четвертой группе источников относятся электронные ресурсы СМИ и экоориентированных субъектов, продвигающих зеленые практики и инициативы:

– цифровые информационные сервисы с широким набором данных в области зеленой экономики: Платформа Зеленой политики Глобального института зеленого роста – Green Growth Knowledge Platform (URL: https://www.greengrowthknowledge.org/); Платформа зеленой промышленности – Green Industry Platform (URL: https://sdgs.un.org/partnerships), Зеленая платформа Всемирной организации интеллектуальной собственности – WIPO Green platform (URL: https://www.wipo.int/ip-outreach/ru/ipday/2020/toolkit/wipo-green.html); Портал знаний в области изменения климата Всемирного банка – World Bank Climate Change Knowledge Portal (URL: https://climateknowledgeportal.worldbank.org/); официальный сайт Фонда Росконгресс (URL: https://roscongress.org/), экспертно-аналитическая платформа «Инфраструктура и финансы устойчивого развития» (URL: www.infragreen.ru), Глобальный индекс зеленой экономики – Global Green Economy Index (URL: https://dualcitizeninc.com/global-green-economy-index/);

[1] Об утверждении Федеральной научно-технической программы в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений на 2021–2030 годы: Постановление Правительства Российской Федерации от 8 февраля 2022 г. № 133. URL: http://static.government.ru/media/files/Ekv7TcPAJBv4n3oUn6ofUdAR5cu5W1PM.pdf (дата обращения 7.08.2022).

[2] О сокращении выбросов парниковых газов: Распоряжение Правительства РФ от 2 апреля 2014 г. № 504-р. URL: http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm (дата обращения 7.08.2022).

[3] Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 21 сентября 2021 г. № 1587 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_390943/ (дата обращения 7.08.2022).

– зеленые рейтинги и рэнкинги: Индекс экологической эффективности – Environment Performance Index (URL: https://epi.envirocenter.yale.edu/); Индекс экологической демократии – Environmental Democracy Index (URL: https://environmentaldemocracyindex.org/); Индекс готовности к будущему (URL: https://ru.valdaiclub.com/a/reports/indeks-gotovnosti-k-budushchemu-2019/).

Научная новизна диссертационного исследования состоит в обосновании объяснительной модели политики развития зеленой экономики, включающей ее содержание, структурные и процессуальные компоненты. Научная новизна конкретизирована в следующих результатах:

1) на основе анализа современных концептуальных подходов раскрыто содержание и операционализировано понятие «политика развития зеленой экономики»;

2) определены содержательные характеристики этапов эволюции международного институционального режима политики развития зеленой экономики, включающие этапы радикального инкрементализма, институционального «рывка», диффузии и масштабирования зеленых институтов и практик в контексте низкоуглеродной политической повестки, глобальной рефлексии на ситуацию с пандемией COVID-19 и новыми геополитическими реалиями;

3) выявлены и описаны структурные (субъекты и комплекс институциональных механизмов) и процессуальные (фазы политико-управленческого цикла) характеристики, определяющие специфику выработки и реализации политики развития зеленой экономики в современных государствах;

4) выделены и охарактеризованы три успешные национальные модели политики развития зеленой экономики: централизованная модель с государственным доминированием (Китай), децентрализованная модель с высокой степенью координации (США), сетевая многоакторная модель (Евросоюз);

5) определена специфика российской модели политики развития зеленой экономики, которая заключается в ее гибридном характере при доминировании

государства и институтов гражданского общества в выработке и реализации зеленого курса на национальном и локальном уровнях;

6) определены типичные модели гражданского участия в политике развития зеленой экономике, включающие модель дефицита информации, модель совещательных и инклюзивных процедур и модель экологической протестной мобилизации граждан.

Положения, выносимые на защиту:

1. Концепт политики развития зеленой экономики стал результатом эволюции научного дискурса, который формировался на междисциплинарном научном поле. Научный дискурс отражает представления о нарастающих экологических угрозах и вызовах, а также глобальных императивах выработки политических решений, направленных на их преодоление. В авторской интерпретации политика развития зеленой экономики представляет собой направление публичной политики, в которой сетевое взаимодействие акторов в многоуровневой системе публичного управления создает институциональные условия для обеспечения позитивной динамики качества жизни населения, а также деятельности различных субъектов на основе социальных и экологических императивов.

2. Процесс институционализации политики развития зеленой экономики на международном уровне происходит нелинейно и связан с деятельностью международных и межправительственных организаций, создающей стимулы к формированию новых институциональных норм и практик глобального и национального уровней. Эволюция международного институционального режима политики развития зеленой экономики включает четыре этапа: радикального инкрементализма (2002–2008 гг.), институционального «рывка» (2008–2015 гг.), диффузии и масштабирования зеленых институтов и практик в контексте низкоуглеродной политической повестки (2015–2020 гг.), глобальной рефлексии на ситуацию с пандемией COVID-19 и новые геополитические реалии.

3. Национальные модели выработки и реализации политики развития зеленой экономики обусловлены спецификой структурных и процессуальных

характеристик. К структурным компонентам относятся многочисленные субъекты (органы власти различного уровня и органы местного самоуправления, бизнес-структуры, политические партии, научно-экспертные сообщества, общественные организации, местные сообщества) и комплекс институциональных механизмов (законодательных, структурно-организационных, финансово-налоговых, информационно-коммуникативных, информационно-аналитических и социально-просветительских), включенные в систему многоуровневого публичного управления политики развития зеленой экономики. Процессуальные характеристики политики развития зеленой экономики связаны с практикой и результатами включения субъектов на основе комплекса институциональных механизмов в процесс инициации, разработки, реализации и оценки «зеленых» политических решений.

4. В практике национальных государств выделяются три успешные модели политики развития зеленой экономики: централизованная модель с государственным доминированием (Китай), децентрализованная модель с высокой степенью координации (США), сетевая многоакторная модель (страны Евросоюза). Для китайской модели характерно форсированное «зеленое» развитие, основанное на принципах законодательной регламентации приоритетов и норм, централизованного внедрения и использования институциональных механизмов и инструментов политики развития зеленой экономики, а также интеграции экоориентированных государственных задач во все направления развития общества на основе внутренних приоритетов. Специфика децентрализованной модели с высокой степенью координации в США характеризуется сложным институциональным дизайном, в котором сложилась широкая сеть партнерских взаимодействий, объединяющих «зеленые» инициативы и инновации федеральных и региональных органов власти, бизнес-структур, университетских центров и научных организаций, разрабатывающих и внедряющих весь спектр «зеленых» технологий. Сетевая многоакторная модель политики развития зеленой экономики стран Евросоюза представляет собой сложное мультиакторное взаимодействие гибридной природы многоуровнего

политического управления, когда принимаемые на верхнем политическом уровне решения в области политики развития зеленой экономики прямо (например, через директивы ЕС, предполагающие реализацию их всеми странами Европейского союза) или косвенно (путем использования различных информационных инструментов) влияют на политику стран-участниц и различных субъектов этого процесса.

5. Политика развития зеленой экономики в России с 2019 г. находится в стадии активного формирования и представляет модель гибридного типа, которой свойственны доминирование государства и структур гражданского общества (некоммерческие организации, экспертное сообщества и гражданские инициативы), ориентация корпоративного бизнеса на нормативные рамки международного институционального режима, проникновение дискурса инклюзивности в получении выгод от уникального природного потенциала в политические практики Российской Федерации. Фактором, определяющим стартовые условия отечественной политики развития зеленой экономики, стала необходимость ухода от экспортно-сырьевой модели, снижения ресурсоемкости национальной производственной системы, улучшения состояния физического и человеческого капитала, повышения эффективности национальной инновационной системы. Промежуточным результатом формирования российской модели является создание и апробация уникальных институциональных механизмов (нормативно-правовых, проектных, финансовых, информационно-коммуникативных), отражающих экономическую и политико-управленческую специфику Российской Федерации.

6. Гражданские экологические инициативы представляют собой различные конструктивные активности граждан в определении общественной экологической повестки, выработке способов решения экологических проблем и их практическом воплощении посредством сотрудничества с другими субъектами политики развития зеленой экономики. Характер гражданских инициатив определяет структуру их деятельности и модели включенности в процесс выработки и реализации решений в политике развития зеленой экономики. Для

современной России типичными моделями участия общественности в политике развития зеленой экономики являются модель дефицита информации, модель совещательных и инклюзивных процедур и модель экологической протестной мобилизации граждан. Реализация данных моделей на практике позволяет осуществлять такие функции, как актуализация локальной экологической повестки, интеграция сообществ для решения экологически важных проблем территорий, определение инновационных идей и использование инновационных технологий в их решении, экологическое просвещение и воспитание граждан.

Научно-теоретическая значимость исследования состоит в обосновании авторской объяснительной модели политики развития зеленой экономики, которая включает операциональное определение и характеристику ее основных компонентов, что позволяет преодолеть сложившейся дефицит научных знаний в политической науке по данной проблематике. Предложенная автором объяснительная модель создает концептуальные рамки для объяснения деятельности различных субъектов, институциональных и процессуальных параметров их взаимодействия в процессе выработки и реализации «зеленого» политического курса.

Практическая значимость результатов диссертационного исследования заключается в выявлении и обосновании эффективности политико-управленческого инструментария политики развития зеленой экономики, который был определен автором в национальных моделях современных государств, а также в оценке потенциала его адаптации и использования Российской Федерацией.

Теоретические, эмпирические и прикладные результаты исследования могут быть рекомендованы к использованию в системе высшего и дополнительного профессионального образования по направлениям подготовки «Политология» и «Государственное и муниципальное управление».

Диссертационное исследование соответствует паспорту специальности **5.5.3 Государственное управление и отраслевые политики.** Политика развития зеленой экономики представляет собой зонтичную совокупность отраслевых

государственных политик, включающую набор механизмов, инструментов, стадии их выработки и реализации. Будучи частью публичной политики, политика развития зеленой экономики способствует актуализации экологических приоритетов как публичных ценностей, характеризуется включенностью негосударственных субъектов в выработку и реализацию «зеленого» курса, участием в распространении и закреплении экологических практик на различных уровнях публичного управления (глобальном, национальном, региональном, локальном).

Апробация результатов исследования. Промежуточные и итоговые результаты исследования были апробированы на 7 научных конференциях международного и всероссийского уровня, среди них наиболее важные: 54-я Международная научная конференция Института предпринимательства и экономики Рижского технического университета «Экономика и предпринимательство» в рамках Европейского конгресса, Латвия, Рига 2013 г.; Всероссийская научная конференция с международным участием «Политика развития в условиях цифровизации общества» (г. Краснодар, 2020 г.); Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Институты местной демократии в управлении экологически устойчивым развитием локальных территорий» (г. Краснодар, 2021 г.); Всероссийская научная конференция с международным участием «Власть, бизнес, гражданское общество в условиях модернизации России: институты, стратегии и практики политического взаимодействия» (г. Москва, 2013 г.); XV Всероссийский научный семинар «Современная политическая реальность и государство: сложные методы исследований» (г. Краснодар, 2014 г.).

Основные положения диссертации изложены автором в 13 научных публикациях общим объемом более 10 печатных листов, в том числе в 4 статьях в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации для публикации результатов кандидатских диссертаций, а также 1 монографии.

Диссертация подготовлена и обсуждена на заседании кафедры государственной политики и государственного управления факультета управления Кубанского государственного университета.

Структура работы состоит из введения, трех глав, шести параграфов, заключения, списка использованной литературы, включающего 312 наименований.

1 Теоретико-методологические аспекты исследования политики развития зеленой экономики

1.1 Зеленая экономика в дискурсе политики развития в современных государствах: концептуальные основания исследования

В настоящее время для большинства современных государств чрезвычайно актуальными стали разработка и реализация новой архитектуры политики развития, что объективно связано с необходимостью преодоления перманентно возникающих внутренних и внешних вызовов и поиска новых источников, стимулов и ресурсов для этого процесса. Ландшафт политики в области развития обширен и разнообразен, поскольку развитие может рассматриваться и как средство и как цель политики[1], а процесс ее разработки и осуществления является основной функцией любого государства, вне зависимости от размера, местоположения, уровня благосостояния и экономического развития, идеологии и политического режима.

В то же время очевидно, что адекватная политика развития должна строиться с учетом ключевых проблем и рисков глобального, регионального, национального и субнационального уровней.

Конец XX – начало XXI века ознаменовались глубокими социальными, политическими, экономическими и технологическими трансформациями, связанными с глобальными кризисными явлениями в экологической сфере. Политико-управленческие модели социально-экономического развития, основанные на традиционных антропоцентристских парадигмах человеческой исключительности, продемонстрировали свою несостоятельность. Жесткие экологические ограничения, в первую очередь, экономического роста как основы политики развития определили стимулы к политико-экологической рефлексии,

[1] Zafarullah H., Huque A.S. Introduction: the panorama of development policy // Handbook of Development Policy / ed. by H. Zafarullah, A.S. Huque. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2021.

институализации механизмов политического управления, направленных на минимизацию негативных последствий экологических проблем.

Проэкологическое переустройство систем политического управления стало предметом обсуждения практически на всех уровнях общества, смещая центр глобальной политической дискуссии в сторону экологической парадигмы (Cato M.S.[1]). Идеи экологического развития как ценности начали формировать рамки и регулятивы политики. Благодаря активному исследовательскому поиску представителей разных научных течений, в 80- годы XX века сформировался целый комплекс концепций и теорий, объясняющих причины и следствия экологического кризиса и предлагающих пути выхода из него.

Согласно концепции «общества риска» У. Бека[2], на смену обществу индустриального развития, основной характеристикой которого является аккумулирование и продвижение материальных благ, приходит общество производства и диффузии рисков. Как следствие, возникает глобальное производство рисков, представляющее опасность для самой основы жизнедеятельности социума. К характерным чертам общества риска относятся политическая нестабильность, дефицит доверия к существующим политическим институтам и организациям, экономическая и социальная турбулентность национальных и наднациональных институтов и повседневной жизни людей.

При этом экологические риски занимают особое место в иерархии рисков, поскольку способны конвертироваться в социальные, политические и экономические риски и обесценивать произведенные блага, природные ресурсы и окружающее человека жизненное пространство.

Именно У. Бек способствовал приданию нового ракурса дискуссиям о справедливости и равенстве в экополитологическом контексте. Так, аллокация экологических рисков происходит неравномерно. Более того, некоторые субъекты (страны или социальные группы) способны извлекать прибыль из производства

[1] Cato M.S. Green Economics: An Introduction to Theory, Policy and Practice. London: Earthscan, 2009.

[2] Beck U. Risk Society. Toward a New Modernity. London: SAGE, 1992.

рисков, а другие являются реципиентами лишь негативных последствий. Тем не менее, в конечном счете, риски настигают и тех, кто ещё недавно являлся выгодополучателем, либо же считал себя застрахованным от них. «Бедность иерархична, смог – демократичен»[1].

В то же время, согласно Н. Луману[2], современное общество устроено таким образом, что в нем не может существовать деятельности, независимой от риска. Поэтому как само общество, так и его политические институты должны производить постоянную оценку своей деятельности с точки зрения приемлемости риска. Этот процесс У. Бек[3] называет рефлексивной модернизацией и определяет его противоречивость: с одной стороны процесс направлен на минимизацию рисков, с другой стороны, постоянные изменения способствуют их увеличению. Фундаментальное уравнение, согласно которому риск является функцией опасного события в сочетании с уязвимостью и подверженностью, не меняется. Однако в современном глобализированном мире тесная взаимосвязь цифровых и физических инфраструктур, интегрированных цепочек поставок и таких факторов, как политическая и экономическая турбулентность рождают новые системные риски с экологическими характеристиками. При этом экологические проблемы трансформируют институты политического управления, что объективно определяется неравномерностью распределения власти и ресурсов, дифференциацией социальной и естественной уязвимости.

Поиск альтернативных путей общественного развития изначально базировался на теориях радикального преобразования общества, таких как экосоциализм и экоанархизм. Экосоциализм [4] (неомарксизм), сторонники которого основной причиной кризиса считали капиталистический способ

[1] Beck U. Ecological Enlightenment: Essays on the Politics of the Risk Society. New Jersey: Humanities Press, 1995.

[2] Luhmann N. Risk: A Sociological Theory. New York: Walter de Gruy ter, Inc., 1993.

[3] Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Stanford, CA: Stanford University Press, 1994.

[4] Mol A.P.J., Spaargaren G. Environment, Modernity and the Risk-society. The Apocalyptic Horizon of Environmental Reforms // International Sociology. 1993. No. 4. P. 431–459.

производства, в качестве стратегии политического управления предлагали переход к планированию производства и централизованному регулированию воздействия на окружающую среду. Экоанархизм, основанный на анархистских утопиях, тем не менее сформировался как достаточно целостная социально-политическая концепция, идеология которого нашла отражение в деятельности многих общественно-экологических движений и партий. По мнению одного из ключевых идеологов экоанархизма М. Букчина[1], экологические проблемы могут быть решены за счет перехода к негосударственным, локальным формам общественного устройства, организации общественной жизни методами прямой демократии.

Наибольшее распространение в социально-политической философии получило идейно-политическое течение энвайронментализм, которое концептуально оформилось в 60-70-х гг. и заложило понимание «зеленой модели» общественного развития или проэкологического развития, в которой ключевое значение приобретают «зеленые технологии»[2]. Первоначально данное течение не определяло характер политической и экономической системы общества, а также конкретные механизмы политического управления, но идентифицировало базовые социальные ценности по отношению к ключевым позициям: экономическому росту, политике, социально-культурным установкам по отношению к окружающей среде и т.д. Энвайроменталистский подход обусловил понимание приоритетов «постматериального» общества, стал маркером идентичности и ценностей среднего класса, ориентированных на экологические ценности[3]. Развитие научного дискурса об экологических приоритетах способствовало научному осмыслению того, что каждая глобальная экологическая проблема изменяет конфигурацию социального неравенства, социально-экономическую и социально-политическую дифференциацию общества, влияет на трансформацию действующей системы политического

[1] Букчин М. Реконструкция общества: на пути к зеленому будущему. Нижний Новгород: Третий Путь, 1996.

[2] Nordhaus T., Shellenberger M. Break Through...

[3] Саворская Е.В. Оттенки зеленого...

представительства и появление новых дискурсов развития. С точки зрения классической теории социальных кливажей С. Липсета и С. Роккана[1], которые рассматривали социально-политические размежевания с позиций геохронополитических рамок, каждый социальный раскол появляется в результате «критических переходов» в развитии государств, таких как национальные революции, церковные реформы, промышленные революции и т.д. Актуализация экологических рисков и угроз в 70-гг. способствовала становлению в национальных государствах энвайронменталистских кливажей в так называемых «разделенных обществах» и появлению в партийно-политическом спектре «зеленых» партий, которые представляли свои программы, основываясь не на идеологических воззрениях, а на реальной «зеленой» повестке дня, исходя из объективных реалий и интересов своих сторонников[2]. В современных условиях экологическая идентичность граждан находится в основании энвайронменталистских кливажей и формирования экстратерриториальных сообществ, разделяющих глобальную экологическую повестку. При этом экстратерриториальные сообщества являются отражением кливажей глобалистского характера, когда представители сообщества не привязаны к определенной территории государства, а объединены общей идентичностью, ценностями и дискурсом развития[3]. Дискурс развития становится инструментом для продвижения в экспертном сообществе и публичном пространстве политики «идей и приоритетов, которые стимулируют улучшение качества жизни для растущего круга»[4]

Энвайроменталистские идеи проникли практически во все существующие идеологические течения: консерватизм, либерализм, социализм и марксизм, анархизм и др. с разными «оттенками» «зеленого» дискурса и практических

[1] Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage Structures...
[2] Talshir G. The Political Ideology...
[3] Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Социальные размежевания…
[4] Там же, С. 57.

решений в сфере экономики и политики, найдя свое отражение в риторике европейских политических партий[1].

В начале 2000-х годов экологический дискурс развития начал встраиваться в политическую повестку дня. Общепризнанной отправной точкой для этого процесса является подготовка и публикация в 1987 году доклада Международной комиссии по окружающей среде и развитию под председательством премьер-министра Норвегии Г.Х. Брунтланд «Наше общее будущее»[2].

Определение устойчивого развития, данное в этом докладе, является наиболее известным и общепризнанным[3] и предполагает «удовлетворение потребностей нынешнего поколения без ущерба для способности будущих поколений удовлетворять свои потребности»[4], включая идеи лимитов роста (ограничений, накладываемых «состоянием технологий и социальной организации на способность окружающей среды удовлетворять текущие и будущие потребности»)[5], инклюзивности (справедливого распределения доходов между поколениями) и гармонизации целей экономической, социальной и экологической политик.

Идеи и основные дефиниции устойчивого развития стали основой для формирования концепта и практик политики устойчивого развития стран и регионов на много лет вперед. Включение в опубличивание экологической проблематики ведущих политиков, например, вице-президента США Альберта Гора с его получившими широкую известность книгами «Земля в равновесии: Экология и человеческий дух» (Earth in the Balance: Ecology and the Human Spirit)[6] и оскароносным фильмом «Неудобная правда», получившим в 2007 году

[1] Саворская Е. В. Оттенки зеленого…

[2] Our Common Future / World Commission on Environment and Development (WERD). Oxford; New York: Oxford University Press, 1987.

[3] Basiago A.D. Economic, Social and Environmental Sustainability in Development Theory and Urban Planning Practice // The Environmentalist. 1999. Vol. 19, No. 2. P. 145–161. DOI: 10.1023/A:1006697118620

[4] Our Common Future… P. 41

[5] Ibid, P. 42

[6] Gore A. Earth in the Balance: Ecology and the Human Spirit. Boston, MA: Houghton Mifflin, 1992.

нобелевскую премию мира, определили изменение расклада сил в пределах центра-периферии экополитической арены. Ключевую роль в формировании экополитической повестки начали играть государственные акторы и крупный бизнес. Традиционное противостояние между государственными и бизнес-структурами и экологическими общественными движениями постепенно, в своих лучших вариантах, превращается в партнерские отношения.

Экспертное сообщество внесло свой вклад в определении контуров и перспектив экополитического дискурса, а также в трансформацию политического сознания и политической науки. Знаменательным событием стали исследования Д. Медоуз[1][2] с соавторами, выполненные по заказу Римского Клуба и опубличенные в виде докладов «Пределы роста» и «За пределами роста». В работе «За пределами роста» вывод авторов о способности современного общества преодолеть экологические лимиты, заменив «рост» «развитием», позволил достичь определенного консенсуса различных политических и экономических сил, поскольку создает поле для достаточно широкой трактовки и увязывает сохранение природной среды и экономический рост, так как сложности совмещения экономического и социального подходов к проблеме устойчивого развития могут быть преодолены с помощью именно политических механизмов и инструментов. При этом некоторые авторы[3] считают, что основой концепции устойчивого развития является скорее политический прагматизм, нежели научно-обоснованные идеи. Тем не менее, идеи политики экологического развития без радикальной перестройки существующего общества начинают становиться все более популярными.

В настоящее время выделяют три достаточно близких подхода, сформированных в рамках этого направления: так называемый, «зеленый капитализм», собственно устойчивое развитие и экологическая модернизация.

---

[1] Медоуз Донелла Х., Медоуз Деннис Л., Рэндерс Й., Беренс В. Пределы роста: пер. с англ. М.: Изд-во МГУ, 1991.

[2] Медоуз Донелла Х., Медоуз Деннис Л., Рэндерс Й. Пределы роста. 30 лет спустя: пер. с англ. М.: Академкнига, 2007.

[3] Аксенова О.В. Генезис социально-экологической рефлексии...

Сторонники «зеленого капитализма» утверждают, что в связи с ростом спроса на экологически безопасную продукцию и услуги, а также формированием «зеленых» рынков и новыми возможностями получения прибыли, капиталистический механизм, с помощью соответствующей донастройки, можно заставить работать в экологически релевантном направлении. При этом сам рынок будет стимулировать производство и предложение подобных «зеленых» товаров и, следовательно, экологическую трансформацию общества[1]. Стоит отметить, что данный подход вполне укладывается в рамки теории общественного благосостояния и неоинституциональной теории социальных издержек Р. Коуза[2], показавшем ее возможности и ограничения еще в 70-х годах XX века.

Экомодернизационный подход к политике развития, в отличие от «зеленого капитализма» концентрируется на трансформации в основном политико-организационной составляющей. Основные изменения в этом плане связаны с децентрализацией системы управления, включением механизмов саморегулирования[3]. Государство при этом, играя ведущую роль в процессе экомодернизации, уменьшает сферу директивного управления, сосредоточивая усилия на решении тех задачах, которые без участия его ресурсов решены быть не могут. Бизнес-структуры практикуют проактивный экологический менеджмент, цель которого не ликвидация, а предотвращение неблагоприятных экологических воздействий.

Менеджериальный характер данного подхода определяет функционализацию и сетевизацию экополитического процесса, что выражается в четком распределении ролей и позиций его акторов (государства, бизнеса, общественных движений, экспертного и научного сообщества). Решение экологических проблем становится результатом деятельности сетей сотрудничества, которые объединяют разноресурсные субъекты различных секторов, в том числе и экспертного сообщества как обладателя знания о

[1] Шмидхейни С. Смена курса: пер. с англ. М.: Международный университет, 1994.
[2] Коуз Р. Фирма, рынок и право. М.: Новое издательство, 2007.
[3] Mol A.P.J. Globalization and Environmental...

сложных, слабоструктурированных междисциплинарных проблемах. Традиционные иерархические административные структуры, зачастую имеют ограниченные ресурсы, не обладают должной гибкостью и оперативностью для решения проблемы в условиях турбулентности и нарастаниях экологических вызовов[1]. Экологические проблемы по своей природе, как правило, являются транснациональными, поэтому сетевые структуры, формирующие экологическую повестку и продвигающие зеленые практики, встраиваются в многоуровневую систему управления[2], которая имеет глобальный, национальные, региональные и локальные уровни. Такие сетевые структуры по своей архитектуре также являются многосоставными и многоуровневыми, так как могут включать правительственные сети, сети НКО и бизнес-структур, эпистемологические сообщества, информационные сети и сообщества активных граждан. Речь идет об институциональном дизайне «метауправления» («governance of governance»)[3], благодаря которому происходит интеграция ресурсов различных игроков и достигаются значимые результаты в: определении глобальной экологической повестки; выработке «мягких» правил и стандартов, оказывающих в результате их имплементации в национальные практики регулирующее воздействие на целевые группы; генерировании, сборе и аналитическом обобщении информации об экологических проблемах; тиражировании успешных практик эффективной деятельности институтов развития зеленой повестки; обосновании рекомендаций по выработке и имплементации инновационных практик решения или снижения рисков экологических проблем[4]. В таких системах метауправления процесс принятия решений не монополизирован, а является сферой совместного ведения акторов сетевых структур на различных ее уровнях. Важно, что механизм

[1] Streck C. Global Public Policy Networks as Coalitions for Change. Global Environmental Governance, Options and Opportunities. New Haven: Yale School of Forestry and Environmental Studies, 2002.

[2] Саворская Е.В. Политические сети в многоуровневом управлении…; Стрежнева М.В. Структурирование политического пространства…

[3] Kooiman J. Modern Governance...

[4] Саворская Е.В. Политические сети как объект теоретического анализа проблем глобального управления // Вестник Московского университета. Сер.: 25. Международные отношения и мировая политика. 2013. № 3. С. 27–48.

самоорганизации, играющий ключевую роль в этом подходе, тем не менее не запускается сам по себе, а является следствием применения четко определенных политических инструментов, в том числе встроенных регуляторов, обладающих способностью масштабировать успешные практики.

Концепт экологической модернизации как основы политики развития был чрезвычайно популярен в начале 90-х годов. Основные его идеи были положены в основу формирования государственной политики и идеологии экологического движения целого ряда западных стран, например, Нидерландов и Японии и поддерживались известными российскими социологами.[1] В рамках данного концепта под экологической политикой понимается деятельность и сетевой процесс взаимодействия традиционных институциональных и мобилизационных акторов (протестных сообществ и экосоциальных движений) по поводу экологической повестки и решения проблем «природа – общество»[2]. Данный подход актуализирует роль гражданского общества в процессе выработки и реализации решений в сфере экологии, а также обращает внимание на трансформацию как самих гражданских структур, так и практики общественного и гражданского участия.

Понятие «устойчивое развитие», появившееся в начале 80-х годов., стало не только основой для доклада "Наше общее будущее" (1987г.), но и идеологическим основанием для формирования экологической политики практически всех стран мира, а сама концепция стала наиболее востребованной политической концепцией, постоянно развивающейся в практическом плане и неотделимой от реализации соответствующей политики. [3][4]

---

[1] Аксенова О.В. Возникновение экомодернизационных тенденций в России в 1990-е годы // Россия реформирующаяся. 2002. № 2. С. 66–90.

[2] Яницкий О.Н. Экологическое движение в «переходном» обществе: проблемы теории // СОЦИС. 1998. № 10. С. 22–33; Яницкий О.Н. Экологическая политика как сетевой процесс // Полис. Политические исследования, 2002. № 2. С. 44–57; Косов Г.В., Харламова Ю.А., Нефедов С.А. Экополитология. Политология в контексте экологических проблем. М: А-Приор, 2006.

[3] Steer A., Wade-Gery W. Sustainable Development: Theory and Practice for A Sustainable Future // Sustainable Development. 1993. No. 1. P. 23–35.

[4] Stagl S. Theoretical Foundations of Learning Processes for Sustainable Development // International Journal of Sustainable Development & World Ecology. 2007. No. 4. P. 52–62.

Основываясь на исследованиях ряда ученых[123], можно выделить следующие эволюционные этапы концепции устойчивого развития: этап формирования (1972-1987гг.) и этап современного развития.

На первом этапе (1972–1987 гг.) – формирования концепции устойчивого развития – закрепляются в научном и публичном дискурсах понимание ключевых оснований политики устойчивого развития. Данный этап связан с двумя важнейшими политическими событиями международного уровня: Всемирным саммитом по окружающей среде и развитию 1972 года в Стокгольме и Конференцией Организации Объединенных Наций по окружающей человека среде в 1972 году и публикацией первого доклада о человеческом развитии «Наше общее будущее» в 1987 году, в котором было дано определение устойчивого развития как развития, удовлетворяющего потребности настоящего без ущерба для способности будущих поколений удовлетворять свои потребности».[4]

В докладе основное внимание уделялось глобальным демографическим и продовольственным проблемам, биоразнообразию, энергетике, промышленности и т.д. К трем основным отправным точкам, зафиксированным в докладе можно отнести: невозможность развития без решения проблемы кризиса окружающей среды; ограниченность ресурсов для нужд развития; необходимость изменения текущих моделей политики роста на политику развития в интересах нынешнего и будущих поколений. При этом практическая применимость тезисов доклада для целей политического управления была весьма слабой.

Второй этап (1988г. – по настоящее время) положил начало глобальной политике устойчивого развития и имплементации стратегических приоритетов в практику национальных государств. На конференции Организации Объединенных Наций в 1992 году были приняты и подписаны «Декларация по

[1] Lele S.M. Sustainable Development: A Critical Review // World Development. 1991. Vol. 19, No. 6. P. 607–621.

[2] Mebratu D. Sustainability and Sustainable Development: Historical and Conceptual Review // Environ Environmental Impact Assessment. 1998. Vol, 18. No. 6. P. 493–520.

[3] Zhang X. Theory of Sustainable Development: Concept Evolution, Dimension and Prospect // Bulletin of Chinese Academy of Sciences. 2018. No. 33. P. 10–19.

[4] Our Common Future…

окружающей среде и развитию» и «Повестка дня на XXI век» и определена «общая, но дифференцированная ответственность» развитых и развивающихся стран за решение глобальных экологических проблем. На этой встрече также были сформулированы политические цели и планы действий по осуществлению устойчивого развития и установлен принцип построения глобального партнерства для совместного решения глобальных экологических проблем[1]. Нужно отметить, что это был первый случай трансформации теоретической концепции в глобальное политические действия[2], что подтвердило ее актуальность на уровне международной политики. Социальное измерение концепции воплотилось в решениях по сокращению неравенства и поляризации как составляющей политики развития.

В 2000 году на Саммите Организации Объединенных Наций представителями 189 стран была принята «Декларация тысячелетия», в которой были определены цели в области развития, включающие 8 ключевых областей и 21 оперативную задачу политики развития[3] . Эти цели стали международно признанной основой для политического руководства национальным развитием в течение следующих 15 лет.

После 1992 года противоречия между экономикой, обществом и окружающей средой становились все более наглядными. Кризисные явления, связанные с экономическими и социальными последствиями изменения климата, деградацией экосистем и ухудшением биологического разнообразия, энергетическими и продовольственными и ресурсными проблемами в целом, ярко продемонстрировали несостоятельность существующей политико-административной модели и необходимость политического управления этими процессами. Параллельно финансовый и экономический кризисы 2008 года, обусловившие фактически беспрецедентные до этого времени антикризисные

[1] Sun X. Review and Prospect of the UN Efforts for Sustainable Development // Chinese Journal of Population Resources and Environment. 2012. No. 22. P. 1–6.

[2] Hu D., Deng M. A Review of Sustainable Development Theory and Sustainable Development of Hospitals // Chin. Hosp. Manag. 2004. No. 24. P. 42–45.

[3] Li C. United Nations Summit Seeks Global Development // Contemp. World. 2005. P. 4–6.

политические меры экономического стимулирования, жестко поставили вопрос о возможности формирования в посткризисном мире такой политики, которая бы обеспечивала устойчивое развитие в среднесрочной и долгосрочной перспективах.

На этом фоне в 2012 году Организация Объединенных Наций провела саммит «Рио+20», на котором ключом к разрешению конфликтов между развитием и окружающей средой была определена зеленая экономика [1]. Благодаря этой новой вводной, политика устойчивого развития стала включать помимо экономической, социальной и экологической составляющих и политико-управленческую[2].

В итоговом документе Саммита РИО+20 зеленая экономика рассматривается как «один из важных инструментов для достижения устойчивого развития»[3] В частности, в документе предлагается, чтобы каждая страна «рассматривала реализацию стратегии зеленой экономики в контексте устойчивого развития и искоренения нищеты, делала все возможное для поддержания устойчивого и социально справедливого экономического роста и создания рабочих мест, особенно для женщин, молодежи и бедных»[4] .

С концепцией политики развития зеленой экономики тесно связана концепция политики «зеленого» роста. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) определяет «зеленый» рост как политический подход, направленный на «укрепление экономического роста и развития, обеспечивая при этом сохранность природных активов и бесперебойное предоставление ими ресурсов и экосистемных услуг, от которых зависит наше

[1] Barbier E.B. The Green Economy Post Rio+20 // Science. 2012. No. 338. P. 887–888.

[2] Zhu D. Sustainability Science: An Object-Process-Subject Analytical Framework // China Popul. Environ. 2016. No. 26. P. 1–9.

[3] Будущее, которого мы хотим. (Из Итогового документа Конференции ООН по устойчивому развитию «Рио+20») // Бюллетень Института устойчивого развития Общественной палаты РФ «На пути к устойчивому развитию России». 2012. № 61. URL: http://www.ecopolicy.ru/upload/File/Bulletins/B_61.pdf (дата обращения 7.08.2022).

[4] Там же.

благополучие»[1] Политическая задача при этом заключается в поиске новых способов обеспечения экономического роста, который являлся бы одновременно экологически устойчивым и социально-ориентированным.

Рабочей группой по развитию в рамках G20 в июле 2013 года в Санкт-Петербурге было разработано руководство по инструментарию для реализации политических действий для поддержки «зеленого» роста, в котором указано: «Зеленый рост не произойдет сам по себе. Требуется реализация целенаправленной стратегии и инвестиционных решений на всех уровнях от местного до глобального. Это обеспечит реальный экономический рост за счет подходов зеленой экономики…». [2]

При этом обе эти концепции зеленой экономики и «зеленого» роста базируются на общих принципах, таких как необходимость технологической модернизации для сокращения загрязнения и уменьшения исчерпания природных ресурсов, реализация стратегий повышения энергоэффективности и внедрение экологических инноваций, уменьшение выбросов парниковых газов (именно поэтому политику развития зеленой экономики иногда называют политикой низкоуглеродного развития), создание высокотехнологичных «зеленых» рабочих мест, повышение значения государственного регулирования «зеленого» перехода за счет создания экономических и финансовых стимулов, институциональных трансформаций, развития экономики знаний, экологического образования и повышения уровня экологической культуры.

Тем не менее, можно выделить несколько отличий. Так, цели политики «зеленого» роста в большей степени ориентированы на экономическую составляющую, тогда как политика развития зеленой экономики предусматривает «триединый подход» к достижению социальных, экономических и экологических целей, что делает ее ближе к политике устойчивого развития. Другая

[1] Курс на зеленый рост / Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Париж: ОЭСР, 2011.

[2] Инструментарий для реализации политических опций поддержки зеленого роста // Рабочая группа по развитию (G20). Июль 2013 г. URL: http://www.hse.ru/data/2013/10/06/1280788678/7F.pdf (дата обращения 7.08.2022).

дифференциальная характеристика фиксируется экспертами Международной Торговой Палаты. По их мнению, политика «зеленого» роста реализуется в основном в рамках подхода «снизу-вверх» (bottom-up), за счет локальных экологических инициатив, где главными акторами выступают представители гражданского общества, а политика развития зеленой экономики включает также и макроуровень, в частности глобальное и национальное политическое управление и связанные с этим инструменты политического регулирования.

Представляется, что дискуссия о содержательном теоретическом наполнении дефиниций может быть продолжена, тем не менее, неоспоримым является факт, что ближайшие десятилетия будут связаны с переходом к экономике с новой технологической основой, важнейшей характеристикой которой будет значительное уменьшение воздействия на окружающую среду.

Таким образом, концепции зеленой экономики и «зеленого» роста появились в результате глобальной политической рефлексии на сложившуюся ситуацию и необходимостью разработки ориентированных на практические действия политических подходов или «транспортных средств» для перехода от политики роста к политике развития.

По аналогии с Новым курсом, провозглашенным в разгар Великой Депрессии Франклином Делано Рузвельтом, эти концепции были реализованы в политике нового глобального «зеленого» курса, призванного, в том числе, способствовать преодолению финансового и экономического кризисов 2008 года.

Авторитетные международные организации включились в проведение масштабных исследований для оценки последствий и возможностей политики зеленой экономики и разработки Глобальной зеленой инициативы. Эти исследования убедительно доказали, что подходы, предлагаемые концепцией зеленой экономики, не только не приводят к снижению темпов экономического роста или уменьшению количества рабочих мест, а способны обеспечить условия для инвестиций, экономического роста и повышению занятости. Однако при этом, именно от политиков и правительств, как на глобальном, так и на национальном уровнях, требуется переосмысление и трансформация реализуемой политической

модели для создания стимулирующих «зеленый» рост инструментов и механизмов. Целью Глобальной зеленой инициативы, официально провозглашенной в 2009 году [1], было генерирование политических импульсов для запуска механизмов «зеленого» роста, способных «оживить» экономику, увеличить занятость и способствовать решению проблемы хронической бедности.

По определению, данному ЮНЕП, зеленая экономика – это экономика, которая «повышает благосостояние людей и обеспечивает социальную справедливость и при этом существенно снижает риски для окружающей среды и ее обеднение»[2].

В официальных документах международных организаций дефиниция зеленой экономики рассматривается в тесной связи с контекстом устойчивого развития.

По определению Департамента Организации Объединенных Наций по экономическим и социальным вопросам[3], зеленая экономика представляет собой «комплекс экономических действий, направленных на производство, распределение и потребление товаров и услуг, улучшающих в долгосрочной перспективе благосостояние людей, не создавая существенные экологические риски для будущих поколений».

В документах Конференциии ООН по торговле и развитию, зеленая экономика рассматривается как составная часть «всеобъемлющей политики комплексного развития» [4].

---

[1] Global Green New Deal Policy Brief // United Nations Environment Programme as Part of its Green Economy Initiative in Collaboration with A Wide Range of International Partners and Experts. March 2009. URL: http://www.unep.ch/etb/publications/Green%20Economy/UNEP%20Policy%20Brief%20Eng.pdf (дата обращения 7.08.2022).

[2] Навстречу «зеленой» экономике: пути к устойчивому развитию...

[3] «Зеленая» экономика // ООН. Департамент по экономическим и социальным вопросам. Устойчивое развитие. URL: https://sdgs.un.org/ru/topics/green-economy (дата обращения 7.08.2022).

[4] Торговля и зелёная экономика: руководство. Третье издание / Программа ООН по окружающей среде. Департамент экономики. URL: https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/14873/trade_GE_handbook_RU.pdf?sequence=9&isAllowed=y (дата обращения 7.08.2022).

Таким образом, обобщая современные концептуальные разработки данной проблематики, можно предложить следующее авторское определение политики развития зеленой экономики: это направление публичной политики, в которой разнообразный круг государственных и негосударственных акторов в результате сетевого взаимодействия в многоуровневой системе публичного управления создают институциональные условия для повышения благосостояния и качества жизни населения, а также осуществления деятельности социально-экономических субъектов на основе социальных и экологических императивов. Политика развития зеленой экономики направлена на то, чтобы пользуясь образным выражением[1], избежать конфликта между «перспективами политики роста и перспективами политики после роста». Политика развития зеленой экономики неразрывно связана с императивами ответственного развития. Согласно теоретическим разработкам И.С. Семененко, ответственное развитие представляет систему координат, в которой решение социальных и экономических проблем на различных уровнях организации публичного управления должно основываться «на нравственной мотивации при выборе приоритетов и ориентацию на развитие личностного потенциала человека, на нематериальные (интеллектуальные) ресурсы в производстве и потреблении, на политико-институциональное обеспечение вовлеченности граждан в реализацию важных для сообщества решений на основе гражданской идентичности»[2]. Ответственное развитие в контексте выработки и реализации политики развития зеленой экономики базируется на экологической идентичности граждан определенной территории (региона, местных сообществ) и экологических императивах согласования стратегий социально-экономического развития и институциональных механизмов ее реализации при партнерском взаимодействии различных органов власти и местного самоуправления, бизнеса, структур

[1] Ferguson P. The Green Economy Agenda: Business as Usual or Transformational Discourse? // Environmental Politics. 2015. Vol. 24, No. 1. P. 17–37.

[2] Семененко И.С. Горизонты ответственного развития…

гражданского общества (науки, образования, НКО, сообществ активных граждан и т.д.).

Важными принципами, на которых строится политика развития зеленой экономики и зеленого роста являются принципы:

– партисипативной демократии, заложенные в Глобальной Хартии Зелёных. Этот документ был согласован в австралийской Канберре в 2001 году при участии 800 делегатов, представляющих «зеленые» партии разных стран. Основные руководящие принципы, заложенные в Хартии, включают также «экологическую мудрость, социальную справедливость, ненасилие, устойчивость и уважение к разнообразию»[1].

– глокальности, заложенный в Концепции устойчивого развития и девизе Римского клуба («Думать глобально, действовать локально».)

Как было показано выше, исторически политика «зеленого» развития подчеркивала важность гражданской активности и принятия решений на местном уровне, а также непосредственную роль местных сообществ в принятии решений, влияющих на их жизнь и связи с окружающей природной средой. Таким образом, политика «зеленого» роста ориентирована на усиление совещательной демократии, основанной на прямом участии граждан и принятии решений на основе консенсуса.

Политика развития зеленой экономики также поощряет индивидуальные гражданские инициативы, связанные с изменением моделей потребительского поведения, формирования экологической идентичности, повышение уровня экологической культуры и экологического сознания населения.

При этом подобные индивидуальные инициативы не являются самоцелью, а скорее служит средством преодоления социально-экологических диспропорций в развитии, которые должны сопровождаться не только экономическими эффектами, но и улучшением социального самочувствия населения.

[1] Хартия Всемирных зеленых. URL: http://russian-greens.ru/sites/default/files/filepicker/781/hartiya_vsemirnyh_zelenyh.pdf (дата обращения 7.08.2022).

Идеи вовлечения населения в процесс принятия экологически значимых решений, связанных непосредственно с территорией его проживания, нашли отражение в концепции общественного управления природными ресурсами (Community Based Natural Resource Management)[1] как ключевой характеристикой устойчивого развития. Авторы[2] подчеркивают, что включение всех потенциальных стейкхолдеров в процесс принятия решений с большей степенью вероятности будет не только обеспечивать повышение информированности населения, но и способствовать усилению стимулов к устойчивому использованию природных ресурсов.

Подобный полицентричный интерфейс системы управления подразумевает формирование межинституциональных механизмов и характеризуется самоорганизацией населения уже на стадии становления «зеленых» практик.

Публичный характер политики «зеленого» развития определяется поддержкой широкого спектра политических партий, бизнеса из экологических и инновационных отраслей экономики, «зеленых» неправительственных организаций; финансовых институтов, некоторых региональных администраций; научно-исследовательских и образовательных учреждений. Мотивы перечисленных акторов разнообразны и могут быть обусловлены не только экологической обеспокоенностью, но и коммерческими или политическими интересами.

В то же время, поскольку, как было показано выше, аллокация последствий политики «зеленого» развития неравномерна, то будут акторы, проигрывающие в результате этого процесса (например, представители традиционных углеродоемких отраслей и т.п.) и, соответственно, выступающие против него. Успех политики «зеленого» развития во многом будет зависеть от изменения баланса сил между этими двумя группами акторов – противниками и сторонниками. Группа «сторонников» значительно расширилась в последние

[1] Pound B., Snapp S., McDougall C., Braun A. Managing Natural Resources for Sustainable Livelihoods: Uniting Science and Participation. London, UK: Earthscan, 2003.

[2] Probst K. Participatory Monitoring and Evaluation: A Promising Concept in Participatory Research? Weikersheim: Margraf Verlag, 2002.

десятилетия и будет продолжать усиливать свои позиции по мере ухудшения состояния окружающей природной среды, снижения издержек внедрения «зеленых» технологий, распространения «зеленых» ценностей и роста доходов населения.

Конкретное наполнение «зеленой» повестки гражданского и общественного участия варьируется от страны к стране. Различия в степени внимания населения к «зеленой» повестке, а также специфические особенности разных стран влияют на различия в национальных приоритетах политики «зеленого» развития. Установление приоритетов является важным, в том числе, консолидирующим для общества фактором, позволяющим мобилизовать ресурсы разнообразных стейкхолдеров для действий в том или ином направлении. Однако с точки зрения непосредственного решения задач «зеленого» развития, фокусировка на тех или иных направлениях не имеет большого смысла, поскольку в большинстве случаев все задачи неизбежно приходится решать комплексно.

Несомненные достоинства полицентрического режима в достижении целей политики «зеленого» развития заключаются в его гибкости и способности адаптации к различным условиям. Однако проблема такого способа решения экологических проблем – в необходимости и сложности координации усилий вовлеченных субъектов, необходимости преодоления значительного числа противоречий: между мотивациями и интересами различных стран и социальных групп, между национальными инструментами политики «зеленого» роста и глобальным характером экологических проблем. Поэтому использование полицентрического режима логично и оптимально дополняется традиционным подходом «сверху-вниз».

С точки зрения оперативного уровня политика зеленой экономики направлена на повышение доходов и рост занятости населения за счет инвестиций в природоохранные и ресурсосберегающие сферы деятельности, а также деятельность по сохранению биоразнообразия и предотвращению потерь экосистемных услуг.

В настоящее время в рамках политики развития зеленой экономики происходит активное формирование различных моделей (циркулярная экономика, низкоуглеродная экономика, «синяя» экономика) и их гибридов, на основе которых выстраивается архитектура национальных моделей политик развития. Ряд учреждений Организации Объединенных Наций и других организаций также разработали методологии для анализа политики зеленой экономики.

Концептуально среди приоритетных направлений, на которых основан Глобальный новый «зеленый» курс выделяют: экологически безопасную энергетику и «зеленые» технологии, развитие возобновляемых источников энергии, устойчивое сельское хозяйство, устойчивый туризм, «зеленую» инфраструктуру, сокращение эмиссий вредных веществ, а также устойчивое городское планирование, включая транспорт и «зеленое» строительство [1].

Однако состав определенных в документе направлений динамичен, постоянно развивается и связан с целым рядом геополитических, экономических и экологических событий и факторов.

В 2015 году более 150 глав государств и правительств на Саммите Организации Объединенных Наций по устойчивому развитию в Нью-Йорке приняли «Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»[2], где Цели устойчивого развития были расширены до 17 приоритетных областей, включающих 169 конкретных задач, в которых тематика зеленой экономики играет ведущую роль.

Российская Федерация официально поддержала указанные приоритеты в качестве долгосрочных целей развития.

Однако, на наш взгляд, концептуальные подходы и принципы политики развития зеленой экономики на уровне отдельных государств должны быть

[1] Green economy // United Nations Environment Programme (UNEP). URL: https://www.unep.org/explore-topics/green-economy (дата обращения 7.08.2022).

[2] Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development // United Nations.; Department of Economic and Social. Affairs Sustainable Development. 2015. URL: https://sdgs.un.org/2030agenda (дата обращения 7.08.2022).

адаптированы к конкретным условиям страны, её политическим и социально-экономическим условиям, национальным приоритетам в области развития.

В связи с этим, ЮНЕП указывает на четыре доминанты для развития « зеленой» политики на национальном уровне, которые включают [1]:

– необходимость учета в формируемых политических практиках экологических экстерналий и существующих «фиаско рынка», когда производственная или потребительская деятельность оказывает негативное влияние на третьи лица и окружающую среду, в результате чего стоимость природных благ и услуг неадекватно отражается в рыночных ценах;

– необходимость ограничения государственных расходов, ведущих к истощению природного капитала, например, субсидий, стимулирующих неустойчивое производство и чрезмерную эксплуатацию природных ресурсов;

– активное поощрение частных и государственных инвестиций в секторы зеленой экономики, содействие организационным, производственным, маркетинговым инновациям в экологической сфере, развитие «зеленых» рынков, создание инфраструктуры, необходимой для внедрения экологических инноваций и развития «зеленых» производственных цепей поставок.

Представляется, что в данном случае нужно сделать ряд общетеоретических замечаний, имеющих, тем не менее, важное методологическое и практическое значение.

Согласно известным теоретическим положениям, впервые выдвинутым Карлом Поланьи[2] и Дугласом Нортом[3], и получившим дальнейшее развитие в многочисленных более поздних исследованиях, в каждом обществе формируются определенные институциональные матрицы, в рамках которых происходит воспроизводство политических, экономических и социальных отношений. Формирование институциональных матриц неустойчивого типа развития

[1] Курс на зеленый рост…

[2] Polanyi K. Economic Sociology in the United States: Lecture given at the Institute for Cultural Relations, Budapest, Oct 9, 1963. Cit. by: Polanyi K. The Livelihood of Man. New York: Academic Press, Inc., 1977.

[3] North D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Perfomance. Cambridge: Cambridge Univer. Press, 1990.

произошло, таким образом, под воздействием целого набора исторически сложившихся факторов. Подобные институциональные матрицы складываются исторически, а не логически, и они отличаются высокой степенью инерционности. Поэтому смена их на другую, пусть даже более совершенную институциональную матрицу «зеленого» роста, неизбежно должно сопровождаться трансформацией существующей политико-управленческой модели.

Поскольку все элементы институциональной системы взаимосвязаны, то изменения одних не могут не затрагивать другие. Более того, для каждого уровня институциональной матрицы характерны определенные факторы, которые влияют на политический процесс. На микроуровне – это деятельность политических акторов по созданию, внедрению и дистрибуции норм, на мезоуровне – появление новых политических полей взаимодействия, на которых институты укореняются, и наконец, на макроуровне происходит взаимодействие между самими политическими институтами.

При этом легкость заимствования эффективных зарубежных инструментов и институтов политики развития зеленой экономики, на наш взгляд, довольно обманчива. Формирование политики развития зеленой экономики требует системной, постепенной, увязанной по ресурсам и механизмам целенаправленной работы, потому что выход из сложившихся «институциональных ловушек» не может быть быстрым и радикальным. Процесс перехода к зеленой экономике – объективно необходимый процесс, но политические решения в этой сфере могут сталкиваться со значительными сопротивлениями институциональной матрицы, продолжающей «штамповать» социально-экономические отношения по сложившемуся типу. Простое заимствование технологий не означает автоматического заимствования их институциональной поддержки. Многие инструменты политики зеленой экономики могут плохо приживаться на конкретной национальной почве, не приниматься обществом, испытывать трудности с легитимацией, принимать различные имитационные формы или мутировать до неузнаваемости. Политические схемы принятия экономических,

экологических, социальных решений, а также технологических изменений строятся в тесной институциональной привязке, создавая зависимость маршрутов.

Важнейшим показателем реальной трансформации политико-управленческой модели в направлении перехода к зеленой экономике, является степень развития интегрированности и универсальности формальных институтов развития и достижение невозможности подмены их неформальными практиками. Именно поэтому перспективы «зеленого перехода» как условия преодоления угроз «общества риска» связаны не только и не столько с развитием технологического потенциала, созданием новых технологий и формализацией новых институциональных структур. Более серьезное значение имеет широкая политическая и социально-культурная общественная трансформация, определяющая, в конечном счете, успех политики развития зеленой экономики .

1.2 Институциональные основы политики развития зеленой экономики на международном уровне

Новая область политики может считаться «состоявшейся как политический курс» и сложившейся в «маленькую политическую систему», в том случае, если созданы формальные институты, регулирующие эту область, а вовлеченные в процесс осуществления данного политического курса группы скоординированы, сконцентрированы и обладают ресурсами, в том числе для лоббирования в этой сфере[1].

В рамках политической науки попытки операционализации внешних событий («внешних шоков», «экзогенных событий») в качестве стимулов к изменению политических курсов, были развиты многими исследователями. В частности, П. Сабатье и Х. Дженкинс-Смит интегрировали этот фактор в свою

[1] Walker J.L. Setting the Agenda in the U.S. Senate: A Theory of Problem Selection // British Journal of Political Science. 1977. Vol.7, No. 4. P. 423–445.

объяснительную модель процесса реформ[1]. Э. Даунс, предложивший в 1972 году модель цикла внимания к проблеме (Issue Attention Cycle)[2], также исследовал политическое влияние острого общественного интереса к вынесенной на повестку дня проблеме в контексте реакции государства.

Впоследствии концепция Э. Даунса была развита Б. Питерсом и Б. Хогвудом[3], показавшими, что подобную модель можно применить к анализу практически любого политического курса. Исследователи определили также два рода явлений, способных «запустить» политические реформы[4]. Первую группу образуют «внешние события по большей части кризисного характера (экологические или энергетические кризисы), вторая группа представлена более политико-ориентированными триггерами»[5], связанными с определенными приоритетами тех политических акторов, которые в данный момент находятся у власти и могут выступать в качестве политических антрепренеров вынесения проблемы на повестку дня и имплементации её в политический курс.

Подобные фокусирующие события являются одним из структурообразующих элементов политико-управленческого процесса стимулирования «зеленого» роста, оказывая значительное влияние на акторов политики зеленой экономики, их кластеры и сетевые сообщества, усиливая их мотивацию и возможности продвигать свои интересы.

Формирование дизайна зеленой экономической системы происходит не только благодаря качественным технологическим переменам в производстве и потреблении благ, присущим постиндустриальному обществу, но и определенным общим трансформациям в политико-управленческой сфере, усиливающим

---

[1] Sabatier P.A., Jenkins-Smith H.C. The Advocacy Coalition Framework: An Assessment // Theories of the Policy Process / ed. by P.A.Sabatier. Boulder; Colo: Westview Press, 1999.

[2] Downs A. Up and Down with Ecology: The Issue-Attention Cycle // Public Interest. 1972. Vol. 28. P. 38–50.

[3] Peters B.G., Hogwood B.W. In Search of the Issue-Attention Cycle // The Journal of Politics. 1985. Vol. 47, No. 1. P. 238–253.

[4] Декальчук А.А. Эволюция понятия «Внешний шок» в различных традициях изучения политического курса // ПОЛИТЭКС. 2014. 2014. Т. 10, № 1. С. 208–226.

[5] Декальчук А.А. Эволюция понятия…, С.215.

значение давления, создаваемого динамикой экстернальных факторов среды на процесс принятия решений в сфере стимулирования политики «зеленого» роста.

Поскольку большинство экологических проблем рассматриваются в настоящее время как глобальные по своим причинам или последствиям, то международные институты играют особую роль в процессе перехода к зеленой экономике, выполняя функции информирования, координации и коммуникации, а также контроля.

Задачей функции информирования является уменьшение неопределенности при внедрении политических мер, обеспечивающих переход к зеленой экономике. Действительно, международные экспертные и научные комитеты являются обязательной институциональной составляющей при разработке новых зеленых «правил игры».

Вторая функция международных организаций заключается в координации переговоров, в ходе которых страны коллективно решают, каким должен быть ответ на рассматриваемые глобальные экологические проблемы. Процесс переговоров часто сопряжен с необходимостью компромиссов и уступок в поиске взаимовыгодных договоренностей. Кроме того, цели и приоритеты в области зеленой экономики на национальном уровне могут быть подвержены значительным изменениям в свете новой информации, смене курса, смене лидера (как это произошло с зеленым курсом Б. Обамы при сменившем его Д. Трампе). В этом случае роль международных институтов в снижении трансакционных издержек, связанных с проведением таких дискуссий во многих отдельных государствах трудно переоценить.

Важнейшая функция международных институтов – функция контроля – заключается в повышении вероятности того, что государства будут выполнять принятые обязательства в сфере развития зеленой экономики. Эта функция реализуется за счет повышения прозрачности международной отчетности, глобального мониторинга. Несмотря на отсутствие сильных правоприменительных механизмов к государствам-нарушителям, тем не менее,

имиджевые потери из-за несоблюдения «зеленых» норм и соглашений могут способствовать более эффективному их осуществлению.

Наконец, еще одна функция международных институтов, которая, на наш взгляд, будет иметь большое значение – координирующая и корректирующая. Глобальный переход к политике развития зеленой экономики объективно не может осуществляться равномерно. Есть страны – лидеры, которые могут быть источниками инноваций и реципиентами возможных рисков внедрения новых зеленых политических инструментов и страны-аутсайдеры. Учреждения могут играть важную роль в координации приемлемых международных мер реагирования на предполагаемое неравенство, возникающее в результате внедрения инструментов политики развития зеленой экономики в разных странах.

Процесс институционализации политики развития зеленой экономики на международном уровне происходит нелинейно и связан с рядом событий, создающими стимулы к формированию новых институциональных норм, институтов развития и соответствующих практик. Представляется, что с точки зрения данного подхода можно выделить несколько этапов институализации политики зеленой экономики на наднациональном уровне.

1 этап – 2002–2008 годы – пользуясь терминологией, предложенной Ч. Линдблюмом[1], условно можно обозначить как этап радикального инкрементализма.

Как уже было сказано, концепт зеленой экономики впервые был введен в политическую повестку на международной конференции РИО+20 в 2012 году. Тем не менее, фундамент и почва для этого были заложены еще за десять лет до этого, на международной конференции РИО+10 в Йоханнесбурге, который оказал значительное влияние на подход международного сообщества к развитию политики зеленой экономики в будущем. Цель Саммита состояла в смещении в практическую плоскость тех планов глобального экологического обустройства, которые были намечены на РИО-92, создать соответствующую программу

[1] Lindblom Ch. The Science of Muddling Through // Public Administration Review. 1959. Vol. 19, No. 2. P. 79–88.

действий и политические стимулы. При этом фокус внимания был перенесен с экологических проблем на экономические, поскольку за период, прошедший с РИО-92 стало очевидным, что решение экологических проблем невозможно при сложившемся уровне неравенства в уровне жизни в разных странах.

Любой процесс институциональных реформ должен начинаться с признания неотложности действий и понимания необходимости фундаментальных изменений в политической и экономической жизни. Масштабность институциональных преобразований, направленных на зеленую трансформацию требовала, прежде всего, достижения консенсуса между основными стейкхолдерами, движимыми собственными интересами и различными подходами к пониманию проблемы. Этот этап был чрезвычайно важен, поскольку заложил основы для признания и укрепления тех элементов в существующей институциональной архитектуре, которые могут «работать» на определение стратегического направления изменений и осуществление взвешенных и прагматичных сдвигов и начать движение глобальной системы в этом направлении.

Саммит в Йоханнесбурге в 2002 году отличался от предыдущих конференций Организации Объединенных Наций не только по результатам, но и по структуре[1], поскольку состав участников был значительно расширен за счет не только правительственных делегаций, но также неправительственных и межправительственных организаций, а также коммерческих структур. Так, из общего количества участников 22 000 человек, делегаты из числа руководителей государств и правительств составляли 100 человек, а представители неправительственных организаций и гражданского общества – 8000 человек. В совокупности ими было предложено около 300 добровольных инициатив[2]. Это позволило создать основу для использования комбинации инициатив для

[1] Nath B. Education for Sustainable Development: The Johannesburg Summit and Beyond // Environment, Development and Sustainability. 2003. No. 5. P. 231–254.

[2] Cordonier Segger M.-C. Sustainability and Corporate Accountability Regimes: Implementing the Johannesburg Summit Agenda // Review of European Community & International Environmental Law. 2003. No. 12. P. 295–309.

привлечения различных ресурсов, включая денежные, ресурсы знаний, развитие человеческого потенциала и общественную поддержку для эффективных глобальных действий. Для перевода решений Саммита в практическую плоскость было объявлено о создании так называемых «партнерств второго типа», целью которых является более активное вовлечение частного сектора, некоммерческих организаций и гражданского общества в принятие решений, «затрагивающих важнейшие проблемы развития»[1].

Предполагалось, что саммит создаст мощный стимул для разработки национальных политик и стратегий, позволяющих сформировать институциональные условия, обеспечивающие информационные и финансовые механизмы для реализации политики «зеленого» роста, а также соответствующий механизм обратной связи. К сожалению, большинство разработанных в это время национальных стратегий представляли собой «списки пожеланий»[2], в которых отсутствовали четкие и достижимые цели, которые не могли быть интегрированы в национальные системы стратегического планирования. Эта ситуация определила реакцию международных институтов, которые начали разработку руководящих принципов политики и непосредственно руководств, направленных на совершенствование разработки и внедрения политических мер экологически устойчивого развития на национальном уровне.

Так, в 2006 году ООН был принят документ о Принципах ответственного инвестирования, под которым понимается стратегия и практика включения экологических, социальных и управленческих факторов в процесс принятия инвестиционных решений для влияния на деятельность бизнес-структур. Эти принципы лежат в основе получившей широкую популярность в настоящее время концепции ESG (Environmental, Social, Governance).

---

[1] Morgera E. From Stockholm to Johannesburg: From Corporate Responsibility to Corporate Accountability for the Global Protection of the Environment? // Review of European Community & International Environmental Law. 2004. No. 13. 214–222.

[2] Dalal-Clayton B., Bass, S. Sustainable Development Strategies: A Resource Book. London: Earthscan Publications Ltd, 2002.

Таким образом, этот этап характеризовался в большей степени «институциональным принятием»[1] «зеленой» повестки на международном уровне, однако без отрыва от традиционных дискурсов экономического роста на уровне стран.

2 этап – 2008–2015 гг. – институциональный «рывок». В 2008 году начался мировой финансово-экономический кризис. Во многих развитых странах реакцией на кризис стало принятие «зеленых» стимулирующих пакетов мер, нацеленных на «повышение занятости и экономической активности за счет инвестиций в ресурсо- и энергоэффективность, создание благоприятных налоговых и институциональных режимов для развития «зеленых» секторов и т.д[2]. По данным экспертов [34], доля финансирования «зеленых» проектов в общей сумме антикризисных финансовых пакетов меры составила от 12% (США) и 38% (Китай) до 59% (Европейский Союз) и 81% (Корея) .

В октябре 2008 года ЮНЕП выступила с «Зеленой экономической инициативой», целью которой было не только «реанимация» мировых рынков, но также реализация «исторической возможности сформировать путем государственных антикризисных мер экономику завтрашнего дня»[5]. В документе отмечается, что «лучшим выбором для обеспечения реального роста и устойчивости является мобилизация ресурсов и переориентация глобальной экономики на инвестиции в зеленые технологии»[6]. Более того, на высшем

---

[1] Ferguson P. The Green Economy...

[2] Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2016 год / под ред. С.Н. Бобылева, Л.М. Григорьева. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2016.

[3] Поворот к природе: новая экологическая политика России в условиях «зеленой» трансформации мировой экономики и политики: доклад по итогам серии ситуационных анализов / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет мировой экономики и мировой политики. М.: Международные отношения, 2021.

[4] Robins N., Clover R., Singh C.A. Climate for Recovery: The Colour of Stimulus Goes Green. London: HSBC Global Research, 2009.

[5] «Глобальный зеленый новый курс» Экологически-ориентированные инвестиции как историческая возможность обеспечения процветания и занятости в XXI веке // ЮНЕПКОМ. URL: http://www.unepcom.ru/unep/gei/214-green-course.html (дата обращения 7.08.2022).

[6] Ban Ki-moon, Gore A. Green Growth Is Essential to Any Stimulus // The Financial Times. 16 February. 2009. URL: http://www.ft.com/cms/s/0/0fa98852-fc45-11dd-aed8-000077b07658.html (дата обращения 7.08.2022).

официальном уровне было признано, что «финансовый, топливный и продовольственный кризисы 2008 г. отчасти являются результатом непонимания реальной ситуации и неспособности правительств грамотно управлять рынками и ориентировать их»[1].

В рамках доклада ООН «Глобальный зелёный новый курс», вышедшего в 2008 году, были также сформулированы рекомендации в области необходимых политических реформ и государственных инвестиций, направленных на достижение цели перехода к зелёной экономике параллельно с решением проблем занятости и хронической бедности.

ЮНЕП задекларировала, что, поскольку занятость в «зеленых» секторах экономики будет неуклонно расти, то необходимо ускорить «зеленую» технологическую революцию. В рамках политической встречи после опубликования доклада Нового глобального «зеленого» курса, большинство стран официально подтвердили свою «решимость способствовать всеобщему, экологически чистому и устойчивому восстановлению» путем принятия соответствующих политических мер. Эти решения нашли отражение и в принятом в 2009 году в Лондоне лидерами «Группы двадцати» обязательстве по содействию перехода к зеленой экономике.

2010 год ознаменовался принятием странами Восточной Азии Сеульской инициативы, направленной на достижение целей низкоуглеродного и экологически чистого роста в Восточной Азии, а правительства развивающихся стран (Африки, Азиатско-Тихоокеанского региона, Азии и Европы) обратились за содействием к ООН в реализации «зеленых» проектов. Информационная поддержка развивающимся странам была оказана в рамках обучающих семинаров, организованных ЮНЕП ООН, а также организации ряда экспериментальных проектов, например в Азербайджане и Армении, а также Сербии.

[1] «Глобальный зеленый новый курс»…

Продолжением этого процесса стал совместный проект в области искоренения нищеты, снижения неравенства, борьбы с изменением климата, защиты окружающей среды ЮНЕП и Программы развития ООН (ПРООН), нацеленный на формирование политики на уровне отдельных стран, что позволило бы обеспечить «зеленый» рост в интересах бедных слоев населения.

Повышению интереса к концепции зелёной экономики способствовало и разочарование в традиционной экономической модели, накапливающееся с наступлением экономического кризиса 2008 года, что было отмечено в обобщающем докладе ЮНЕП «Навстречу зелёной экономике: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности» (2010г.), подготовленном специально для представителей властных структур.

В этой атмосфере международное сообщество подошло к конференции ООН по устойчивому развитию «Рио+20» в 2012 году, ставшей масштабнейшим событием. В конференции приняли участие 30000 человек, в том числе главы 192 государств и правительств, а также представители бизнес-структур и гражданского общества.

Конференция действительно привлекла внимание всего мира к зеленой экономике, а в преддверии к ней появилось множество публикаций и аналитических материалов, в которых рассматривались политические меры и инструменты, которые правительства могли бы использовать для «зеленого» перехода. Источниками этих материалов были такие авторитетные международные организации как ОЭСР, Всемирный банк, ЮНЕП, ЭСКАТО ООН, ДЭСВ ООН, ЮНКТАД, МОТ, Глобальная группа по устойчивому развитию, Глобальный институт зеленого роста, Коалиция «Зеленая экономика» и др.

Глобальная группа по устойчивому развитию (2011г.)[1] декларировала, что для перехода к «зеленому» росту необходимы политические действия в ключевых

[1] Resilient People, Resilient Plant: A Future Worth Choosing / Global Sustainability Pane. 2011. URL: http://www.acp.int/sites/acpsec.waw.be/files/GSP_Report_web_final.pdf (дата обращения 7.08.2022).

областях, включая интернализацию экологических и социальных издержек, создание стимулов для инвестиций, увеличение финансирования и расширение системы макроэкономических показателей, поскольку ВВП не может адекватно отразить развитие. ОЭСР (2011г.)[1] акцентировала внимание на том, что эффективная политика «зеленого» развития должна сочетать формирование рамочных институциональных условий, способных усиливать экономический рост и сохранение природного капитала с политическими мерами, направленными на стимулирование эффективного использования природных ресурсов и создание негативных стимулов для загрязнителей. В документе ОЭСР[2], предназначенном специально для органов государственного управления, законодателей и политических деятелей стран мира было признано, что «универсального рецепта» для реализации стратегий «зеленого» роста не существует, а выбор политических инструментов будет зависеть от политики и институциональных условий стран, уровня развития, обеспеченности ресурсами и специфических экологических проблем каждой страны.

Всемирный банк[3] (2011г.) также «подключился» к формированию институциональных рамок «зеленого» развития в сфере ценовой политики, прямых инвестиций, создания и распространения информации, а также промышленной и инновационной политики. ЮНЕП[4] (2011г.) определила основные институты, которые должны быть созданы и их характеристики: надежную нормативно-правовую базу, институциональное закрепление «зеленых» государственных инвестиций и расходов и ограничения государственных расходов в областях, которые истощают природный капитал, трансформация налоговых систем для поощрения экологически чистых

[1] Towards Green Growth / OECD. 2011. URL: http://www.oecd.org/document/10/0,3746,en_2649_37465_47983690_1_1_1_37465,00.html (дата обращения 7.08.2022).

[2] Towards Green Growth…

[3] From Growth to Green Growth: A Framework / World Bank. 2011. URL: https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/3670 (дата обращения 7.08.2022).

[4] Towards a Green Economy: Pathways to Sustainable Development and Poverty Eradication / UNEP. 2011. URL: https://www.unep.org/resources/report/towards-green-economy-pathways-sustainable-development-and-poverty-eradication-10 (дата обращения 7.08.2022).

инвестиций и инноваций, а также инвестиции в наращивание человеческого потенциала, профессиональную подготовку и образование.

Многие страны в процессе подготовки к саммиту выступили с собственными инициативами. Так, по предложению президента Казахстана в качестве государственной стратегии были выдвинуты инициативы «Зеленый мост» и «Глобальная энерго-экологическая стратегия устойчивого развития в XXI веке», ставшие основой для программы «Зеленый мост» и объединившей усилия стран Европы, Азии и Тихоокеанского бассейна для перехода к «зеленому» росту. Концепция по переходу Казахстана к зеленой экономике и соответствующий план мероприятий до 2020 года были приняты в 2012 году. Тогда же при президенте Казахстана был образован совет по зеленой экономике.

Итоговый документ конференции «Будущее, которого мы хотим», еще раз подчеркнул, что зеленая экономика является лишь инструментом политики устойчивого развития, при этом не существует жесткого набора правил, которому должны следовать все страны. Более того, каждая страна может самостоятельно осуществлять выбор «зеленых» целей и механизмов их достижения, ориентируясь на национальные планы, стратегии и согласуя их с национальными приоритетами в области устойчивого развития.

Подчеркивая значимость государственного регулирования процесса «зеленой» трансформации и невозможность замены или «принятия» ответственности за этот процесс другими институтами, конференция заложила понимание необходимости развития ответственности государств для создания условий, способствующих более эффективным действиям негосударственных субъектов и развития потенциала межсекторного взаимодействия.

В 2012 году, после саммита в Рио-де-Жанейро, государства-члены ООН продекларировали свои решения развивать политику «зеленого» финансирования в совокупности с оказанием технической помощи для содействия принятию различными странами, с учетом их специфики, мер по адаптации стратегий зеленой экономики.

Опираясь на международный опыт и учитывая те недостатки, которые были выявлены в ходе разработки стратегий устойчивого развития, ряд стран приступили к разработке национальных стратегий зеленой экономики.

При поддержке Глобального института «зеленого» роста – межправительственной международной организации, созданной в 2010 году национальными правительствами 12 развивающихся стран, были разработаны национальные стратегии развития зеленой экономики.

Финансирование разработок стратегий и дорожных карт зеленой экономики, а также «зеленых» проектов обеспечивали Европейский банк реконструкции и развития, Европейская комиссия, Латиноамериканский банк развития и другие международные финансовые институты.

Таким образом, в этот период зеленая экономика приобрела более широкую политическую основу. Конференция Организации Объединенных Наций по устойчивому развитию, состоявшаяся в 2012 году стала координационным центром дальнейшего развития политики зеленой экономики на международном уровне. В процессе подготовки была определенная надежда на то, что «Рио+20» добьется достаточного прогресса, чтобы обеспечить «зеленому» дискурсу необходимую политическую и финансовую поддержку или, по крайней мере, признание более центральной роли в международных политических дебатах[1] [23]. Тем не менее, по оценке экспертов, эта возможность была упущена[45]. Конференции не хватило «видения»[6], а итоговый документ «Будущее, которое мы хотим», не содержал последовательной дорожной карты необходимых изменений.

[1] Damon M., Sterner T. Policy Instruments for Sustainable Development at Rio+20 // The Journal of Environment & Development. 2012. No. 21. P. 143–151.

[2] Martinelli A., Midttun A. Introduction: Towards Green Growth and Multilevel Governance // Energy Policy. 2012. No. 48. P. 1–4.

[3] Clémençon R. Welcome to the Anthropocene: Rio+20 and the Meaning of Sustainable Development // The Journal of Environment & Development. 2012. No. 21. P. 311–338.

[4] Barbier E.B. The Green Economy...

[5] Bernstein S. Rio+20: Sustainable Development in A Time of Multilateral Decline // Global Environmental Politics. 2013. No. 13 P. 12–21.

[6]

3 этап – 2015 - 2020гг. - диффузии и масштабирования «зеленых» институтов и практик, связанный с активизацией низкоуглеродной политической повестки. Новый этап институализации политики развития зеленой экономики на международном уровне был связан с двумя значимыми мировыми политическими событиями: принятием государствами – членами ООН Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (сентябрь 2015 года) и подписанием Парижского соглашения по климату (декабрь 2015 года).

Повестка дня в области устойчивого развития содержит 17 Целей и 169 соответствующих им задач, большинство из которых тесно увязано с целями развития зеленой экономики. Новые цели являются гораздо более комплексными, широкими и сложными, чем Цели в области развития, сформулированные в Декларации тысячелетия (ЦРТ) с более широким охватом экономических, социальных и экологических аспектов. Комплексный характер целей ЦУР означает, что прогресс в достижении одной цели также связан посредством сложных обратных связей с другими целями, что, несомненно, требует активного вовлечения и взаимодействия всех заинтересованных сторон, представляющих власть, бизнес и общество, создания условий для формирования новых институциональных пространств и общих процессов принятия решений. Кроме того, фокус внимания, в том числе механизмы финансирования, а также определение ключевых направлений и конкретных политических инструментов, все в большей степени смещается с глобального уровня. Так, изначально было определено, что реализация целей будет осуществляться, главным образом, на национальном уровне после общих этапов цикла планирования политики: от определения приоритетных целей и показателей и разработки необходимых политических инструментов до оценки политики, процесса принятия и реализации решений.

Подобный подход вполне укладывается в теоретические конструкты формирования национальных институциональных матриц, в рамках которых происходит воспроизводство политических, экономических и социальных

отношений [1] [2]. Исторически сложившиеся институциональные матрицы на уровне отдельных стран отличаются высокой степенью инерционности, наличием институциональных ловушек и высокой степенью взаимосвязи между элементами каждого уровня: деятельностью политических акторов по созданию, внедрению и дистрибуции норм, появлением новых политических полей взаимодействия, на которых институты укореняются и коммуникациями между самими политическими институтами.

При этом простое заимствование институтов политики развития зеленой экономики, показавших свою эффективность в других странах и условиях, практически неприемлемо без эффективной институциональной поддержки. Политические решения при переходе к зеленой трансформации объективно сопряжены с сопротивлениями конкретной институциональной матрицы. Многие инструменты политики «зеленого» роста могут плохо приживаться на национальной почве, не приниматься обществом, испытывать трудности с легитимацией, принимать различные имитационные формы или мутировать до неузнаваемости.

Политические схемы принятия экономических, экологических, социальных решений, а также технологических изменений должны строиться в тесной институциональной привязке, создавая зависимость маршрутов.

Важнейшим показателем реальной трансформации политико-управленческой модели в направлении перехода к «зеленому» росту, является степень развития интегрированности и универсальности формальных институтов развития зеленой экономики и достижение невозможности подмены их неформальными практиками.

Именно поэтому концептуальные подходы и принципы политики развития зеленой экономики, заложенные на международном уровне, адаптируются к конкретным условиям страны, её политическим и социально-экономическим условиям, национальным приоритетам в области развития. ЮНЕП указывает на

[1] Polanyi K. Economic Sociology...
[2] North D.C. Institutions, Institutional...

четыре доминанты для развития « зеленой» политики на национальном уровне, которые включают [1]:

– необходимость учета в формируемых политических практиках экологических экстерналий и существующих провалов рынка, способствующих неадекватному отражению природных благ и услуг в рыночных ценах;

– необходимость ограничения государственных расходов, ведущих к истощению природного капитала, например, субсидий, стимулирующих неустойчивое производство и чрезмерную эксплуатацию природных ресурсов;

– активное поощрение частных и государственных инвестиций в «зеленые» технологии и «зеленые» отрасли.

При этом реализация ЦУР не является юридически обязательной для национальных правительств. Международные институты выполняют в достижении ЦУР на национальном уровне информационную и координационную функции посредством международной координации, наращивания потенциала и развития заинтересованности. Важность координации определяется тем, что достижение многих ЦУР (например, в области изменения климата) одной страной может в сильной степени зависеть от обязательств, принятых другими странами. Деятельность ООН также направлена на усиление роли негосударственных субъектов во всех странах и координацию коллективных действий. Международные институты могут укрепить политическую волю, потенциал и согласованность национальной политики, убеждая и побуждая национальные правительства двигаться по пути «зеленой» трансформации посредством предоставления информации, финансовых ресурсов и координации разрозненных усилий. Поскольку международные соглашения нуждаются в имплементационных инструментах и механизмах, на международной арене стали появляться новые игроки, такие, например, как Фонд Организации Объединенных Наций для достижения ЦРТ, целью которого является оказание поддержки, в том числе финансовой, национальным правительствам, местным органам власти,

[1] Курс на зеленый рост…

организациям частного сектора и некоммерческим организациям за счет продвижения межсекторальных подходов к решению сложных задач в области развития, повышение согласованности и реализация принципов Парижской декларации.

Большинство стран в настоящее время приступили к реализации ЦУР и отражают свой прогресс в ежегодных Добровольных национальных обзорах.

Парижское соглашение, принятое сторонами в декабре 2015 года на 21-й Конференции сторон Рамочной конвенции ООН по изменению климата, целью которого является ограничить глобальное потепление, дало новый импульс политике развития зеленой экономики, благодаря появлению глобального тренда на декарбонизацию. Несмотря на разногласия между странами-подписантами по целому ряду вопросов, многие ведущие страны и корпорации мира добровольно объявили цели по полной углеродной нейтральности. Представляется, что основную роль в этом сыграли два фактора: общественный запрос на «зеленую» трансформацию и стремление бизнеса «не упустить» новые рыночные ниши и не остаться в стороне от перспективного технологического тренда.

Переход к низкоуглеродному развитию объективно поставил вопрос о новом содержании понятия национального суверенитета (поскольку существует противоречие между масштабом экологических проблем и ресурсами влияния национальных политических организаций) и понятия справедливости (когда ограничениям подвергаются страны, в которые экологически грязные производства были вынесены из развитых стран с высоким уровнем потребления), создавая во многом конфликтные политико-дискурсивные пространства. Многие из отмеченных дисбалансов в значительной степени связаны с масштабами и эффективностью политической и институциональной поддержки зеленой экономики, требующей создания адаптированной к конкретным условиям, интегрированной в локальное политическое поле и подкрепленной наличием сильной политической воли национальной политики развития зеленой экономики.

Тем не менее, в этот период был достигнут международный консенсус о несомненной важности борьбы с изменением климата, «зеленой» трансформации и ответственности всего человечества за будущее планеты.

В рамках политики развития зеленой экономики стало происходить активное формирование различных моделей (циркулярная экономика, низкоуглеродная экономика, «синяя» экономика) и их гибридов, на основе которых выстраивается архитектура национальных моделей политик развития.

Политические события 2016 года, такие как приход к власти в некоторых странах лидеров, отрицательно относящихся к зеленой повестке (Дональд Трамп в США, Жаир Мессиас Болсонару в Бразилии), хотя и создали риски для согласования международных мер «зеленого» перехода и их дальнейшей институализации, но не смогли их остановить.

Так, институционализация стала происходить по линии политики международной торговли в формате введения требований по устойчивому развитию и защите окружающей среды в трансрегиональных соглашениях: в Соглашении о Транстихоокеанском партнерстве, в котором устанавливается механизм консультаций в случае необоснованного использования «зеленых» субсидий, в документах Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества и т.д.

Дальнейшей институционализации в этот период способствует появление и активная деятельность специализированных международных и региональных инициатив и платформ, таких как Партнёрство за действия в интересах зелёной экономики (Partnership for Action on Green Economy), Партнёрство «Знания для зелёного роста»[1] (Green Growth Knowledge Partnership), учреждённое Глобальным институтом зелёного роста, Коалиция за экологически ответственную экономику[2] (Coalition for Environmentally Responsible Economies), сеть центральных банков и

[1] Green Growth Knowledge Platform // OECD. URL: https://www.oecd.org/greengrowth/greengrowthknowledgeplatform.htm (дата обращения 7.08.2022).

[2] Thorne D.M. Coalition for Environmentally Responsible Economies. 2016 // Encyclopedia Britannica. URL: https://www.britannica.com/topic/Coalition-for-Environmentally-Responsible-Economies (дата обращения 7.08.2022).

органов финансового надзора по развитию зелёного финансирования[1] (Network of Central Banks and Supervisors for Greening the Financial System) и др.

Большое значение для институционализации имеет также рассмотрение отдельных аспектов «зеленой» тематики в рамках крупнейших международных бизнес-форумов, таких как ежегодный форум ОЭСР «Зелёный рост и устойчивое развитие», а также Всемирный экономический форум – ежегодная встреча мировых лидеров политики и бизнеса, известных представителей науки и гражданского общества для формирования программ политики развития. Так, в частности, после встречи ВЭФ в 2018 году была создана Платформа для ускорения циркулярной экономики (Platform for Accelerating the Circular Economy), объединившая более сорока международных организаций, транснациональных корпораций, институтов развития и правительственных учреждений.

Таким образом, на этом этапе, ЦУР обеспечили платформу для реинтеграции политики зеленой экономики в повестку дня в области устойчивого развития. Парижское соглашение стало императивом для успешного «обновления» институциональной основы политики развития зеленой экономики на международном уровне. Общие цели и необходимость коллективных действий в области низкоуглеродного развития создали возможность формирования пространства для развертывания дискурсов зеленой экономики в национальных и субнациональных контекстах, включения в этот процесс новых акторов, появления глобальных лидеров зеленого перехода, диктующих правила игры, а также расширения функций международных институтов.

4 этап - 2020 год – настоящее время – глобальная рефлексия на ситуацию с пандемией COVID-19 и новыми геополитическими реалиями, политика «зеленого восстановления».

Неопределенность в отношении того, в какой степени мир способен скоординированно решать общую проблему, существовала и до пандемии.

[1] The Central Banks and Supervisors Network for Greening the Financial System (NGFS). URL: https://www.ngfs.net/en/about-us/governance/general-information (дата обращения 7.08.2022).

Растущий национализм, протекционизм, соперничество между странами, в том числе США и Китаем, явились причинами, из-за которых роль международных институтов в формировании политики развития зеленой экономики перестала быть самоочевидной[1].

В то же время пандемия подчеркнула высокий уровень глобальной взаимосвязанности и, как следствие, необходимость многосторонних действий для решения глобальных, в том числе экологических, проблем.

Пандемия COVID-19 явилась своего рода «красной линией», определившей не только глобальные экономические и социально-политические трансформации, но и новые контуры политики развития зеленой экономики. Результаты вынужденной производственной и потребительской «паузы» показали как недопустимо высокую степень антропогенной нагрузки на природу, так и необходимость вновь серьезно пересмотреть принципы взаимодействия с окружающей средой[2].

В результате в обществе и политике начал происходить сдвиг в предпочтениях от принципов максимизации прибыли к принципам устойчивости и минимизации рисков.

В течение 2020 года появилась глобальная концепция «зеленого восстановления», сочетающая необходимость устранения неотложных социально-экономических последствий пандемии COVID-19 с необходимостью инициировать долгосрочные переходные процессы, направленные на решение глобальных экологических проблем.

В отличие от дискурса посткризисного восстановления, ориентированного на краткосрочное реагирование, в котором основное внимание уделяется стимулированию занятости и экономического роста («серое» или «бесцветное»

[1] Lazarou E. (2020). The Future of Multilateralism and Strategic Partnerships // EPRS Ideas Paper. PE 652.071. Sept. 2020. URL: https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_BRI (дата обращения 7.08.2022).

[2] Ровинская Т.Л. Экологический ракурс пандемии COVID-19: новый шанс для “зеленой” экономики // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, Вып. № 12. С. 128–140.

восстановление[1]), в новой повестке именно «зеленые» цели являлись доминирующими.

Эта концепция получила широкую поддержку правительств и международных организаций по всему миру, и начала подкрепляться конкретными политическими усилиями. При этом можно выделить три направления глобального политического дискурса в области «зеленого» восстановления:

– «зеленое» восстановление как сопутствующая выгода политики развития. Меры по восстановлению экономики параллельно способствуют достижению экологических целей

– «зеленое» восстановление как необходимое условие политики развития. Игнорирование экологических проблем в политике развития и мерах по выходу из кризиса создает отрицательные экстернальные эффекты в будущем

– «зеленое» восстановление как возможность для политики развития. Стимулирующие выход из кризиса пакеты мер открывают возможности для дополнительного прогресса в достижении экологических целей.

Доминирование того или другого направлений в глобальном дискурсе восстановления после кризиса имеет значение для структуры инструментов политики развития зеленой экономики, а также их эффективности, действенности и осуществимости реализации.

В зависимости от доминирующей логики политики «зеленого» восстановления формируется качество стимулов, которые могут быть как политически и социально противоречивыми, так и бесспорными. В логике возможностей политика развития строится с учетом того, что кризис позволяет мобилизовать политический капитал для «зеленого» перехода и осуществления тех «зеленых» амбиций, которые существовали лишь декларативно.

[1] Dafnomilis I., Den Elzen M., Van Soest H., Hans F., Kuramochi T., Höhne N. Exploring the Impact of the COVID-19 Pandemic On Global Emission Projections. The Hague: PBL Netherlands Environmental Assessment Agency, 2020.

При этом стали формироваться новые лидеры «зеленой» повестки - национальные коалиции сторонников использования кризиса для ускорения «зеленой» трансформации. Так, целый ряд европейских стран, включая Германию, Францию, Испанию, Великобританию, Австрию, Португалию, Италию, выделили значительные средства на инвестиции в возобновляемую энергетику, циркулярную экономику, защиту биоразнообразия и т.п. Только государственные инвестиции в повышение энергоэффективности зданий в Великобритании составили 4 миллиарда долларов, в Германии на «зеленые» проекты выделено 45 миллиардов долларов.[1]

Дискурс политики «зеленого» восстановления предполагает, что в условиях кардинально изменившейся реальности путь к достижению экологических целей лежит в плоскости согласования задач краткосрочного социально-экономического восстановления с долгосрочными. Причем экологические цели выходят за рамки смягчения последствий изменения климата, чему недавно уделялось наибольшее внимание.

Все ведущие страны мира объявили о своих планах по переходу к углеродной нейтральности. Однако в текущей геополитической ситуации неопределенность относительно того, каким образом они будут реализовываться, достаточно высока.

Тематические исследования[2] подчеркивают реставрацию ключевой роли международных организаций в поддержке глобальных усилий политики «зеленого» восстановления, особенно выделяя значение международных финансовых учреждений и новых финансовых фискальных и нефискальных инструментов. Тем не менее, новый этап институционализации политики

[1] Harvey F. Governments Put «Green Recovery» On The Backburner // The Guardianю 15.07.2020. URL: https://www.theguardian.com/environment/2020/jul/15/governments-put-green-recovery-on-the-backburner (дата обращения 7.08.2022).

[2] Ashraf N., Knaepen H., Van Seters J., Mackie J. The Integration of Climate Change and Circular Economy in Foreign Policies. Discussion Paper no. 274. // European Centre for Development Policy Management (ECDPM). 2020. URL: https://ecdpm.org/publications/integration-climate-change-circular-economy-foreignpolicies/ (дата обращения 7.08.2022).

«зеленого» роста на международном уровне характеризуется существенными вызовами для глобального сотрудничества.

В международном политическом пространстве формирования «зеленой» повестки начинается конкуренция «старых» и «новых» игроков, соперничающих за право устанавливать правила игры и доминирования на зеленых рынках. Крупным игроком в глобальной зеленой экономике становится Китай, быстро догоняя мировых лидеров как в политических инициативах (строительство «экологической цивилизации»), так и в технологическом и рыночном аспектах. Эксперты считают, что решения, которые Китай примет в следующем десятилетии, будут определять успех международных «зеленых» соглашений. «Китай будет играть гораздо большую роль в международном экологическом управлении. Мы увидим гораздо более сильный толчок со стороны Пекина, чтобы их экологическая повестка дня была принята остальным миром»[1]

В то же время политика Евросоюза продолжает оказывать значительное влияние на институционализацию «зеленого развития». Заявление о возможном введении углеродного налога ясно демонстрирует намерения Евросоюза оставаться лидером «зеленой гонки» и политическим центром формирования стандартов в новых перспективных рыночных нишах.

Выводы по первой главе. Конец XX – начало XXI века характеризуется глубокими кризисными явлениями в экологической сфере, которые имеют различный уровень проблематизации: от глобального характера до специфических локальных проекций. В научном дискурсе и экспертном сообществе формируется понимание об экологических ограничениях, а впоследствии и экологических императивах социально-экономического развития. Благодаря активному исследовательскому поиску представителей разных научных течений, в 80-е годы XX века сформировался целый комплекс концепций и теорий, объясняющих причины и следствия экологического кризиса

[1] Greenfield P., Ni V. Ecological Civilisation': An Empty Slogan or Will China Act On the Environment? // The Guardian. 16 October. 2021. URL: https://www.theguardian.com/environment/2021/oct/16/ecological-civilisation-empty-slogan-cop15-or-will-china-act-on-environment-aoe (дата обращения 7.08.2022).

и предлагающих пути выхода из него, связанные с проэкологическим переустройством систем политического управления, включая глобальный уровень.

Теоретическим основанием для определения содержательных контуров глобальной «зеленой» повестки и стратегических приоритетов субъектов ее развития стала концепция устойчивого развития. Данная концепция актуализировала три реперных точки, определяющих систему координат «зеленого» курса: невозможность развития без решения проблемы кризиса окружающей среды, ограниченность ресурсов для нужд развития, необходимость изменения текущих моделей политики роста на политику развития в интересах нынешнего и будущих поколений. Устойчивое развитие предусматривает триединый подход к достижению социальных, экономических и экологических целей, закладывая их в приоритеты и показатели развития. Научный дискурс о «развитии зеленой экономики» стал продолжением и одновременно результатом эволюции концепции устойчивого развития в рамках широких общественных дискуссий о формировании «зеленой» политической повестки на различных международных площадках национальных представительств. Принципиальным отличием политики развития зеленой экономики от ее «материнской» концепции является рассмотрение экологических приоритетов в экономической и социальной сферах общества не только в качестве системы императивов, но комплекса «выигрышей», возможностей, которые обеспечивают результаты устойчивого развития.

По результатам научного осмысления современных концептуальных разработок данной проблематики, автором было предложено определение политики развития зеленой экономики, понимаемое как направление публичной политики, в которой разнообразный круг государственных и негосударственных акторов в результате сетевого взаимодействия в многоуровневой системе публичного управления создают институциональные условия для повышения благосостояния и качества жизни населения, а также осуществления деятельности

социально-экономических субъектов на основе социальных и экологических императивов.

Политика развития зеленой экономики невозможна без реальных институциональных изменений на уровнях глобального управления и национальных государств. Как уже отмечалось, важнейшим показателем реальной трансформации политико-управленческой модели в направлении перехода к «зеленому» росту является степень развития интегрированности и универсальности формальных и неформальных институтов развития зеленой экономики, что определяет недостаточность исключительно технократического сценария реагирования на угрозы «общества риска». Большинство экологических проблем, существующих в настоящее время, являются глобальными по своим причинам или последствиям, что обусловливает формирование и развитие институционального режима поддержки перехода национальных стран к политике развития зеленой экономики. Ведущую роль в формировании глобальной «зеленой» повестки играют международные организации межправительственной и экспертно-научной направленности. Процесс институционализации политики развития зеленой экономики на международном уровне происходит нелинейно и связан с рядом событий, создающими стимулы к формированию новых институциональных норм, институтов развития и соответствующих практик. Эволюция международного институционального режима развития зеленой экономики включает четыре этапа.

Первый этап (2002–2008гг.) - радикального инкрементализма – заложил основу для разделяемого всеми участниками процесса содержательных ориентиров «зеленых» изменений и создание комбинации международных инициатив для привлечения различных ресурсов, включая денежные, ресурсы знаний, развитие человеческого потенциала и общественную поддержку для эффективных глобальных действий.

Второй этап (2008–2015гг.) – институциональный «рывок» – характеризуется антикризисными действиями международных организаций (ООН, ЮНЭП, Всемирный банк, Европейский банк реконструкции и развития и

др.) и национальных правительств по принятию «зеленых» стимулирующих пакетов мер, в числе приоритетных задач которых были определены повышение занятости и улучшение ее качества, стимулирование экономической активности на основе инвестиций в ресурсо- и энергоэффективность, создание и развитие специальных налоговых режимов и институциональных структур для развития «зеленых» секторов.

Третий этап (2015–2020гг.) – диффузии и масштабирования «зеленых» институтов и практик, связанных с активизацией низкоуглеродной политической повестки. Появление и активная деятельность специализированных международных и региональных инициатив и платформ в данный период способствовали формированию общих целей и скоординированных коллективных действий в области низкоуглеродного развития в национальных и субнациональных контекстах, включению в этот процесс новых акторов, появлению глобальных лидеров «зеленого» перехода, диктующих правила игры, а также расширению функций международных институтов.

Четвертый этап (с 2020 года – по настоящее время) – глобальная рефлексия на ситуацию с пандемией COVID-19 и новыми геополитическими реалиями. Глобальный курс «зеленого восстановления» определил дальнейшие предикторы, появилась глобальная политика развития, сочетающая необходимость устранения неотложных социально-экономических последствий пандемии COVID-19 с настоятельной необходимостью инициировать долгосрочные переходные процессы, направленные на решение глобальных экологических проблем. В результате эволюции политики развития зеленой экономики появились успешные «зеленые» инициативы и практики, определивших ряд стран в качестве лидеров.

2 Модели политики развития зеленой экономики в современных государствах: компаративный анализ

2.1 Структурные и процессуальные компоненты политики развития зеленой экономики в современных государствах

Тенденции перманентного усиления или локального ослабевания тенденций политики развития зеленой экономики разворачиваются в рамках определенного политико-управленческого процесса, под которым понимается взаимодействие различных социально-политических субъектов по поводу формирования и развития «зеленого» курса. Совокупность соответствующих субпроцессов, включающая способы и результаты этих взаимодействий, приводит к трансформациям в сложившейся структурно-функциональной и институциональной матрице политики развития.

Выше уже отмечалось, что дискурс зеленой экономики тесно связан с понятием постиндустриального общества, переходом к новому технологическому укладу, отличительными чертами которого в экономической и хозяйственной сфере являются постиндустриальные, информационные, био- и нанотехнологии. Однако, представляется, что характер и дизайн зеленой экономики закладывается не только благодаря качественным технологическим переменам в производстве и потреблении благ, присущим постиндустриальному обществу, но и определенным трансформациям в политико-управленческой сфере, усиливающим роль неправительственных акторов и значение давления, создаваемого динамикой экстернальных факторов среды на процесс принятия решений в сфере стимулирования политики «зеленого» роста.

Кроме того, тенденция политики децентрализации/регионализации политических и административных структур, затронувшая многие страны и особенно заметная в рамках Европейского Союза[1], также переопределила пространство и способы взаимодействия институтов (наднациональных и

[1] Bache I., Flinders M. Multi-Level Governance and British Politics // Multi-Level Governance / ed. by I. Bache, M. Flinders. Oxford: Oxford University Press, 2004.

национальных организаций, региональных и местных органов власти, корпоративных и общественных структур), включенных в реализацию «зеленой» повестки. В результате, политика развития зеленой экономики связывает различные пространственные уровни в формировании и развитии институциональных контекстов, в рамках которых она реализуется. Принятие политических решений базируется на многоимпульсной системе стимулов, возникающих благодаря сетевому взаимодействию на функциональном, организационном и коммуникативном уровнях управления и создающей новую акторно-институциональную модель структуры политико-управленческого процесса.

Характеристиками политики развития зеленой экономики становятся, таким образом, пространственная многоуровневость, поли- и межсекторальность[1] и полисубъектность[2].

Формирование новых сетевых структур меняет формат отношений между акторами в современных национальных и глобальных политических системах, что дает основание говорить о сетевизации политико-управленческой среды зеленой экономики. Публичный характер принятия решений, характерный для современного этапа развития общества, обусловленный широким развитием информационно-коммуникативных технологий, меняет саму структуру коммуникаций между акторами этого процесса, расширяет и изменяет их, формирует новые формы политической субъектности и гибридные формы политических институтов, уплотняет связи между ними.

Данный тезис подтверждается исследованиями И. Мирошниченко, которая считает, что в настоящее время происходит «формирование новой модели организации социально-политического пространства, в котором доминируют горизонтальные сетевые коммуникации и появляется множество разнообразных

[1] Kemp R., Schot J., Hoogma R. Regime Shifts to Sustainability Through Processes of Niche Formation: The Approach of Strategic Niche Management // Technology Analysis and Strategic Management. 1998. Vol. 10, No. 2. P. 175–195.

[2] Jänicke M. Ecological Modernisation: New Perspectives // Journal of Cleaner Production. 2008. Vol. 16, No. 5. P. 557–565.

акторов, участвующих в преобразовании публичной политики», а также исследованиями Ермолова Н.Г. с соавторами, изучившими подобную тенденцию относительно глобальной экологической политики.[1]

Необходимо также отметить, что горизонтальная структура политики развития «зеленой» экономики приобретает совершенно новые элементы за счет включения в политико-управленческий процесс задач, которые нельзя отнести к традиционным вопросам охраны окружающей среды, экологической или экономической безопасности. Дискурс политики стимулирования «зеленого» роста тесно связан с проблемами политики международного развития в целом, вопросами свободной международной торговли и международной конкуренции, инновационной политики и социальной справедливости. Зеленая экономика, кроме того, становится предметом больших общественных ожиданий. Формируясь в общественной среде и фиксируясь в СМИ, общественный запрос на выгоды, связанные с развитием зеленой экономики, оказывает влияние на принятие политических решений. Подобная экспансия «зеленого» дискурса значительно раздвинула круг акторов политики зеленой экономики, способствовала институционализации связей между ними.

Особенности структуры зеленой экономической модели, ее полисекторальность, определяют асимметричность и асинхронность динамики развития политики «зеленого» роста как в различных странах, так и в в различных секторах. В границах каждого направления политики (энергия, отходы, сокращение выбросов парниковых газов и т.д.) складываются определенные политико-управленческие структуры, характеристики которых (степень рефлексии интересов, способность их артикуляции, направление и ресурсы продвижения этих интересов, применяемые стратегии и технологии, релевантность текущей социально-экономической ситуации) могут значительно отличаться. Хотя большинство из них представляют собой институциональные

[1] Ермолов Н.Г., Терёшина М.В., Морозова Е.В. Тенденции развития экологической политики в современном мире // Политематический сетевой научный электронный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 9. URL: http://ej.kubagro.ru/archive.asp?n=100 (дата обращения 7.08.2022).

инновации, а не эволюцию существующих институтов, они изменяют общий институциональный ландшафт за счет повышения осведомленности основных участников, создания соответствующих стимулов и готовности действовать в рамках «зеленой» повестки.

Ключевыми субъектами формирования политики развития зеленой экономики являются государство, политические партии, общественные организации, бизнес-структуры, местные сообщества.

Таблица 1. Структурные компоненты политики развития зеленой экономики

Субъекты политики развития зеленой экономики	Функции	Ресурсы
Государство	Интеграция «зеленой» повестки в национальный публичный дискурс, определение стратегических приоритетов в сфере политики развития зеленой экономики, формирование нормативно-правовых рамок политики развития зеленой экономики, разработка планов, программ по реализации политики зеленой экономики, координация и интеграция деятельности всех субъектов политики, кооперация ресурсов, преодоление институциональной изоляции политики развития зеленой экономики от других видов политик	Административные, бюджетно-финансовые, информационно-дискурсивные, нормативные
Научно-экспертное сообщество	Функция агрегирования и аналитического обобщения научных данных, генерация знаний для стратегических направлений развития зеленой экономики, формирование кадрового потенциала для обеспечения структурной перестройки экономики с учетом перспектив и результатов политики «зеленого» развития; формирование индивидуальных и организационных «зеленых» компетенций; информационная и экспертно-консультационная поддержка деятельности в области зеленой экономики	Экспертные, интеллектуальные, кадровые, материально-технические, информационные
Бизнес-структуры	Формирование инвестиционного спроса на «зеленые технологии», товары и услуги, формирование рынков экологических товаров и услуг, участие в выработке	Инвестиционно-финансовые, материально-технические

	нормативных основ и реализации «зеленых» норм и стандартов, экологическая модернизация процессов производства, лоббирование значимых направлений политики «зеленого» роста, масштабирование наиболее успешных «зеленых» бизнес-практик, формирование «зеленых» предпринимательских и кадровых компетенций, создание «зеленых» рабочих мест, формирование нового качества бизнес-этики	лоббистские, инновационные
Общественные организации	Создание общественного запроса на экологические принципы в процессе принятия политических решений, формирование и продвижение «зеленого» дискурса в публичном поле, формирование и мобилизация общественного мнения, создание сетей сотрудничества на международном, национальном и региональном уровнях, контроль и общественная оценка экологически значимых государственных и корпоративных решений	Экспертные, лоббистские сетевые, символическо-имиджевые, информационные
Местные сообщества	Формирование общественного запроса на выгоды, связанные с «зеленым» развитием, потребительского спроса на «зеленые» товары и услуги, лоббирование реализации «зеленых» проектов на местном уровне, масштабирование успешных «зеленых» практик	Инвестиционные, человеческие, лоббистские, сетевые, инновационные, материальные
Политические партии	Политическое представительство интересов сообществ в развитии зеленой экономики, продвижение «зеленого курса» на уровне законодательных императивов, влияние на политическую, общественную и медийную повестку	Лоббистские , сетевые, информационно-дискурсивные

Центральная роль государства в формировании политики развития зеленой экономики подчеркивается большинством экспертов и исследователей[1]. Так, исключительно быстрые темпы развития «зеленых» секторов экономики в ряде стран, особенно заметные на фоне замедления экономического роста в 2008–2012 гг., были достигнуты благодаря сочетанию институционального и инвестиционного факторов государственной поддержки.

[1] Carter N. The Politics of the Environment…

Действительно, несмотря на то, что опыт «зеленого» перехода насчитывает значительное количество успешных «зеленых» «низовых» инициатив, результаты подобных практик сложнопредсказуемы и, в большинстве случаев, слабомасштабируемы вне поля устойчивого институционального ландшафта, формируемого государственными органами. «Зеленые» технологии, товары и услуги до сих пор не стали полностью рыночным продуктом и в некоторых случаях слабо конкурентоспособны. Институциональное «наследие» устойчивого развития представляет собой в большинстве стран набор согласованных заявлений о видении, нишевых планах, отдельных проектах и некоторых возможностях. Действующие институты структурированы вокруг традиционной экономики и сопротивляются изменениям. Поэтому создание режима государственного регулирования, основанного на сильной политической воле, поощряющего развитие экологических отраслей и технологий, формирования необходимой инфраструктуры, институциональные реформы в действующих системах управления, преодоление институциональной изолированности создаваемых и существующих институтов – задачи, которые могут быть успешно решены исключительно органами государственной власти.

Представляется, что эффективность режима государственного регулирования в направлении развития зеленой экономики связана во-первых, с четкими и непротиворечивыми законодательными рамками ключевых организационных и финансовых аспектов перехода к зеленой экономике, во-вторых, с наличием необходимых ресурсов и компетенций у исполнителей и, наконец, что немаловажно, с широкой общественной поддержкой реализуемых мер среди социальных групп и лидеров общественно-политических движений.

Координирующая и информационная функции государства состоит в том, чтобы организовать и интегрировать деятельность всех субъектов этого процесса, обеспечить разработку соответствующих планов и программ, в том числе в области образования, занятости и политики развития в целом, для обеспечения стратегической ясности видения целей политики развития зеленой экономики.

Государство, являясь наиболее ресурсным субъектом политики, имеет возможность управлять всем институциональным циклом политики развития зеленой экономики, включая создание условий для доступа к данным и их анализу, обеспечение участия в выработке «зеленого» курса заинтересованных сторон и политического диалога, создания законодательства и установления стандартов, мобилизацию и управление ресурсами и финансами.

Традиционно научное сообщество играет важную роль в формировании политического дискурса зеленой экономики и развитии общетеоретических и прикладных аспектов реализации политики «зеленого» роста. Сам термин впервые был введен в политическую повестку еще в 1989 году английскими учеными-экономистами Д. Пирсом, А. Маркандия и Э. Барбье в докладе с рекомендациями правительству Дэвида Кэмерона, целью которого было представить консервативной партии решения по улучшению качества жизни, «выходящие за рамки политических ограничений».[1] Несмотря на то, что программа была сконцентрирована на решениях для Великобритании, представлена она была в общеевропейском и общемировом контексте. «Перед лицом угрозы изменения климата мы считаем, что Британия способна снова принять вызов лидерства. Мы не сможем сделать это в одиночку, но без нас это вообще будет трудно сделать». Впоследствии «зеленая» повестка и политика «зеленого» развития формировалась под влиянием ставших классическими работ Роберта Костанза и Германа Дейли[23], в которых обсуждалась «ущербность» текущих макроэкономических показателей и необходимость учета экологической составляющей для политики устойчивого развития. Во многом благодаря этим исследованиям сформировались и были имплементированы в национальную

[1] Barbier E.B., Markandya A. A New Blueprint for a Green Economy (1st ed.). London: Routledge, 2012.

[2] Costanza R., Alperovitz G., Daly H., Farley J., Franco C., Jackson T., Kubiszewski I., Schor J., Victor P. Les Petits Matins.Vivement 2050! Programme pour une économie soutenable et desirable. Paris: Institut Veblen, 2013.

[3] Costanza R., Alperovitz G., Daly H., Farley J., Franco C., Jackson T., Kubiszewski I., Schor J., Victor P. Building a Sustainable and Desirable Economy-in-Society-in-Nature. New York: United Nations Division for Sustainable Development, 2013.

статистику системы эколого-экономического учета, позволяющие лицам, принимающим решения, адекватно оценивать степень прогресса на пути к устойчивому развитию. В 2006 году, по заказу министерства финансов Великобритании, международной группой экспертов под руководством сэра Н. Стерна был подготовлен и представлен английскому правительству доклад «Экономика климатических изменений»[1], определивший новый фокус политики развития зеленой экономики, связанный с климатическими изменениями. После публикации этих и других резонансных докладов и исследований, в исследовательском поле произошел экспоненциальный рост исследований и публикаций в области зеленой экономики. Фактически за несколько лет научное сообщество не только «приняло» «зеленую» повестку, но и активно включилось в ее реализацию. Среди научных ассоциаций, продвигающих идеи зеленой экономики, можно выделить Международное общество экологической экономики, объединяющее не только экономистов, но и представителей других научных направлений и имеющее отделения более чем в 80 странах мира, в том числе в России. Международные научные форумы и конференции по зеленой экономике стали площадками межсекторного взаимодействия, где происходит анализ и оценка эмпирических шагов по реализации политики зеленой экономики как на глобальном уровне, так и в отдельных странах и играют важную роль в преодолении разрыва между академической наукой и практическими предложениями по внедрению современных концепций в деятельность структур политической власти и общественные дискуссии.

С 2006 года издается авторитетный мультидисциплинарный научный журнал «International Journal of Green Economics», заявленная цель которого «создание эффективного канала связи между политиками, правительственными учреждениями, академическими и исследовательскими институтами, занимающимися управлением, вовлечением и воздействием зеленой экономики

[1] Stern N. The Economics of Climate Change. The Stern Review. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2006.

на все слои общества»[1]. Необходимо отметить, что многие исследователи достаточно критически относятся к действиям, предпринимаемым национальными правительствами из-за отсутствия ощутимого прогресса[23] и пытаются повлиять на политическую повестку. Так, в 2019 году в Wall Street Journal было опубликовано заявление 43 известных ученых, среди которых 27 нобелевских лауреатов, четыре экс-председателя Федеральной резервной системы и экс-председатели Экономического совета США с призывом ввести в США налог на выбросы углерода[4].

Нужно отметить, что подобная, в некоторых случаях алармистская научная риторика, создает достаточно сильные стимулы для принятия политических решений. Однако нельзя не подчеркнуть важность поиска сбалансированного подхода к поиску равновесия между императивом немедленной «зеленой» трансформации и возможными социальными и экономическими последствиями этого процесса. В целом же достигнутый в научном сообществе консенсус о необходимости «зеленого» перехода, сложившееся и устоявшееся понимание термина «зеленая» экономика, а также ее компонентов, появление новых прикладных направлений исследований, является чрезвычайно мощным фактором для формирования политики развития зеленой экономики.

Роль бизнеса в политике развития зеленой экономики кардинально отличается от той пассивной роли, которую бизнес-структуры исполняли в рамках реализации традиционной экологической политики. Фактически, бизнес превращается с одной стороны, в одного из главных благоприобретателей результатов политики «зеленого» развития, а с другой стороны, в одного из

---

[1] International Journal of Green Economics // Inderscience Publlishers. URL: https://www.inderscience.com/jhome.php?jcode=ijge (дата обращения 7.08.2022).

[2] Pierrehumbert P. There is no Plan B for Dealing with the Climate Crisis // Bulletin of the Atomic Scientists. 2019. Vol. 75, No. 5. P. 215–221.

[3] Jackson R.B., Quéré C., Andrew R.M., Canadell J.G., Korsbakken J.I., Liu Z., Peters G. P., Zheng B. Global Energy Growth is Outpacing Decarbonization // Environmental Research Letters. 2018. Vol. 13, No. 12. P. 120401.

[4] The Global Transition to Green and Fair Economies. 10 Years In / The Green Economy Coalition (GEC). 2020. URL: https://www.greeneconomycoalition.org/assets/reports/GEC-Reports/1037-GEC-Barometer-Phase2-A4-V8j-WEB.pdf (дата обращения 7.08.2022).

основных реципиентов рисков, связанных с этим процессом. Очевидно, что стимулы и риски бизнеса из разных отраслей и даже разных организационных форм в участии в «зеленом» переходе могут существенно отличаться. Так, в отчете «Лучший бизнес, лучший мир»[1] были выделены наиболее перспективные бизнес-секторы в области, например, энергетики, производства продовольствия и сельского хозяйства, а также здравоохранения, прирост в которых, благодаря «зеленому» развитию, в течение следующих 10-15 лет ускорится в два-три раза, что позволит обеспечить создание к 2030 году 380 миллионов рабочих мест. В то же время бизнес, связанный с добычей и переработкой природных ресурсов, несомненно, может столкнуться с целым рядом сложностей. Рост дивестиций из предприятий ископаемого топлива наглядно иллюстрирует этот тезис. Однако, существуют общие тренды, связанные с имплицитными особенностями модели зеленой экономики, которые способствуют включенности широкого спектра бизнес-структур в реализацию политической «зеленой» повестки.

Прежде всего, политика развития зеленой экономики способна создавать привлекательные возможности для роста, устойчивости и усиления конкурентных преимуществ корпоративных игроков. Предприятия, ориентированные исключительно на традиционные развитые рынки, упускают значительные возможности для роста на развивающихся рынках. Кроме того, ограниченность природных ресурсов, которая становится все более очевидной, «разгоняя» цены на природное сырье, создает повышенный риск для инвесторов и акционеров и заставляет ведущие компании фокусироваться на диверсификации источников ресурсов, инвестируя в «зеленые» технологии и проекты.

Инновационный и материально-технический ресурс бизнеса очень важен при формировании и реализации политики развития зеленой экономики. При этом многие из инноваций, продуцируемые бизнесом, выходят за рамки технологий, отражают изменения в бизнес-моделях, процессах управления и имеют сквозной

[1] Better Business, Better World / Business and Sustainable Development Commission. 2017. URL: http://report.businesscommission.org/uploads/BetterBiz-BetterWorld.pdf (дата обращения 7.08.2022).

характер, охватывая различные отрасли и направления инновационной, промышленной, торговой политики.

Потребность в «озеленении» бизнеса усиливается также в связи с тем, что потребители проявляют все больший интерес к экологически ответственным организациям, и учет этого фактора увеличивает прибыль бизнеса в долгосрочной перспективе. Кроме того, с увеличением объема информации, которая становится все более доступной, возрастают и ожидания потребителей, которые требуют полного раскрытия информации и реальной статистики. В дополнение к требованию подробной информации о продуктах, клиенты ищут показатели «качества», которое в общественном сознании все теснее связываются с экологическими характеристиками.

В апреле 2019 года управляющие Банков Англии и Франции совместно с Сетью по экологизации финансовой системы (NGFS), группой из 36 центральных банков пяти континентов, выпустили заявление о необходимости учета климатических и экологических рисков в корпоративном управлении, создав, тем самым, жесткие рамки для экологизации национальных денежно-кредитных систем. В настоящее время NGFS координирует деятельность по нескольким направлениям, разрабатывая политику управления климатическими и экологическими рисками, а также занимаясь мобилизацией «зеленых» финансов[1]. «Если компании и отрасли не смогут приспособиться к этому новому миру, они перестанут существовать»[2]. Перед лицом системных проблем и их возрастающего влияния на экономику и социум, традиционный подход к ведению бизнеса («business-as-usual») больше не является экономически, социально или экологически устойчивым. И осознание новой реальности заставляет бизнес занимать проактивную позицию и включаться в формирование политической

[1] Statement on Nature-Related Financial Risks / NGFS. Paris, March 24th 2022. URL: https://www.ngfs.net/sites/default/files/medias/documents/statement_on_nature_related_financial_risks_-_final.pdf (дата обращения 7.08.2022).

[2] Mark Carney tells banks they can't ignore climate change dangers // Independent. 17 April 2019. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.27b6af50-629c1825-6be50454-74722d776562/https/www.independent.co.uk/climate-change/news/mark-carney-climate-change-warning-extinction-rebellion-protest-banks-a8874226.html (дата обращения 7.08.2022).

повестки, определяющей, в конечном счете, его действия в средне- и долгосрочной перспективе.

Необходимость наращивания ресурсов влияния на принятие политических решений в сфере политики развития зеленой экономики стимулирует процессы интеграции бизнес-структур, создание соответствующих национальных и международных ассоциаций, а также гибридных структур, партнерами которых являются не только корпоративные игроки, но и органы государственной власти, а также некоммерческие организации.

Одним из наиболее ярких примеров подобных объединений, активно продвигающим «зеленую» повестку, является Международный совет предпринимателей по устойчивому развитию (WBCSD) [1] – коалиция более 200 мировых бизнес-групп, совокупный доход которых составляет более 8,5 трлн долларов США, а численность персонала –19 миллионов человек, созданная для обмена практическими идеями о существующих препятствиях и возможностях на пути к «зеленому» переходу, разработки «практических рекомендаций», а также инструментов и соответствующих платформ[2].

Все эти тенденции определяют необходимость «зеленой» трансформации процесса принятия бизнес-решений не только на операционном, но и на стратегическом политическом уровне.

На этом фоне интересно, например, отметить требование активной «зеленой» государственной политики со стороны крупных европейских нефтяных корпораций, озвученном в письме РКИК ООН в ходе подготовки к переговорам по климату в Париже в 2015 году. «… обращаемся к правительствам всего мира с просьбой предоставить нам четкие, стабильные, долгосрочные и амбициозные

[1]Building an Inclusive Green Economy for All / Poverty Environment Partnership. June 2012. URL: https://www.wbcsd.org/contentwbc/download/2895/36330/1 (дата обращения 7.08.2022).

[2] Our history // World Business Council for Sustainable Development (WBCSD). URL: https://www.wbcsd.org/Overview/Our-history (дата обращения 7.08.2022).

рамки политики… Мы считаем, что цена на углерод должна быть ключевым элементом этих рамок»[1]

В настоящее время происходит значительный и быстрый рост количества частных компаний, взявших на себя «зеленые» обязательства. Так, только за первые десять месяцев 2021 года количество компаний, продекларировавших цели снижения углеродных выбросов было больше, чем за весь предшествующий период[2]. Заинтересованность бизнеса в создании четких и непротиворечивых правил игры, позволяющих выстраивать последовательное долгосрочное направление для выбора вектора действий, определяет его участие в формировании политики развития зеленой экономики.

«Зеленые» политические партии являются важным субъектом политики развития зеленой экономики, которые отражают в системе политического представительства интересы сообществ, ориентированных не только на решение глобальных и национальных экологических проблем, но и продвижение «зеленого курса» на уровне законодательных императивов. Традиционно, с начала 70-х годов., партии «зеленых» активно представлены в партийном спектре европейских стран[3], позиционируя себя вне «классического политического спектра: «ни слева, ни справа, но впереди»[4]. Возникновение политических партий и широкая электоральная поддержка, прежде всего в европейских государствах, связаны с несколькими причинами: разворачивание в экспертном и научном сообществе дискуссий о состоянии и перспективах окружающей среды, что повлияло на политическую, общественную и медийную повестку; рост на уровне региональных и локальных территорий экологических социальных движений, имеющих развитую сетевую структуру с широким уровнем включенности

[1] World Green Economy Report Inspiring innovations in business, finance and policy / The World Green Economy Organization. 2018 URL: https://worldgreeneconomy.org/wp-content/uploads/2020/02/report.pdf (дата обращения 7.08.2022).

[2] Green Public Procurement: Catalysing the Net-Zero Economy // World Economic Forum. January 2022. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Green_Public_Procurement_2022.pdf (дата обращения 7.08.2022).

[212] Talshir G. The Political Ideology...

[4] Саворская Е.В. Энвайронментализм и экологическая…, С. 662.

граждан; а также смещение приоритетов на постматериальные ценности в политических ориентациях доминирующего в англосаксонских и европейско-континентальных политических системах среднего класса, как основной электоральной группы.

Зарубежные и отечественные исследователи, отмечая различия в содержании и деятельности политических партий «зеленых», дифференциацию их представленности на различных уровнях политического управления в Европейском Союзе (от Европарламента до представительства в органах местного самоуправления), утверждают, что все они относятся к одной «партийной семье зеленых», построенной на принципах «трех кругов»[1]: Три круга зеленых партий составляют: «партии полной зрелости», которые составляют хребет Европейской зеленой партии и фракции «Зеленые – европейский зеленый альянс»[2]; «партии неполной зрелости», которые получили распространение в странах Южной Европы, но не участвуют в системе политического представительства на уровне Европарламента, однако имеют возможности вырабатывать совместно со «старшими членами семьи» общую политическую повестку «зеленого курса»; партии дальнего «семейного круга» (зеленые партии Центральной и Восточной Европы», которые, зачастую имеют отличные от «семейных традиций» названия, но стремятся соответствовать выработанной «зеленой повестке». Важно отметить, что чем выше уровень зрелости политической партии, тем больше их организационная структура и политическая деятельность приобретает формат «классических» партий. Их встроенность в систему законотворческой деятельности Европарламента и парламентов национальных государств способствует формированию умеренного «зеленого» курса, с учетом интересов всех субъектов политики развития зеленой экономики. Незрелые «зеленые партии» максимально приближены к структуре экологических социальных движений, из представителей которых рекрутируются новые члены и которыми обеспечивается электоральная поддержка. Их политический дискурс, как правило,

[1] Green Parties in Europe…; Ровинская Т.Л. «Зеленые» в политическом…
[2] Ровинская Т.Л. «Зеленые» в политическом поле… С. 42.

имеет протестный, оппозиционный характер и связан с определением политической повестки и решением территориальных экологических проблем. Ключевые функции «зеленого» партийного движения – актуализация проблематики в национальных проекциях курса развития зеленой экономики и обеспечения представительства сообществ граждан, разделяющих экологические ценности, что отражается в электоральных показателях поддержки «зеленых» партий и их численного/коалиционного представительства в системе государственной власти.

Рекордное увеличение количества экологических общественных организаций в последние годы и наращивание ими ресурсов влияния на принятие решений в политике развития зеленой экономики стимулировали переход от режима иерархического управления, доминировавшего во многих странах до 2000-х годов к сетевым[12] (интерактивным, совместным) режимам. И хотя состав акторов полицентрического режима управления в политике развития зеленой экономики гораздо шире, тем не менее, именно экологические общественные организации способствовали тому, что органы государственной власти начали активно сотрудничать с заинтересованными сторонами. Постановка целей политики развития зеленой экономики, в основном, остается на национальном или глобальном уровне, тогда как их реализация обсуждается в рамках сетей заинтересованных сторон. Открытость этих сетей варьируется между открытыми и закрытыми подходами к совместному управлению[3]. При закрытых подходах к управлению сети, как правило, состоят из ограниченного круга участников, которые считаются критически важными для успешной реализации политики.

---

[1] Driessen P.P.J., Dieperink C., Van Laerhoven F., Runhaar H.A.C., Vermeulen W.J.V. Towards A Conceptual Framework for The Study of Shifts in Modes of Environmental Governance E Experiences from The Netherlands // Environmental Policy and Governance. 2012. Vol. 22. P. 143–160. DOI:10.1002/eet.1580

[2] Hegger D., Runhaar H., Laerhoven F., Driessen P. Towards Explanations for Stability and Change in Modes of Environmental Governance: A Systematic Approach with Illustrations from The Netherlands // Earth System Governance. 2020. DOI: 10.1016/j.esg.2020.100048

[3] Arnouts R., Van der Zouwen M., Arts B. Analysing Governance Modes and Shifts – Governance Arrangements in Dutch Nature Policy // Forest Policy and Economics. 2012. Vol. 16. P. 43–50.

Экологические общественные организации, поддерживая тесные и прямые взаимодействия с гражданами, способны развивать перспективную динамику их вовлечения, мобилизации и активизации социальной структуры общества в экологически релевантном направлении в целом. Связанные через местные, национальные и международные сети, экоНПО способны эффективно и творчески использовать различные виды ресурсов для достижения своих целей[1].

В целом, экологические общественные организации пользуются поддержкой и общественным авторитетом, хотя иногда и подвергаются критике в отношении моделей и прозрачности финансирования, качества распространяемой информации, а также методов и инструментов деятельности.

В последние годы происходит сдвиг от «мыльно-прокурорского»[2] алармистского дискурса экологических общественных организаций, к наращиванию ими экспертных, образовательных, научных компетенций и интеграцию их в разрабатываемые планы, проекты и инициативы. Многие экологические организации включаются в деятельность по популяризации тематики зеленой экономики. Так, Российское отделение Всемирного фонда дикой природы (WWF) в 2019 году подготовило и опубликовало глоссарий «Зеленая экономика: определения и понятия»[3].

Органы государственной власти иногда используют экоНПО в качестве легитимирующих элементов политики развития зеленой экономики и «зеленых» инициатив. Несмотря на то, что у каждой организации есть конкретные цели, связанные с теми или иными аспектами зеленой повестки, общие цели, к которым стремятся НПО, в большинстве случаев связаны с изменениями, социальными преобразованиями и улучшением культурного, территориального и личного контекста политики развития зеленой экономики.

---

[1] Herranz R. Las ONG: Un Sistema de Indicadores Para su Evaluación y Gestión. Palma de Mallorca: Universitat de les Illes Balears, 2007.

[2] Якимец В.Н., Экологические организации России: состояние и проблемы развития, М. ИСАР, 1998.

[3] Бабенко М.В., Бик С.И., Постнова А.И. Зеленая экономика. Определения и понятия. Москва: Всемирный фонд дикой природы (WWF), 2018.

Выстраивание локального институционального ландшафта политики развития зеленой экономики происходит на фоне двух пересекающихся трендов: значительного повышения внимания в обществе к экологической проблематике и широкого распространения цифровых информационных технологий, способствующих оперативному и динамичному включению рядовых граждан в зеленую повестку. «Новое экологическое сознание» очень конкретно выражается в изменениях менталитета и поведении потребителей/граждан, создавая социальный запрос как на экологические параметры качества окружающей среды, так и на формирование политики развития с учетом экологической составляющей. Институты «зеленого» развития, формальные и неформальные, которые формируются на местном уровне, играют чрезвычайно важную роль в диффузии «зеленых» практик и инкубации «зеленых» инноваций до жизнеспособного масштаба. Действия локальных сообществ влияют на предложение, создавая экосистему, благоприятную для экологически чистых предприятий и формируя спрос на экологически чистые продукты, услуги или процессы. Представляется, что роль локальных сообществ как акторов политики «зеленого» развития остается недооцененной как в теоретическом, так и в практическом плане. Радикальные трансформации, необходимые для устойчивого перехода к политике развития зеленой экономики потребуют гораздо большего социального и культурного опыта, достижения «критической массы» знаний, навыков и ресурсов (особенно в человеческом плане)[1], эффективной координации (через коалиции интересов, партнерства, социальные сети) большого числа разнородных (с организационной, географической или когнитивной точки зрения) субъектов[2].

Накопление инновационного потенциала, деловых сетей и навыков в локальных сообществах, городских и сельских, является важной основой для разработки и распространения новых «зеленых» технологий и практик, что

[1] Christiansen A.C., Buen J. Managing Environmental Innovation in The Energy Sector: The Case of Photovoltaic and Wave Power Development in Norway // International Journal of Innovation Management. 2002. Vol. 6, No. 3. P. 233–256.

[2] Berkhout F. Technological Regimes, Path Dependency and The Environment // Global Environmental Change. 2002. Vol. 12, No. 1. P. 1–4.

объективно связано с усилением коммунитаристских тенденций в современном политико-управленческом процессе. Результаты эмпирических исследований, проведенных в Китае[1], Бразилии, Индии, Швеции, Италии[2] убедительно доказывают, что местные сообщества могут быть эффективными проводниками политики «зеленого» развития, реализуя ее не только в рамках локального пространства, но и в информационно-дискурсивном (формирование и артикуляция «зеленого» дискурса, создание партнерств) и управленческом (общественное участие в выработке экологически значимых решений) измерениях.

Политика развития зеленой экономики реализуется в практике национальных государств на основе комплекса институциональных механизмов, обеспечивающих включенность различных субъектов в процесс выработки и реализации соответствующих решений на государственном и локальном уровнях. Среди институциональных механизмов можно выделить законодательные, структурно-организационные, финансово-налоговые, информационно-коммуникативные, информационно-аналитические и социально-просветительские.

Законодательные механизмы представляют собой систему нормативно-правовых актов, создающих условия и оказывающие регулирующее воздействие на деятельность различных субъектов политики развития зеленой экономики и граждан. Обычной практикой формирования и реализации законодательного механизма является центральная роль национальных министерств окружающей среды, которые создают общие нормативно-правовые рамки на основе имеющейся информации в сфере зеленой экономики и согласуют нормотворческую деятельность по отдельным отраслям и приоритетам. Однако сложившиеся практики разграничения полномочий между органами государственной власти и более масштабный спектр приоритетов в политике

[1] Taedong L., Koski C. Building Green: Local Political Leadership Addressing Climate Change // Review of Policy Research. 2012. Vol. 29. P. 605–624.

[2] Neij L., Heiskanen E. Municipal Climate Mitigation Policy and Policy Learning – A Review // Journal of Cleaner Production. 2021. Vol. 317. P. 128348.

развития зеленой экономики могут существенно влиять на роль и сферы ответственности этих органов. Законодательство в данном сегменте достаточно обширно, имеет зонтичный характер, так как охватывает целый комплекс отраслевых политик государства (экономической, финансовой, налоговой, инвестиционной, инновационной, топливно-энергетической, промышленной и агропромышленной и др.) и включает нормы права, имеющие учредительный, а также регулятивный и природоохранный характер. Первые, обеспечивая четкие «зеленые» ориентиры и стимулы, уменьшают неопределенность и, следовательно, поощряют различные заинтересованные стороны инвестировать в «зеленые» технологии и виды деятельности, а другие имеют решающее значение для поддержки формирования политики развития зеленой экономики. Различные нормативно-правовые акты в области зеленой экономики, принимаемые в отраслевых рамках, обладают взаимным индуцирующим эффектом[1], и развиваются в рамках пространственно-временной динамики, специфичной для определенной национальной среды[2]. Эта динамика подтверждается значительным объемом эмпирических исследований в различных секторах[3] [4]и странах [5][6]

Отдельно можно выделить национальные и региональные стратегии, утвержденные законами и подзаконными актами, в которых имплементированы «зеленые» приоритеты устойчивого развития на долгосрочный период. В стратегиях отражается «зеленый» курс государства или региона, фиксирующий «симметричные» или «ассиметричные» институциональные ответы на глобальную повестку в сфере политики развития зеленой экономики. Уже к 2015

[1] Hamdouch A., Depret M.-H. Policy Integration Strategy...

[2] Hamdouch A., Depret M.-H. Green business and entrepreneurship // Encyclopaedia on creativity, invention and entrepreneurship / ed. by E.G.Carayannis, I.N. Dubina, N. Seel, D.F.J. Campbell, D. Uzunidis. New York: Springer, 2013.

[3] Grubb M. Technology Innovation and Climate Change Policy: An Overview of Issues and Options // Keio Economic Studies. 2004. Vol. 41, No. 2. P. 103–132.

[4] Delivering A Low-Carbon Electricity System: Technologies, Economics and Policy / ed. by M. Grubb, T. Jamasb, M.G. Pollitt. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

[5] Cowan R., Hultén S. Escaping Lock-In: The Case of the Electric Vehicle // Technological Forecasting and Social Change. 1996. Vol. 53, No. 1. P. 61–79.

[6] Bomb C., McCormick K., Deurwaarder E., Kåberger T. Biofuels for Transport in Europe: Lessons from Germany and the UK // Energy Policy. 2007. Vol. 35, No. 4. P. 2256–2267.

году более 60 стран разработали национальные стратегии или планы развития зеленой экономики, часть из которых была представлена в виде дорожных карт. Лидером в этом процессе стала Республика Корея, завершившая разработку своей стратегии и соответствующий пятилетний план к 2009 году. Стратегия ЕС до 2020 года предусматривала интеграцию элементов «зеленой» экономики в стратегии по экономике и занятости. За последнее десятилетие несколько развивающихся экономик со значительными выбросами парниковых газов (в частности, Бразилия, Китай, Индия, Индонезия, Южная Африка и Республика Корея) и ряд стран с самым низким уровнем дохода (Папуа - Новая Гвинея, Бангладеш, Руанда и Кения) разработали комплексные стратегии в области изменения климата и развития низкоуглеродного роста.

Национальная Инфраструктурная Стратегия Великобритании[1], представленная Парламенту этой страны в ноябре 2020 года и носящая многозначительный подзаголовок «Справедливее, быстрее, экологичнее» (Fairer, faster, greener»), включает разделы, посвященные адаптации к климатическим изменениям, управлению отходами, «зеленым» технологиям. Кроме того, в Стратегии особо подчеркивается, что главным приоритетом правительства является обеспечение жизненно важной инфраструктуры при одновременной защите и улучшении состояния окружающей среды. При этом выход из Евросоюза рассматривается в Стратегии как «историческая возможность» разработать адаптированную к потребностям страны, ориентированную на конкретные результаты систему экологической оценки для включения в процесс принятия решений.

Реализация стратегий «зеленого» курса в практике национальных государств и их территорий требует институциональной поддержки в виде профильных органов законодательной и исполнительной власти, а также институтов развития зеленой экономики в виде межсекторных партнерств,

[1] National Infrastructure Strategy / Chancellor of the Exchequer by Command of Her Majesty. November 2020. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/938049/NIS_final_web_single_page.pdf (дата обращения 7.08.2022).

фондов, научно-исследовательских и экспертных организаций и др. Реализация политики развития зеленой экономики обуславливает перестройку существующих экономических систем, что влечет за собой структурные изменения, прежде всего, исполнительной государственной власти, а также функционала в государственном менеджменте. Например, изменения в инструментах государственных закупок в контексте «зеленых» приоритетов получило свое отражение в практиках «экологически ответственных государственных закупок»[1], с помощью которых органы власти генерируют новые потребительские модели, что влияет не только на спрос экологической продукции, но и производственные тренды[2], формирование экологических ценностей, как у представителей бизнеса, так и у граждан. Значимость этого механизма определяется масштабом осуществляемых государственных закупок (до 12% валового внутреннего продукта в ОЭСР, до 30% в развивающихся странах и до 20% в Евросоюзе.)[3] При этом именно на долю государственных закупок (оборона и безопасность, транспорт, услуги по обращению с отходами, строительство, промышленные товары и коммунальные услуги) приходится до 70% от общих выбросов парниковых газов[4].

В настоящее время широкий круг стран практикуют ту или иную форму экологически ответственных закупок для продвижения продуктов и материалов, которые являются более экологически чистыми и имеют меньший энергетический или углеродный след. Программы закупок в разных странах различаются количеством охватываемых видов продуктов и услуг и фокусом «зеленой» проблематики, а их регулирование осуществляется на разных уровнях: от общенационального до муниципального. Некоторые программы включают социальные критерии, такие как предпочтение малому бизнесу в процентном соотношении заключенных контрактов. Для определения критериев продуктов и услуг, которые могут быть приобретены в соответствии с политикой

[1] Сироткина Н.Г. Инструменты экологической политики в сфере государственных закупок // Стандарты и качество. 2019. № 1. С. 80–85.

[2] Marron D.B. Buying Green: Government Procurement as an Instrument of Environmental Policy // Public Finance Review. 1997. No. 25 (3). P. 285–305.

[3] Green Public Procurement: Catalysing…

[4] Ibid.

ответственных закупок, большинство стран использует национальные, международные или независимые экомаркировки или схемы сертификации.

Несмотря на то, что «зеленые» закупки считаются достаточно эффективным инструментом политики развития зеленой экономики, что демонстрирует, например опыт Японии[1], тем не менее, при реализации политики ответственных закупок большинство стран сталкиваются с препятствиями[2][3], к числу основных из которых можно отнести дефицит продуктов, отвечающих необходимым экологическим критериям и отсутствие четких критериев, слабая информационная поддержка программ, бюрократизация принятия решений, а также нехватка кадровых и финансовых ресурсов для их реализации. Кроме того, внедрение системы «зеленых» закупок, как правило, увеличивает государственные расходы в среднем на 3 - 6 %.[4]

В качестве структурно-организационных механизмов выступают различные формы межсекторного партнерства, объединяющие в рамках зеленых проектов государственные субъекты, частный бизнес, некоммерческие организации, эко-добровольцев и экоактивистов.

Создание специальных институтов развития создает условия для разработки долгосрочных стратегий и партнерств, основанных на принципах устойчивого развития и зеленой экономики. Например, ряд стран и крупных нефтедобывающих компаний учреждают специальные фонды (в Норвегии «Фонд будущих поколений») для формирования оснований конвертации финансовых

[1] Introduction to Green Purchasing Legislation in Japan / Ministry of the Environment (Japan MOE). 2016. URL: https://www.env.go.jp/policy/hozen/green/kokusai_platform/2015report/handbook_eng.pdf (дата обращения 7.08.2022).

[2] Van der Zwan J. Green Public Procurement as Environmental Policy Tool: A Theoretical Framework. 2018. URL: https://www.a-id.org/2686/ (дата обращения 7.08.2022).

[3] Renda A., Pelkmans J., Egenhofer C., Schrefler L., Luchetta G., Selçuki C., Zirnhelt A.C. The Uptake of Green Public Procurement in the EU27. Brussels: Centre for European Studies (CEPS), 2012.

[4] Iannone F., Testa F., Daddi T., Frey M., Casamento G. The Role of Green Public Procurement in Circular Economy Policies: An International Comparison // Economics and Policy of Energy and the Environment. 2020. P. 150–170.

ресурсов, получаемых от деятельности предприятий топливно-энергетического комплекса[1].

Механизм корпоративной социальной ответственности, также как финансово-налоговые механизмы, ориентирован на «озеленение» компаний и предприятий, но в отличие от предыдущих, основан на внутренней мотивации топ-менеджмента бизнес-структур нести социальные обязательства экологической направленности, внедрять «зеленую» деловую этику и экологическую культуру. Разделяя ценности «экологического гражданства», коммерческие структуры реализуют совместно со стейкхолдерами «зеленые» проекты развития городских и сельских территорий, в которых осуществляется основное производство или предоставление услуг[2].

Финансово-налоговые механизмы создают условия для стимулирования бизнеса к использованию «зеленых» возможностей развития. «Озеленение» бизнеса может осуществляться благодаря налоговым преференциям, «зеленым» инвестициям и т.д. Активное развитие финансовых механизмов политики «зеленого» роста прослеживается во всех странах. И хотя конкретный набор реализуемых инструментов тесно увязан с национальным контекстом, общим трендом является задача увеличения потенциала финансовых систем в привлечении частного капитала для реализации «зеленых» проектов. Одним из таких сравнительно недавно появившихся и демонстрирующих бурную динамику развития инструментов стали «зеленые облигации» («зеленые» или «климатические бонды»). Стандарты, системы сертификации и принципы обеспечения этого инструмента разрабатываются на международном уровне[3] , а национальные правительства формируют соответствующую нормативно-правовую базу и корректируют регламенты и стандарты, опираясь как на

[1] Тарасова Н.П., Кручина Е.Б. Индексы и индикаторы устойчивого развития // Устойчивое развитие: ресурсы России / под общ. ред. Н.П. Лаверова. М.: Издательский центр РХТУ им. Д.И. Менделеева, 2004.

[2] Zeng S., Qin Y., Zeng G. Impact of Corporate Environmental Responsibility on Investment Efficiency: The Moderating Roles of the Institutional Environment and Consumer Environmental Awareness // Sustainability. 2019. Vol. 11(17). P. 4512. DOI:10.3390/su11174512

[3]Climate Bonds Initiative. URL: https://www.climatebonds.net/ (дата обращения 7.08.2022).

национальный контекст, так и реальные рыночные условия. Лидерами по использованию этого инструмента являются Китай, Соединенные Штаты и Германия[1], однако можно наблюдать значительный рост доли развивающихся стран, использующих экологические облигации в системе финансовых инструментов политики развития зеленой экономики. Структура эмитентов включает как нефинансовые, так и финансовые организации, с преобладанием последних и характеризуется значительной диверсификацией форматов, объёмов, сроков погашения и сфер финансируемых «зеленых» проектов.

Необходимость мониторинга достижения целей политики развития зеленой экономики директивными органами, а также лицами, принимающими решения для понимания связей между показателями зеленой экономики в стране и их собственными коммерческими или организационными приоритетами, способствовала созданию и развитию информационно-аналитических механизмов. Информационно-аналитические механизмы политики развития зеленой экономики позволяют, в первую очередь экспертным сообществам, интегрированным в деятельность государственных и некоммерческих структур осуществлять мониторинг и рейтингования как состояния окружающей среды, результатов управления природопользованием, так и устойчивого развития стран в компаративном измерении. В современной практике сложился ряд подходов к оценке, мониторингу и рейтингованию стран на основе комплексной системы индикаторов и интегральных индексов устойчивого развития[2]. При этом эксперты отмечают, что данные системы включают в себя индикаторы настоящего и индикаторы будущего, так как ориентированы на решение прогностических задач в глобальной экологической повестке и обоснование «зеленых» перспектив[3]. К их

[1] Зеленая экономика и международная торговля…

[2] Система индикаторов, разработанная Комиссией ООН по устойчивому развитию (КУР ООН); система экологических индикаторов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР); система индикаторов для улучшения управления природопользованием в Центральной Америке; система эколого-экономического учета (СЭЭУ); индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП); индекс «живой планеты»; показатель «экологический след»; индекс экологической устойчивости; индикатор «здоровье населения»; индекс реального прогресса и индекс устойчивого экономического благосостояния.

[3] Тарасова Н.П., Кручина Е.Б. Индексы и индикаторы…

числу относятся, прежде всего, различные рейтинги и индексы, разрабатываемые международными организациями и национальными консалтинговыми агентствами и позволяющими с той или иной степенью адекватности оценить прогресс конкретных стран в этом направлении, такие как «глобальный индекс зеленой экономики», «индекс экологических инноваций», «индекс низкоуглеродной экономики»[1] «индекс привлекательности стран для развития возобновляемой энергетики»[2] Наиболее широко используемым в практике является Глобальный индекс зеленой экономики (GGEI),разработанный в 2010 году частной американской консалтинговой компанией Dual Citizens Inc. В настоящее время Глобальный индекс зеленой экономики включает информацию о 18 показателях зеленой экономики по 160 странам мира и определяется следующими ключевыми областями: изменение климата и социальная справедливость, декарбонизация секторов, рынки, инвестиции в ESG и здоровье окружающей среды. Важной особенностью этого рейтинга является учет связи между институциональной составляющей и показателями стран по сокращению выбросов парниковых газов, демонстрирующий конвергентность политической риторики и политических инструментов, и реальных результатов.

Продвижение экологической повестки невозможно без использования информационно-коммуникативных механизмов, которые реализуются в интегрированном с интернет-средой публичном пространстве. Информационные ресурсы неправительственных организаций, осуществляющие эколого-просветительские задачи в сфере гражданского образования, развития экологического активизма и добровольчества, различные экспертные площадки для обсуждения значимых экологических проблем могут быть использованы в формировании партнерств и сетевых структур по развитию зеленой экономики.

[1] The Low Carbon Economy Index. URL: https://www.pwc.co.uk/lowcarboneconomy (дата обращения 7.08.2022).

[2] Renewable Energy Country Attractiveness Index 2015. URL: http://www.ey.com/gl/en/industries/power---utilities/ey-renewable-energy-country-attractiveness-index-our-index (дата обращения 7.08.2022).

Процесс выработки и реализации решений в рамках политики развития зеленой экономики представляет собой политико-управленческий цикл, включающий фазы построения повестки дня, выработку политического решения в виде формулирования альтернатив и легитимации решения, реализацию решения и оценивание решения[1]. Важно, что политика развития зеленой экономики, будучи по природе публичной политикой, которая разрабатывается в широком дискурсивном пространстве и реализуется разнообразным кругом субъектов для выработки инновационных решений, невозможна без институциональных механизмов сетевого менеджмента[2]. Сетевой менеджмент является процессуальным механизмом сетевого публичного управления, в котором достигаются общие для разнообразных по своему ресурсному потенциалу, ценностным ориентациям акторам цели политики развития зеленой экономики. Сетевой менеджмент политики развития зеленой экономики обеспечивается за счет выработки общих правил игры и публичных экоценностей; создания сетевой архитектуры вовлечения широкого круга участников в процесс обсуждения, разработки решений и их реализации, координации и проектирования их деятельности на принципах экологической ответственности и сотрудничества.

«Зеленый» курс в политике развития осуществляется в дискурсивном пространстве публичной политики, в котором актуализируются различные виды экологических повесток: от глобальных межправительственных повесток до локальных общественных дискуссий. На фазе инициирования решения в политико-управленческом цикле происходит структурирование сложных экологических проблем, определяется приоритетность, как в перечне проблем, так и причинах их возникновения, формируются мотивационные стимулы для дальнейшего участия международных акторов, национальных правительств, других субъектов в разработке и реализации решений по согласованному перечню «зеленой» повестки. Результатом выработки «зеленой» повестки является система

[1] Дегтярев А.А. Методологические подходы и концептуальные модели в интерпретации политических решений (III) // Полис. Политические исследования. 2003. № 3. С. 157–161.

[2] Klijn E.-H., Koppenjan J.F.M. Public management and Policy Networks. Foundations of a Network Approach to Governance // Public Management. 2000. Vol. 2, № 2. P. 82–102.

приоритетов для дальнейшего сетевого сотрудничества разнообразных акторов многоуровневой системы публичного управления политикой развития зеленой экономики.

Фаза выработки решений в рамках «зеленого» курса и согласованной приоритетной экологической повестки предполагает закрепление приоритетов развития зеленой экономики и их легитимация в стратегических документах международного, национального или регионального уровня в зависимости от масштаба повестки (конвенции, стратегии и планы перехода/развития и т.д.). Здесь важное значение приобретает согласование интересов акторов политики развития зеленой экономики, чтобы институционально закрепленные приоритеты и инициативы в дальнейшем не «зависли в воздухе», не пробрели имитационный характер. Перед легитимацией решений необходим процесс выработки совместных установок на практические меры, определения рисков при их реализации.

Реализация решений предполагает включение на основе комплекса институциональных механизмов широкого круга акторов в сетевое взаимодействие и сотрудничество на всех уровнях публичного управления политикой развития зеленой экономики. Результатом реализации решения является достижение целевых показателей устойчивого развития в национальных и региональных измерениях, степень достижения которых определяется на фазе оценивания успешности политических решений экспертным сообществом и международными неправительственными организациями экологической направленности.

Таким образом, в зависимости от национального контекста в различных странах складываются собственные модели политики развития зеленой экономики, которые отличаются многоуровневостью, межсекторальностью и полисубъектностью. Специфика национальных моделей, складывается из структурных и процессуальных характеристик политики развития зеленой экономики. К структурным характеристикам относятся субъекты и институциональные механизмы политики развития зеленой экономики. К

типичным субъектам политики развития зеленой экономики относятся государство (в лице политического руководства страны, органов государственной власти и местного самоуправления), бизнес, политические партии, некоммерческие организации, местные сообщества. Институциональные механизмы (законодательные, структурно-организационные, финансово-налоговые, информационно-коммуникативные, информационно-аналитические и социально-просветительские) получают различное содержательное и практическое воплощение в институциональных моделях политики развития зеленой экономики в условиях национальных государств. Процессуальные характеристики политики развития зеленой экономики связаны с практикой и результатами включения субъектов на основе комплекса институциональных механизмов в процесс инициации, разработки, реализации и оценки решений на различных уровнях публичного управления политики развития зеленой экономики.

2.2 Практики реализации политики развития зеленой экономики в национальных моделях современных государств

В условиях глобального консенсуса о необходимости «зеленого перехода» и отсутствия универсальных алгоритмов реализации соответствующих национальных политик, правительства различных стран принимают на себя определение как приоритетов политики развития зеленой экономики, так и выбор наиболее адекватных уровню социально-экономического развития, институциональному и ресурсному потенциалу, а также сложившимся системам управления, политических стратегий и инструментов для достижения желаемых результатов. Потребность в гибкости национальных политик также объективно связана с уже имеющимся национальным «заделом» в таких областях, как политика устойчивого развития, управление окружающей средой и деятельность в области изменения климата.

Основные контуры для формирования и реализации политики развития зеленой экономики на уровне отдельных стран содержатся в руководствах различных международных организаций.

Так, ОЭСР[1] подчеркивает, что необходимо сочетание политических инструментов в двух основных областях: создание рамочных условий, способных взаимно усиливать экономический рост и сохранение природного капитала, а также реализация политических мер, направленных на стимулирование эффективного использования природных ресурсов и повышение стоимости загрязнения. Всемирный банк[2] [3] (2012) акцентирует внимание национальных правительств на сочетании таких политических инструментов как «ценовая политика, нормы и правила, общественное производство и прямые инвестиции, создание и распространение информации, образование и моральное убеждение, а также промышленная и инновационная политика».

ЭСКАТО ООН[4] (2012) прямо указывает на ведущую роль государства, заключающуюся в реформировании системы экономических стимулов, поощрении устойчивых инвестиций в инфраструктуру и содействии инвестициям в природный капитал.

В публикациях также предлагается обширный и разнообразный набор приоритетов политики зеленой экономики, диагностических инструментов и руководящих принципов процесса, которые могут быть реализованы национальными правительствами.

В то же время практически во всех руководствах, в той или иной интерпретации, содержится тезис о том, что реализация «идеальных» политических мер в реальном национальном контексте неизбежно сталкивается с многочисленными барьерами, включая несоответствие сложившихся систем

[1] Курс на зеленый рост…

[2] Inclusive Green Growth: The Pathway to Sustainable Development / World Bank. Washington, DC: World Bank, 2012.

[3] Ibid.

[4] Low Carbon Green Growth Roadmap for Asia and the Pacific / ESCAP. 2012. URL: https://unescap.org/sites/default/d8files/2021-11/LGCC%20summary%20for%20policymakers%202012.pdf (дата обращения 7.08.2022).

управления новым задачам, различного рода институциональными ловушками и рыночными сбоями, существующими культурными паттернами и т.д.

Таким образом, комплекс мер политики развития зеленой экономики должен включать набор дополнительных мер, направленных на устранение соответствующих барьеров и рисков, в том числе трансформации в государственных инвестициях, инновационной и промышленной политике, системах образования и профессиональной подготовке, а также кампании по просвещению и повышению осведомленности в области зеленой экономики в целом.

В то же время, хотя типы предлагаемых и осуществляемых ключевых и дополнительных политических мер часто пересекаются, существует значительная неопределенность в прогнозах масштабов этого процесса и фактическом достижении результатов на уровне отдельных стран.

Представляется, что к числу ключевых факторов, влияющих на архитектуру национальных моделей политики развития зеленой экономики можно отнести: уровень социально-экономического развития и обеспеченность ресурсами, объективную степень остроты экологической проблематики и субъективное восприятие ее в общественном сознании, а также формат политического взаимодействия между субъектами политики развития.

Влияние уровня социально-экономического развития носит противоречивый характер и может быть как движущей силой, так и барьером для выработки политики. В развитых странах экологические блага имеют субъективно более высокую оценку, в том числе, во многих случаях, из-за их редкости. Заинтересованность стран - крупных импортеров энергоресурсов в альтернативных источниках энергообеспечения также усиливает стимулы к выработке и реализации ими политики зеленой экономики. Богатые природными ресурсами страны с обширной территорией и высоким потенциалом внутреннего рынка не столь строго ограничены в своем развитии экологическими лимитами.

Страны, столкнувшиеся с необходимостью немедленного реагирования на высокую степень загрязнения окружающей среды, ограничивающую

экономическое и социальное развитие, демонстрируют более сильную приверженность зеленому политическому курсу.

Сложившийся формат взаимодействия между субъектами политики развития зеленой экономики определяет масштабы, практики этого процесса и во многом влияет на его результаты. В качестве объектов для исследования были выбраны зарубежные страны, входящие в топ-5[1] крупнейших экономик мира[2] (США, Китай, Евросоюз), во многом являющиеся конкурентами в глобальной политике, демонстрирующие устойчивые/прогрессирующие результаты индикативных оценок «зеленого» развития по данным международных рейтингов, в частности, Global Green Economy Index за период 2005-2022гг., но в то же время значительно отличающиеся как социо-культурными характеристиками, так и институциональными дизайнами реализуемых национальных моделей политики развития зеленой экономики.

Можно выделить несколько моделей политики развития зеленой экономики, определяющих доминирующую роль определенных субъектов, комплекс институциональных механизмов, определяющих их включенность в процесс выработки и реализации политического курса и решений в данной сфере: «централизованная модель с государственным доминированием» (Китай), «децентрализованная модель с высокой степенью координации» (США), «сетевая многоакторная модель» (Евросоюз).

В течение последних четырех десятилетий Китай демонстрировал исключительно высокие темпы экономического роста, сопровождавшиеся серьезным нарастанием экологических проблем. Сильная зависимость экономики от ископаемых источников энергии с высоким уровнем загрязнения окружающей среды, на которые приходится от 70 до 80% от общего потребления энергии, огромные потери ресурсов, в том числе из-за устаревшей инфраструктуры, сделали Китай главным эмитентом выбросов парниковых газов в мире.

[1] Economy Rankings: Largest countries by GDP, 2022 // CEOWORLD Magazine. March 31, 2022. URL: https://ceoworld.biz/2022/03/31/economy-rankings-largest-countries-by-gdp-2022/ (дата обращения 7.08.2022).

[2] Ibid.

Бесперспективность такого неустойчивого типа развития была официально признана китайским правительством, запустившим, начиная с 2006 года, политику «институционализированного протекционизма»[1] зеленой экономики, в результате которой сложилась централизованная модель политики развития зеленой экономики с государственным доминированием. Необходимо отметить, что в настоящее время в Китае уже сформировалась уникальная модель политики развития зеленой экономики, отличающаяся от американской и европейской модели и превратившая его, по выражению[2] в «демиурга-катализатора» политик развития зеленой экономики.

Начиная с 11 пятилетнего плана (2006-2010гг.) зеленые приоритеты развития находятся в числе стратегических ориентиров китайских властей, во многом определяющих рамки национального законодательства. Четко сформулированные экологические цели, направленные на снижение энергоемкости страны[3], поддержку прямых инвестиций в возобновляемые источники энергии, «чистый уголь» и автотранспорт[4], а также значительные государственные вложения в зеленые сектора позволили этой стране, несмотря на значительное запаздывание по сравнению с европейскими странами, достичь значительных успехов в этой области.

В 2015 году правительство Китая приняло два ключевых документа стратегического планирования зеленого развития, которые имели долгосрочные последствия как в области внутренней политики, так и значительно повлияли на глобальную политику «зеленого» развития. Первый из этих документов «Позиция Центрального Комитета и Госсовета КНР об ускорении темпов перехода к

---

[1] Hamdouch A., Depret M.-H. Sustainable Development Policies and The Geographical Landscape of the Green Economy: Actors, Scales and Strategies // Finisterra. 2012. Vol. 47, No. 94. DOI: 10.18055/Finis2681

[2] Simonov E., Glazyrina I. Ecological Civilization of China: new challenges or new opportunities for Russia? // EKO – Journal of Russian Academy of Science on Sustainable Development. 2015. No. 7. P. 53–72.

[3] Barreau B., Buba J. La Chine dans le processus de Copenhague: la difficile inclusion d'un grand emergent // Politique climatique: une nouvelle architecture internationale / ed. par J. Tirole. Paris: Centre d'analyse stratégique, 2009.

[4] Robins N., Clover R., Singh C. A Climate for Recovery...

экологической цивилизации»[1] был разработан в рамках реализации решений 18-го съезда Коммунистической партии Китая, на котором был принят план строительства «прекрасного Китая», одной из пяти составляющих которого декларировалась «экологическая цивилизация». Ключевой тезис документа заключался в необходимости интеграции экоориентированных задач (было поставлено 30 задач) во все аспекты социального и экономического развития общества. При этом предусматривалась жесткая система контроля и ответственности за их выполнение. Фактически этот документ являлся дорожной картой для реализации масштабного государственного проекта «зеленой» трансформации и определял не только основные направления политики, но и механизмы ее реализации (создание новых природоохранных стандартов, повышение энергоэффективности, развитие инновационных ресурсосберегающих и безотходных технологий и производственных процессов, функциональное региональное экологическое зонирование, разработка и внедрение экологических критериев оценки деятельности госслужащих на всех уровнях). Одновременно с уже указанным стратегическим документом, китайским правительством был развернут широкий законодательный и фискальный арсенал поддержки «зеленого» роста, включающий новые амбициозные административные механизмы и инструменты стимулирования (особенно на бюджетном и финансовом уровнях), которые уже были успешно апробированы в других национальных контекстах[2].

Национальная программа по изменению климата, начатая в 2007 году, Закон о поощрении экологически чистого производства, Закон об оценке воздействия на окружающую среду, а также многочисленные правовые механизмы, включая

[1] Мнения Центрального комитета Коммунистической партии Китая и Государственного совета об ускорении строительства экологической цивилизации / Информационное агентство Синьхуа, Пекин, 5 мая. (На японск.) URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2015-05/05/c_1115187518.htm (дата обращения 7.08.2022).

[2] Junfeng L., Pengfei S., Hu G. 2010 China Wind Power Outlook. Beijing-Brussels: Greenpeace China-CreiaGWeC, 2010.

экологические налоги, налоговые льготы и т.д., органично дополняют систему государственного регулирования политики «зеленого» развития Китая[1].

«Мы возьмем развитие экологической цивилизации в качестве нашего руководства для координации отношений между человеком и природой», - заявил первый генеральный секретарь КПК Си Цзиньпин в своем программном выступлении на торжественном открытии Конференции по климату в Париже в 2015 году[2].

В плане Китая на период 14-й пятилетки (2021-2025гг.), пять из двадцати заявленных и из восьми обязательных к достижению показателей относятся к экологическому блоку и напрямую связаны с развитием зеленой экономики: снижение уровня потребления энергии на единицу ВВП, снижение уровня выбросов парниковых газов на единицу ВВП, доля дней с хорошим качеством воздуха в городах уровня префектуры и выше и т.д. Также ставятся цели экологически чистого производства, потребления и экологичного образа жизни в целом[3].

Параллельно с началом «зеленого перехода» китайским правительством была принята резонансная масштабная программа, направленная на расширение национальных зон и сфер влияния – «Шелковый путь» («Один пояс – один путь»), включающая целый ряд глобальных инфраструктурных проектов, в том числе транспортных коридоров, соединяющих страны мира. Целью программы является сохранение и увеличение темпов экономического роста Китая и «рациональное распределение производственных сил и снижения нагрузок на среду и социум на территории страны». Неоднозначность проекта, практически сразу отмеченная экспертами, состояла в том, что при ориентации внутренней политики развития на построение экологической цивилизации, внешние ее контуры были основаны на

[1] Weng X., Dong Z., Wu Q., Qin Y. China's Path to A Green Economy...

[2] Greenfield P., Ni V. Ecological Civilisation'…

[3] Кашин В.Б., Пятачкова А.С., Смирнова В.А., Литвинов А.А., Поташев Н.А. Китайские эксперты о новом пятилетнем плане КНР. 2021. URL: https://cceis.hse.ru/data/2021/03/29/1386510407/14-%D1%8F%20%D0%BF%D1%8F%D1%82%D0%B8%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%BA%D0%B0.pdf (дата обращения 7.08.2022).

идее активного экспорта грязных производств на территорию других стран[1]. Кроме того, механизм заявленных мегапроектов не предусматривал ни процедур стратегической экологической оценки, ни широкого общественного участия в их обсуждении. Значительный общественный резонанс способствовал объединению усилий гражданского общества разных стран для поиска инструментов «зеленого» переформатирования инвестиционных и инфраструктурных составляющих этого проекта. «Спасибо Китаю, что своей глобальной стратегией он помогает и нам мыслить масштабно и действовать сообща»[2]. В 2016 году в Москве на Общероссийском гражданском форуме была разработана и открыта для подписания Декларация международной гражданской инициативы «Зеленый Шелковый путь». Главная идея, содержащаяся в Декларации, заключается в том, чтобы создать экологическую основу для интеграционных процессов и «строительства экологической цивилизации» в Евразии в целом, а не только в Китае[3].

Анализируя китайскую модель, можно констатировать, что сильная политическая воля и ведущая роль государства имеет мультипликативный эффект централизованно реализуемой политики «зеленого» развития. Постоянная, хотя и запоздалая общественная приверженность «зеленому» курсу, существенные (практически неограниченные) финансовые ресурсы, растущее лидерство в области возобновляемых источников энергии и протекционистские меры по локализации производимого в этих целях оборудования, квазимонополия на редкоземельные металлы, использующиеся в производстве ключевых компонентов для возобновляемых источников энергии – те факторы, которые определяют дизайн и результаты китайской модели. Специфические

[1] Экологи одиннадцати стран выступили за "озеленение" Шелкового пути // ЭкоДело. 2016. URL: https://ecodelo.org/v_mire/42653-ekologi_odinadcati_stran_vystupili_za_ozelenenie_shelkovogo_puti (дата обращения 7.08.2022).

[2] WWF России поддерживает «Зеленый Шелковый Путь» // WWF. 2016. URL: https://wwf.ru/resources/news/amur/wwf-rossii-podderzhivaet-zelenyy-shelkovyy-put/ (дата обращения 7.08.2022).

[3] Декларация Инициативы «Зеленый Шелковый путь» // Green Silk Road Network. 2016. URL: https://greensilkroad.net/pdf/GreenSilkRoad_ru.pdf (дата обращения 7.08.2022).

характеристики, заключающиеся в числе прочего в ее «автономности» и «суверенности», делают ее слабо масштабируемой в других национальных контекстах.

В США в отличие от других стран-лидеров зеленой повестки сложилась уникальная децентрализованная модель с высокой степенью координации. Как и во многих других областях, правительство Соединенных Штатов неоднократно предпринимало попытки взять на себя ведущую роль в области зеленых разработок и технологий, чему, в целом, способствуют благоприятная научная, экономическая и институциональная экосистемы, поддерживаемая значительным интересом американского бизнеса к «зеленым» секторам и технологиям. Тем не менее, представляется, что проводимая в области «зеленого» развития политика чрезвычайно противоречива и несет серьезные неопределенности и угрозы. Широко обсуждаемый в последнее время провал «Плана революции чистой энергии и экологической справедливости» «зеленого Джо», результатом чего, в частности, стало объявление Белым домом чрезвычайного положения в сфере энергетики, как представляется, связан не с бесперспективностью «зеленой» экономической модели, а с политическими подходами к ее реализации.

Децентрализация американской модели может рассматриваться как с точки зрения ее финансовой (значительные федеральные инвестиции в сочетании с инвестициями независимых агентств и бизнес-структур), так и пространственной (на уровне штатов) составляющей.

Активизация политики «зеленого» развития в США началась в период президентства Б. Обамы и характеризовалась уникальным набором условий и политических рычагов: благоприятная для «зеленых» инноваций и предпринимательства среда; престижные университеты, тесно вовлеченные в проекты в области чистых технологий; предоставление государственных контрактов на исследования, конкурсы бизнес-планов[1] (например, California CleanTech Open); прочные связи между исследователями, предпринимателями и

[1] Cleantech Open. URL: https://www.cleantechopen.org/ (дата обращения 7.08.2022).

инвесторами (венчурными компаниями и бизнес-ангелами); высокий кадровый потенциал; отраслевая специализация, географически сосредоточенная на определенных штатах, но охватывающая весь спектр «зеленых» технологий на национальном уровне; масштабная интеграция государственной политики и полного набора инструментов, доступных лицам, принимающим решения; наличие взаимодополняющих отраслей (микроэлектроника, нанотехнологии, агробиотехнологии и т.д.) и сферы услуг (интеллектуальная собственность, юридическая и техническая экспертиза и т.д.); влиятельные социальные сети, продвигающие возобновляемые источники энергии и чистые технологии (например, US Coalition on Sustainability Partners[1] и Совет по экологическому строительству США[2]) и, наконец, сильная политическая воля администрации Б.Обамы, убежденного в перспективах политики развития зеленой экономики в качестве средства выхода из кризиса.

Многие американские штаты в этот период продемонстрировали значительную активность в направлении «зеленого» развитии, в том числе в рамках государственно-частного партнерства и межрегиональных инициатив (например, Региональная инициатива по парниковым газам[3], Западная климатическая инициатива[4], Национальный альянс бизнес-инкубаторов чистой энергии[5]). В реализацию развития зеленой экономики, в том числе на основе политики кластеризации включились многие города и округа, а также бизнес-структуры, оказавшиеся буквально на «переднем крае» роста «зеленых» секторов благодаря устойчивым потокам инвестиций, созданию новых рабочих мест, инновационным проектам и активной государственной поддержке.

---

[1] US Coalition on Sustainability. URL: https://www.uscoalitiononsustainability.org/ (дата обращения 7.08.2022).

[2] U.S. Green Building Council (USGBC). URL: https://www.usgbc.org/ (дата обращения 7.08.2022).

[3] The Regional Greenhouse Gas Initiative (RGGI). URL: https://www.rggi.org/ (дата обращения 7.08.2022).

[4] Western Climate Initiative (WCI). URL: http://westernclimateinitiative.org/ (дата обращения 7.08.2022).

[5] Roberts S. National Alliance for Clean Energy Incubators New Mexico Clean Energy Incubator // Environmental Science. 2004. DOI:10.2172/913432

При президенте Дональде Трампе, лоббирующем интересы нефтяного сектора и инициировавшего выход США из Парижского климатического соглашения, произошел значительный откат в политике «зеленого» развития. Большинство экологических норм, введенных Б.Обамой были отменены. Значительные потери понесли производители биотоплива, сформировавшие в предшествующий период существенный сектор, позволивший, в том числе, снизить зависимость американской экономики от импорта нефти.

В 2019 году представителями левого крыла Демократической партии США был разработан и предложен документ «Новый зеленый курс», представляющий собой рассчитанную на период 2021-2029гг. программу по переходу США к зеленой экономике, содержащую, кроме того, широкий набор политических предложений в области гарантий занятости, продовольственной безопасности, а также различные инициативы, связанные с социальной справедливостью. План предусматривал поэтапный отказ от ископаемого топлива и полный переход к возобновляемым источникам энергии к 2030 году. Финансовая составляющая программы в документе не была обозначена, более того, по мнению экспертов, ее невозможно оценить количественно[1], однако, по некоторым оценкам, стоимость плана могла составить 93 триллиона долларов. Кроме дороговизны программы аналитиками также подчеркивалась избыточность и противоречивость некоторых ее положений.

Социологические исследования, проведенные в США в период предвыборной кампании 2020 года[2] показали, что 64%а американских граждан с большей вероятностью проголосуют за кандидата, демонстрирующего «зеленые взгляды» (пятью годами ранее, в 2015 году, эта доля была примерно такой же – 66%). К поддержке «зеленого кандидата» в большей степени склонялись демократы (87%), чем республиканцы (42%) и независимые (58%). При этом 67%

[1] Holtz-Eakin D., Bosch D., Gitis B., Goldbeck D., Rossetti P. The Green New Deal: Scope, Scale, and Implications // The American Action Forum. 25 February. 2019. URL: https://media.rff.org/documents/Climate_Insights_2020_Policies_and_Politics.pdf (дата обращения 7.08.2022).

[2] Ibid.

респондентов заявили, что они с меньшей вероятностью проголосовали бы за кого-то, кто выражает «не зеленые» взгляды. Таким образом, «зеленая» позиция в значительной мере позитивно влияла на перспективы кандидата.

Со времени своей предвыборной кампании президент Д. Байден объявил изменение климата главным приоритетом для своей администрации и представил различные стратегии по его решению.

Сразу же после победы на выборах, Д. Байден предпринял ряд политических мер, направленных на стремительное возвращение к политике «зеленой» трансформации. К ним, прежде всего можно отнести решение «первого дня» о возвращении США в список участников Парижского соглашения по климату, а также намерения провести радикальные экологические реформы.

План Д. Байдена[1], чрезвычайно амбициозный и смелый, по мнению большинства экспертов, во многом имеет популистский характер, слабо связанный с реальностью. С одной стороны, предложения Байдена затрагивают многие проблемные области, с которыми сталкиваются политики, пытающиеся разработать политику «зеленого» развития и адаптации к изменению климата. Крупнейшим источником выбросов является транспортный сектор, и Байден предлагает сделать топливо «более экологичным», одновременно работая над полным отказом от двигателей внутреннего сгорания. Вторым по величине источником выбросов является энергетический сектор, и Байден предлагает удвоить морскую ветроэнергетику и увеличить развитие возобновляемых источников энергии на федеральных землях, чтобы повысить доступность чистой энергии. Поскольку на опыте доказано, что успех политики развития зеленой экономики зависит от разработки, коммерциализации и внедрения новых технологий, Байден, в качестве основы своей политики, предлагает масштабное развитие инноваций.

[1] Czapla E. Biden’s Day One – Evaluating Biden’s Climate Proposals // The American Action Forum. 6. October. 2020. URL: https://www.americanactionforum.org/insight/bidens-day-one-evaluating-bidens-climate-proposals/#_ftn2 (дата обращения 7.08.2022).

С другой стороны, политические решения «первого года», в основном были сосредоточены на изменении политики и распоряжений администрации Трампа. Климатические приоритеты в большинстве случаев не были кодифицированы в законе[1] и слабо институциализированы, за исключением расширения финансирования существующих экологических программ в «Законе об инвестициях в инфраструктуру и рабочие места». В этом законе администрация Байдена сосредоточила внимание на стимулировании экологически чистых энергетических отраслей и рабочих мест за счет государственных закупок. Обозначенные в законе цели включали: полный переход к 2030 году на электроэнергию, не загрязняющую окружающую среду; полный переход к 2035 году на транспортные средства с нулевым выбросом парниковых газов; внедрение политики госзакупок «Покупай чисто», направленной на поощрение использования строительных материалов с более низкими выбросами и значительное сокращение выбросов парниковых газов в целом.

Все эти политические меры во многом напоминают решения президента Обамы о планировании устойчивого развития в следующем десятилетии, которые затем были отменены исполнительным указом президента Трампа об эффективных федеральных операциях. Есть опасения, что новое законодательство может постигнуть та же участь, тем более что главное направление «зеленой» повестки, включая предусматриваемые затраты на экологию в размере 555 миллиардов долларов, было заблокировано Конгрессом.

Более того, по оценкам экспертов, администрация Байдена в первый же год выдала на треть больше лицензий на бурение газовых и нефтяных скважин на федеральных землях, что вызвало массовые обращения экологических общественных организаций с требованиями остановить разработку новых месторождений и постепенно отказаться от добычи нефти и газа. Непродуманность некоторых мер «зеленого» плана администрации Байдена по

[1] Czapla E. The Biden Administration’s Energy and Climate Policies in Its First Year // The American Action Forum. 20 January. 2022. URL: https://www.americanactionforum.org/insight/the-biden-administrations-energy-and-climate-policies-in-its-first-year/ (дата обращения 7.08.2022).

сокращению добычи нефти и газа в США, дающие основание для общественных упреков в «зеленом колониализме»[1], сопротивление со стороны республиканцев, разногласия внутри самой Демократической партии в условиях кризисной ситуации глобального переустройства и глобальной неустойчивости, сопровождающейся рекордными темпами инфляции и ростом цен на топливо в США и введение в июне 2022 года чрезвычайного положения в сфере энергетики, дают основание говорить о том, что федеральная политика развития зеленой экономики может столкнуться с серьезными сложностями.

В целом, можно сказать, что «зеленые» взгляды достаточно прочно укоренились в массовом американском сознании, а меры по смягчению последствий изменения климата, пользуются поддержкой большинства, а иногда и подавляющего большинства населения. Благодаря значительным государственным и частным инвестициям в США сложился один из самых мощных «зеленых» секторов экономики. С 1970 по 2020гг. количество рабочих мест, созданных в «зеленом» секторе, увеличилось с менее чем 1 миллиона и 1% от общего числа рабочих мест в США до более чем 8 миллионов и 6% соответственно. По прогнозам, к 2030 году число «зеленых» рабочих мест может составить 24 миллиона и 14 % от их общего числа, увеличиваясь в 16 раз быстрее, чем в других секторах[23]. Для каждого пространственного масштаба реализации политики (федеральный, штаты, округа, города) существует широкий спектр инструментов и стимулов. Однако дискретность и непостоянство сигналов политической элиты, непродуманность политических решений, многие из которых носят популистский характер, политическая неопределенность в связи с сохраняющимися последствиями финансового, экономического и социального

[1] O'Neil T. The Left's 'Green' Policies May Actually Lead to More Pollution, Colorado Senate Candidate Says // Fox News. 23 March. 2022. URL: https://www.foxnews.com/politics/the-lefts-green-policies-may-actually-lead-to-more-pollution-colorado-senate-candidate-says (дата обращения 7.08.2022).

[2] Bezdek R.H. The USA New Green Deal Will Create Over 18 Million Jobs // Journal of Environmental Science and Renewable Resources. 2020. Vol. 2, No. 1. P. 107.

[3] McDonald J. The Facts on the ‘Green New Deal // FactCheck.org. 15 February. 2019. URL: https://www. factcheck.org/2019/02/the-facts-on-the-green-new-deal/ (дата обращения 7.08.2022).

кризиса, сохраняющееся сильное давление и недавняя новая активность влиятельных промышленных лобби, партийные и внутрипартийные разногласия по поводу сути и механизма «зеленого» перехода в сочетании с попыткой выстраивания координации «сверху» создают значительные проблемы с дальнейшей институциализацией и реализацией политики развития зеленой экономики в США .

Европейские практики политики развития зеленой экономики объединены общим курсом Евросоюза и механизмами согласования политических решений, благодаря которым сложилась «сетевая многоакторная модель». Европейский союз, начиная с принятия в 1992 году стратегии климатических изменений и установления в 1996 году цели ограничения глобального потепления на 2 градуса Цельсия выше доиндустриального уровня, давно играет ведущую роль в глобальной политике развития зеленой экономики. В 2001 году Евросоюз укрепил свои позиции международного лидера, приложив значительные усилия для того, чтобы, несмотря на отказ от участия Соединенных Штатов, Киотский протокол вступил в силу.[1] Глобальная роль Евросоюза подкреплялась амбициозной внутренней политикой. В 2005 году в Евросоюзе был запущен механизм торговли квотами на выбросы[23], а в 2007 принят масштабный пакет законодательных актов по климату, который включал цели 20-20-20 (на 20% – сокращение выбросов парниковых газов к уровню 1990 года; 20% – доля возобновляемых источников энергии в общем объеме потребления; 20% – повышение энергоэффективности и сокращение использования первичной энергии). Хотя на Конференции ООН по изменению климата 2009 года в Копенгагене международному сообществу не удалось достичь глобального соглашения об ограничении выбросов парниковых

[1] Parker C.F., Karlsson C., Hjerpe M. Assessing The European Union’s Global Climate Change Leadership: From Copenhagen to the Paris Agreement // Journal of European Integration. 2017. Vol. 39, No. 2. P. 239–252.

[2] Kulovesi K. EU Emissions Trading Scheme: Preventing Carbon Leakage Before and After the Paris Agreement // Research Handbook On EU Energy Law and Policy / ed. by R. Leal-Arcas. Cheltenham: Edward Elgar, 2017.

[3] Lindberg M.B. The EU Emissions Trading System and Renewable Energy Policies: Friends or Foes in the European Policy Mix? // Politics and Governance. 2019. Vol. 7, No. 1. P. 105–123.

газов, Евросоюз продолжил добиваться своих внутренних климатических целей и разработал новые цели на период до 2030 года[1].

Европейская комиссия под председательством Урсулы фон дер Ляйен, приступившей к исполнению своих полномочий в декабре 2019 года, задекларировала энергетический переход и «Европейскую Зеленую Сделку» (European Green Deal) одной из своих главных целей[2]. «Зеленая Сделка» представляет собой «дорожную карту ключевых политик для климатической повестки дня Европейского Союза», на основании которой Еврокомиссия начала разрабатывать законодательные предложения и стратегии начиная с 2020 года[3].

Ориентации Еврокомиссии на «зеленую» повестку способствовали несколько факторов: повторяющиеся рекордно высокие летние и зимние температуры в Европе, катастрофические лесные пожары в Швеции, а также растущая общественная озабоченность по поводу изменения климата. Эти события не только способствовали усилению электоральной поддержки партий «зеленых» на европейских выборах 2019 года, особенно в некоторых крупных западных государствах, но и стали стимулом для появления получивших широкую известность массовых движений, таких, например, как «Пятницы ради будущего» или "Молодежная забастовка за климат»[4][5].

Первым конкретным шагом стало изменение приоритетов климатической политики, как в официальных дискуссиях, так и в программных документах, а законодательство, цели и политические механизмы, уже установленные Комиссией в 2016-2018 годах на период до 2030 года, были значительно

[1] Szulecki K. European Energy Governance and Decarbonization Policy: Learning from The 2020 Strategy // Climate Policy. 2016. Vol. 16, No. 5. P. 543–547.

[2] Сидди М. «Зеленая революция»? Предварительная оценка «Зеленой сделки» ЕС // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2021. № 3. С. 85–107. DOI: 10.17323/1996-7845-2021-03-04

[3] A European Green Deal. Striving to Be the First Climate-Neutral Continent // The European Commission. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en (дата обращения 7.08.2022).

[4] See Deisenrieder V., Kubisch S., Keller L., Stötter J. Bridging the Action Gap by Democratizing Climate Change Education – The Case of k.i.d.Z.21 in the Context of Fridays for Future // Sustainability. 2020. Vol. 12, No. 5. P. 1–19.

[5] Grant Z.P. Tilley J. Fertile Soil: Explaining Variation in The Success of Green Parties // West European Politics. 2019. Vol. 42, No. 3. P. 495–516.

расширены. В то же время новые цели встретили значительное сопротивление со стороны некоторых стран членов, таких как Чешская Республика и Венгрия, высказывавшими опасения по поводу издержек достижения целей[1]. Чтобы снизить негативную риторику и уменьшить затраты переходного периода для регионов и государств-членов Евросоюза, которые в большей степени зависят от угля или «грязных» видов ископаемого топлива, Евросоюзом был предложен Механизм справедливого перехода (Just Transition Mechanism) и создан соответствующий фонд (Just Transition Fund)[2].

Предлагаемый финансовый механизм должен был решить проблему стимулов для «сомневающихся» стран и «стран-отказников», например, Польши, одной из крупнейших стран – потенциальных получателей и единственного государства-члена, отказавшегося взять на себя обязательства по достижению целей нулевых чистых выбросов к 2050 году.

С этого времени в политике развития зеленой экономики в Евросоюзе началось формирование операционных рамок и внедрение различных стратегий, таких как механизм корректировки углеродных границ, инвестиционный план устойчивой Европы, промышленная стратегия ЕС, план действий в области экономики замкнутого цикла, стратегия устойчивого сельского хозяйства. Были также переформулированы и задекларированы Амбициозные давние идеи, такие как превращение Европейского инвестиционного банка в «Европейский климатический банк» были сформулированы в качестве целевых показателей с ориентировочными сроками реализации[3].

---

[1] EU's Next Top Climate Model Under Scrutiny // Euractiv. 5 March. 2020. URL: https://www.euractiv.com/section/climate-environment/news/eus-next-top-climate-model-under-scrutiny/ (дата обращения 7.08.2022).

[2] Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council establishing the Just Transition Fund, COM (2020) 22 final // European Commission. 14 January. 2020. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52020PC0022&from=EN (дата обращения 7.08.2022).

[3] Szulecki K. Europe's Greenest Commission Ever Faces an Unprecedented Challenge as The Clock Ticks // Dahrendorf Forum. 16 January. 2020. URL: https://www.dahrendorf-forum.eu/europes-greenest-commission-ever-faces-an-unprecedented-challenge-as-the-clock-ticks/ (дата обращения 7.08.2022).

Предложение Европейской комиссии по проекту климатического регулирования в начале марта 2020 года подтвердило политические цели, задекларированные в «Зеленой сделке» и уполномочило Еврокомиссию пересматривать траекторию достижения цели климатической нейтральности каждые пять лет, начиная с 2023 года, включая «коллективный прогресс, достигнутый всеми государствами-членами, а также последовательность и адекватность действий и национальные меры» [1].

При этом, прежде чем принять акт, Еврокомиссия «консультируется с экспертами, назначенными каждым государством-членом». Более того, делегированный акт «вступает в силу только в том случае, если ни Европейский парламент, ни Совет не выразили возражений» в течение двух месяцев после того, как Комиссия уведомила оба учреждения.

В проекте постановления было предусмотрено, что целевые показатели сокращения выбросов парниковых газов могут быть увеличены до 40% к сентябрю 2020 года и до 50-55% к 2030 году по сравнению с 1990 годом. Однако в начале марта 2020 года активисты-экологи и двенадцать государств-членов раскритиковали этот график, поскольку он оставлял бы слишком мало времени для координации перед Конференцией Сторон по изменению климата (РКИКООН) в Глазго, которая должна была состояться в ноябре 2020 года, но была отложена из-за чрезвычайной ситуации с COVID-19.

Политика развития зеленой экономики в Евросоюзе представляет собой сложное мультиакторное взаимодействие как иерархического, так и сетевого порядка. Способность различных акторов влиять на выработку и реализацию политики определяется влиянием целого набора внешних и внутренних факторов, не последним из которых является механизм многоуровнего управления. Необходимость постоянных коммуникаций и согласований между различными

[1] Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council Establishing the Framework for Achieving Climate Neutrality and Amending Regulation (EU) 2018/1999 (European Climate Law), COM (2020) 80 final // European Commission. 4 March. 2020. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52020PC0080&from=EN (дата обращения 7.08.2022).

политическими институтами национального, наднационального и локального масштабов затрудняют как процесс непосредственно принятия политических решений в области развития зеленой экономики, так и его реализацию.

Кроме формальных акторов, к которым относится Европейская комиссия, Европейский Парламент и Совет Министров Европейского Союза, на формирование политики развития зеленой экономики значительное влияние оказывают транснациональные корпорации и международные общественные экологические организации, значительно продвинувшиеся в способности лоббировать свои интересы на официальном уровне. Мнение[1], согласно которому европейская политика представляет собой «продукт многочисленных решений, принимаемых на разных уровнях, границы между которыми четко не определены, а соответствие между уровнями принятия решений и их типами – не абсолютно», вполне относится и к политике развития зеленой экономики. Поскольку, как было показано выше, политика развития зеленой экономики предусматривает необходимость интеграции различных видов политик и перманентное пересечение областей политики, то процесс поиска политического компромисса чрезвычайно усложняется. Подобная институциональная организация подразумевает, что принимаемые на верхнем политическом уровне решения в области политики развития зеленой экономики прямо (например, через директивы ЕС предполагающие реализацию их всеми странами Европейского Союза) или косвенно (путем использования различных информационных инструментов) влияют на политику стран-участников и различных субъектов этого процесса. При этом надлежащее исполнение принятых нормативно-правовых актов регулярно контролируется как Европейской Комиссией, так и различными комитетами Европарламента, а также Агентством по защите окружающей среды.

В то же время инициативы «снизу» влияют на выработку и реализацию общеевропейской политики «зеленого» развития. Например, в 2015 году окружной суд Гааги обязал правительство сократить выбросы парниковых газов

[1] Кавешников Н. Методы управления в Европейском Союзе //Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 8. С. 49–60.

как минимум на 25% по сравнению с уровнем 1990 года в течение следующих пяти лет, а в 2019 году Верховный суд Нидерландов обязал правительство сократить выбросы парниковых газов в стране на 25% по сравнению с уровнем 1990 года к концу 2020 года.

В этом решении говорилось, что «учитывая обязанность государства проявлять заботу, оно должно внести адекватный вклад, больший, чем его нынешний вклад, для предотвращения опасного изменения климата». Эти прецеденты вызвали аналогичные иски против национальных правительств во всей Европе, в том числе в Бельгии, Франции, Ирландии, Германии, Новой Зеландии, Великобритании, Швейцарии и Норвегии, что, с большой долей вероятности, повлияло на климатические цели следующей программы Евросоюза[1].

Взаимодействие главных официальных структур Евросоюза, таких как Европейский парламент, Европейская Комиссия, Совет министров Европейского Союза, Агентство по защите окружающей среды определяет вектор и перспективы разрабатываемых и реализуемых политических мер в области «зеленого» развития. Центральное место в этих взаимодействиях занимает Еврокомиссия, активно демонстрирующая усиление «зеленой» компоненты в своей деятельности. В Европарламенте также активно продвигает «зеленую» повестку Комитет по окружающей среде, общественному здравоохранению и безопасности пищевых продуктов, в котором многие члены принадлежат к «зеленым» партиям. Также необходимо отметить, что доля членов «зеленых» партий увеличилась в Европарламенте с 1984 по 2020гг. практически в два раза.

Текущее политическое влияние крупного европейского бизнеса, а также транснациональных корпораций на политику развития зеленой экономики в Евросоюзе определяется переориентацией бизнес-стратегий на устойчивое развитие, ESG-трансформацию и интеграции социальных, экономических и

[1] Schwartz J. In ‘Strongest’ Climate Ruling Yet, Dutch Court Orders Leaders to Take Action // The New York Times. 20 December. 2019. URL: https://www.nytimes.com/2019/12/20/climate/netherlands-climate-lawsuit.html (дата обращения 7.08.2022).

экологических целей развития. Практика использования предложений, оценок и рекомендаций бизнес-экспертов часто используется Еврокомиссией[1]. Кроме того, непосредственное воздействие на формирование политики зеленой экономики в Евросоюзе оказывает «Климатическая Сеть действий Европа», занимающаяся не только лоббированием продвижения «зеленых» инициатив, но и активно включенная в подготовку докладов, экспертных сообщений для Еврокомиссии, финансируемая из европейского бюджета.

В условиях перманентной и усиливающейся нестабильности факторов внешней и внутренней среды, конструирование эффективной национальной модели политики развития зеленой экономики является чрезвычайно сложным процессом, в котором не может быть универсальных рецептов. Тем не менее, очевидное проникновение экологической компоненты в экономические и политические процессы, определяет успешность такого типа модели, которая полностью интегрирована в существующую систему принятия государственных внешне- и внутриполитических решений.

Выводы по второй главе. Сложившийся международный консенсус в отношении политики развития зеленой экономики и созданные межправительственными структурами глобальные механизмы предикторов и регуляторов для развития «зеленых» практик, обусловили формирование национальных моделей политики развития зеленой экономики. В зависимости от национальной специфики во многих странах актуализируется субъектная роль различных акторов (государства, бизнес-структур, некоммерческих организаций, политических партий, местных сообществ и гражданских инициатив). Институциональные механизмы (законодательные, структурно-организационные, финансово-налоговые, информационно-коммуникативные, информационно-аналитические и социально-просветительские) получают различное содержательное и практическое воплощение в институциональных моделях политики развития зеленой экономики в условиях национальных государств.

[1] Knill C. Europäische Umweltpolitik. Steuerungsprobleme und Regulierungsmuster in Mehrebenensystem. Wiesbaden: VS Verl. für Sozialwiss, 2008.

Процессуальные характеристики политики развития зеленой экономики связаны с практикой и результатами включения субъектов на основе комплекса институциональных механизмов в процесс инициации, разработки, реализации и оценки решений на различных уровнях публичного управления политикой развития зеленой экономики.

Ряд стран-лидеров демонстрируют успешные практики политики развития зеленой экономики, отличающиеся специфическими ролями доминирующего круга субъектов в инициации и реализации «зеленого» курса, механизмами согласования интересов и координации их деятельности в отношении «зеленых» политических решений, набором институциональных механизмах на различных уровнях публичного управления, а также результатами реализуемого «зеленого» курса. В результате исследования автор выделяет несколько моделей политики развития зеленой экономики: «централизованная модель с государственным доминированием» (Китай), «децентрализованная модель с высокой степенью координации» (США), «сетевая многоакторная модель» (Евросоюз).

Китай демонстрирует форсированное «зеленое» развитие как во внутренней, так и во внешней политике, благодаря закреплению жестких приоритетов и норм регулирования в сфере национального законодательства, благодаря которым произошла интеграция экоориентированных государственных задач во все аспекты социального и экономического развития общества. Национальная приверженность «зеленому» курсу, существенные финансовые ресурсы, растущее лидерство в области возобновляемых источников энергии и протекционистские меры по локализации производимого в этих целях оборудования, квазимонополия на редкоземельные металлы, использующиеся в производстве ключевых компонентов для возобновляемых источников энергии – те факторы, которые определяют дизайн и результаты китайской модели политики развития зеленой экономики. Специфические характеристики, заключающиеся в числе прочего в ее «автономности» и «суверенности», делают ее слабо масштабируемой в других национальных контекстах.

В США сложилась уникальная децентрализованная модель политики развития зеленой экономики с высокой степенью координации. Специфика децентрализованной модели заключается в формировании финансовых институциональных механизмов, сочетающих значительные федеральные инвестиции с инвестициями независимых агентств и бизнес-структур, и пространственного развития «зеленого» курса на уровне штатов. Национальная модель политики развития зеленой экономики США характеризуется сложным институциональным дизайном, в котором сложилась широкая сеть партнерских взаимодействий объединяющих: «зеленые» инициативы федеральных и региональных органов власти и их финансирование; научные разработки престижных университетов в области чистых технологий; венчурные «зеленые» проекты исследователей, предпринимателей и инвесторов, «зеленые» компании экспертных сетей, продвигающие возобновляемые источники энергии и чистые технологии.

Европейские практики политики развития зеленой экономики, объединены общим курсом Евросоюза и механизмами согласования политических решений, благодаря которым сложилась «сетевая многоакторная модель». Политика развития зеленой экономики в Евросоюзе представляет собой сложное мультиакторное взаимодействие как иерархического, так и сетевого порядка в системе многоуровнего политического управления. Необходимость постоянных коммуникаций и согласований между различными политическими институтами национального, наднационального и локального масштабов затрудняют как процесс непосредственно принятия политических решений в области развития зеленой экономики, так и его реализацию. Взаимодействие главных официальных структур Евросоюза, таких как Европейский парламент, Европейская Комиссия, Совет министров Европейского Союза, Агентство по защите окружающей среды определяет вектор и перспективы разрабатываемых и реализуемых политических мер в области «зеленого» развития, которые концентрируются на климатической повестке. Подобная институциональная организация подразумевает, что принимаемые на верхнем политическом уровне решения в области политики

развития зеленой экономики прямо (например, через директивы ЕС, предполагающие реализацию их всеми странами Европейского Союза) или косвенно (путем использования различных информационных инструментов) влияют на политику стран-участников и различных субъектов этого процесса. При этом надлежащее исполнение принятых нормативно-правовых актов регулярно контролируется как Европейской Комиссией, так и различными комитетами Европарламента, а также Агентством по защите окружающей среды. В политику развития зеленой экономики Евросоюза активно вовлечен крупный европейский бизнес, а также транснациональные корпорации, политика которых ориентирована на реализацию бизнес- стратегий в области устойчивого развития, ESG-трансформацию и интеграцию социальных, экономических и экологических целей. Также крупным игроком со стороны гражданского общества является «Климатическая Сеть действий Европа», занимающаяся не только лоббированием продвижения «зеленых» инициатив, но и активно включенная в подготовку докладов, экспертных сообщений для Еврокомиссии, финансируемая из европейского бюджета.

Таким образом, национальные модели политики развития зеленой экономики демонстрируют различные успешные практики ее выработки и реализации, что определяется структурными и процессуальными характеристиками. Перспективы их развития связаны, как внутренними государственными ориентирами исследуемых стран, конфигурацией доминирующих субъектов политики развития зеленой экономики и их видения «зеленого» курса, так и комплексом глобальных вызовов, трансформирующих систему «зеленых» приоритетов и процессы согласования национальных интересов на международном уровне.

3 Политика развития зеленой экономики в Российской Федерации: субъекты, механизмы, результаты

3.1 Формирование национальной модели политики развития зеленой экономики в современной России

Ориентация политики России на экспортно-сырьевую модель развития в 1990–2000 годах позволила достичь реального экономического роста. Так, российский ВВП за период 1999–2008 годов в реальном выражении увеличился на 93%, а долларовом выражении почти в шесть раз.[1] Однако уже тогда в российском научном и политическом дискурсе начал подниматься вопрос о дальнейших возможностях развития на основе экстенсивного роста за счет эксплуатации природных ресурсов. Специфика использования природно-сырьевого потенциала странами, богатыми природными ресурсами, во многом определяет их экономическое и социальное развитие. Приток доходов от экспорта сырья формирует значительные бюджетные ресурсы, определяющие возможность ускорить темпы развития. С другой стороны, страны - крупные экспортеры сырья часто сталкиваются с известной в теории и на практике «ловушкой ресурсного проклятия»[23], влияние которой на политический режим, по мнению некоторых политологов, является дискуссионным. [4] Однако в рамках долгосрочной политики развития, изобилие ресурсов может выступать не столько катализатором, сколько ингибитором развития стран и снижения их глобальной конкурентоспособности[5]. При этом, как было показано в предыдущем параграфе, лидерство страны в формировании международной зеленой повестки все в большей степени стало

[1] Гуриев С.М., Плеханов А.С., Сонин К.И. Экономический механизм сырьевой модели развития // Вопросы экономики. 2010. № 3. С. 4–23.

[2] Auty R. Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis. London: Routledge, 1993.

[3] Lederman D. Natural Resources Neither Curse nor Destiny. Stanford: Stanford University Press, 2007.

[4] Попова О.В. Политические аспекты «Ресурсного проклятия» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2015. № 2. С. 26–38.

[5] Cortes Conde R. Export-Led Growth in Latin America 1870–1930 // Journal of Latin American Studies. 1992. Vol. 24, Suppl. S1. P. 163–179. DOI: https://doi.org/10.1017/S0022216X00023828

способом усилить политические позиции и обеспечить себе выигрышное положение в архитектуре нового миропорядка.

Тем не менее вопрос о развитии зеленой экономики в нашей стране оставался за рамками политического поля практически до 2008 года. Основные приоритеты развития были нацелены на наращивание производственных мощностей, а также увеличение объемов добычи полезных ископаемых.

Некоторые авторы[1] считают, что «первой ласточкой» появления в российской политической повестке «зеленых» ростков» стала разработка и принятие странами, входящими в состав Экономической и социальной комиссии для стран Азии и Тихого океана (ЭСКАТО), в том числе Россией, а также Арменией, Казахстаном и Киргизией, «Стратегии зеленого роста». В стратегии были обозначены несколько ключевых векторов, определяющих стратегические приоритеты политики «зеленого» развития, связанные с формированием «рациональных моделей производства и потребления», «озеленением» рынков, «зеленой» трансформации бюджетной и налоговой политики[2]. Однако, как подчеркивают те же авторы, вплоть до 2010 года ни одна из стран-подписантов никаких реальных действий в этой области не проводила.

Представляется, что можно выделить несколько факторов, определяющих непреходящую и не зависящую от глобальных геополитических трансформаций значимость политики развития зеленой экономики для нашей страны.

Во-первых, политика зеленой экономики способствует увеличению входных ресурсов природного, физического и человеческого капитала (input effects)[3]. Позитивная динамика в этом случае обеспечивается повышением качества управления природными ресурсами, улучшением состояния здоровья населения и снижением экологически обусловленной заболеваемости и

[1] Гасанов М.А., Егорова М.С., Глик П.А. Российская практика перехода к «зеленой экономике» // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. С. 439. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22285768_50793282.pdf (дата обращения 7.08.2022).

[2] Егорова М.С. Технологические изменения в условиях современности: качественные изменения и формы // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. С. 407. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21471404_24772164.pdf (дата обращения 7.08.2022).

[3] Inclusive Green Growth…

повышением качества жизни населения, а также снижением экономического ущерба от потерь физического капитала вследствие повышения эффективности управления экологическими рисками.

Во-вторых, политика развития зеленой экономики позволяет значительно повысить эффективность функционирования основных отраслей национальной экономики за счет инвестиций и инноваций, направленных на обновление производственного фонда, снижение энергоемкости, переход к альтернативным источникам энергии и различных мер по декарбонизации.

В-третьих, инвестиции в развитие «зеленой» инфраструктуры, имеют значительный мультипликативный эффект, стимулирующий экономический рост, как со стороны спроса, так и со стороны предложения, одновременно расширяя занятость и способствуя снижению безработицы. Политические меры для поддержки подобных инвестиций не только повышают устойчивость экономики к возможным неблагоприятным экологическим событиям, но и снижают уязвимость от внешней экономической волатильности, связанной, в том числе с санкционным давлением.

В-четвертых, политика развития зеленой экономики стимулирует инновационную активность, в том числе и на уровне бизнес-структур, обеспечивая переход к шестому и закладывая перспективные основы седьмого технологического уклада.

В-пятых, институциональные трансформации, сопряженные с «зеленым» переходом, способствуют укреплению и усилению политических институтов, повышению степени их координации и налаживанию конструктивного диалога в межсекторном взаимодействии. Деградация окружающей среды, сопровождающееся ухудшением социального самочувствия населения в связи с негативной динамикой здоровья, снижения качества жизни и т.д., также с большой степенью вероятности может усиливать протестные настроения, тогда как консолидационный потенциал «зеленой» повестки имеет значительный эффект, поскольку природоохранный и «зеленый» дискурс, в той или иной степени поддерживается представителями всего политического спектра.

Однако отечественная модель политики развития зеленой экономики не может и не должна пытаться повторить западные модели в силу совершенно разных социальных, культурных, экономических, институциональных и природных условий. В этом смысле приоритеты национальной политики России в области «зеленого» развития и доминантные нарративы гораздо ближе ее партнерам по БРИКС и ШОС, с учетом чего и должна выстраиваться и инструментальная архитектура модели, и общественно политический дискурс вокруг ее реализации (не столько решение проблем глобального изменения климата, сколько улучшение здоровья и качества среды жизни населения, не столько сокращение выбросов парниковых газов, сколько модернизация экономики, развитие инноваций и высокотехнологичного сектора, повышение социальной ответственности крупного бизнеса, инклюзивность в получении выгод от уникального природного потенциала нашей страны).

Мотивы, связанные с международными аспектами, являлись довольно значимыми для формирования политики зеленой экономики в России. В связи с обострением напряженности в отношениях России и Запада некоторые эксперты высказывали предположения о том, что отдельные экономические и финансовые ограничения могут негативно сказаться на динамике и технологичности «зеленого» перехода и даже сомнение в перспективах ее дальнейшей реализации. Однако, во-первых, национальная политика развития зеленой экономики всегда была ориентирована на достижение в первую очередь внутриполитических целей развития и, в этом отношении, «поиск новых смыслов» представляется излишним. Кроме того, внешняя сторона политики «зеленого» развития также не утрачивает своей актуальности, поскольку «зеленая» политическая повестка активно разрабатывается не только западными странами, но и другими российскими партнерами (Индией, Китаем, Казахстаном).

Несмотря на то, что контуры государственного интереса России к политике развития зеленой экономики были заложены в уже упоминавшемся соглашении ЭСКАТО в 2005 году, а так же в ряде принятых тремя годами позже, в период президентства Д.А.Медведева знаковых законодательных документах в сфере

экологии и энергоэффективности[1], лексически зеленая экономика закрепилась в отечественной политической повестке дня в 2012 году. Нужно отметить, что именно в этом году в Рио-де-Жанейро состоялась Международная конференция по устойчивому развитию, утвердившая этот термин на международном уровне. Кроме того, в 2012 году, в логике опубликованного в 2011 году исследования ЮНЕП «Навстречу зеленой экономике: путь к устойчивому развитию и искоренению бедности» Институтом устойчивого развития Общественной палаты Российской Федерации и Центром экологической политики России был подготовлен и опубликован обзор «Навстречу зеленой экономике России».[2] В этом обзоре были детально рассмотрены возможности и перспективы «зеленого» роста в России, в том числе в международном формате.

Формирование институциональных контуров политики развития зеленой экономики в нашей стране происходило по нескольким направлениям: создание нормативно-правовой базы и конструирование новых институтов, включая институты низкоуглеродного развития, государственное инвестирование в создание «зеленой» инфраструктуры, в том числе в области возобновляемой энергетики и обращения с отходами, стимулирование частных инвестиций в тех областях, которые содействуют инновациям в области «зеленых» технологий, развитие системы экологической сертификации и стандартизации, развитие рынка «зеленых» облигаций, формирование и внедрение информационных и образовательных инструментов в области зеленой экономики .

Само по себе формирование развитой нормативно-правовой базы, как показывает опыт, не является залогом успеха политики развития зеленой

---

[1] Кирюшин П. «Зелёная экономика»: возможности и ограничения для российского бизнеса // Записки Ифри. Russie. Nei.Visions. 2014. № 79. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri_rnv_79_kiriouchine_economie_verte_rus_aout_2014_0.pdf

[2] Навстречу «зеленой» экономике России (обзор) / Институт устойчивого развития Общественной палаты Российской Федерации; Центр экологической политики России. 2012. URL: http://sustainabledevelopment.ru/upload/File/Reports/ISD_UNEP_GE_Rus.pdf (дата обращения 7.08.2022).

экономики, однако служит основой, без создания которой реализация политики невозможна.

Выше уже отмечалось, что сложившийся нормативно-правовой «задел» в областях, прямо или косвенно связанных с зеленой экономикой, имеет важное значение для последующего развития политики в этой области. Стратегические политические цели, заложенные в тезис о «зеленом переходе» во многом корреспондируют с целями политики ухода от сырьевой модели развития, которые были заложены в основных документах нашей страны на среднесрочную и долгосрочную перспективу, выступлениях Президента и Председателя Правительства Российской Федерации, включены в такие концептуальные документы как Концепция долгосрочного развития Российской Федерации на период до 2020 года (2008)[1], проект «Стратегии 2020» (2012)[2], Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года[3] (2012) и др.

Еще в Прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации на 2011 год и плановый период 2012 и 2013 годов, разработанном Минэкономразвития России, отмечалась необходимость «перехода к зеленому росту российской экономики». Таким образом, политическое осмысление актуальности «зеленых» аспектов политики развития стало находить отражение в программных и стратегических документах.

Чрезвычайно важным шагом было принятие в 2009 году Федерального закона №261 «Об энергосбережении и повышении энергетической

[1] О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 08.08.2009) (вместе с "Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года") // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (дата обращения 7.08.2022).

[2] Стратегия-2020. URL: http://2020strategy.ru/ (дата обращения 7.08.2022).

[3] Утверждены основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года // Президент России. 30 апреля 2012. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/15177 (дата обращения 7.08.2022).

эффективности…»[1]. Актуальность кардинального повышения энергоэффективности, связанная с рисками необходимости удовлетворения возрастающих потребностей экономики в энергии и мощности, снижения конкурентоспособности энергоемкой российской промышленности, отвлечения значительной части инвестиционных ресурсов на финансовые «вливания» в ТЭК и роста тарифов, «разгоняющих» инфляцию, увеличения загрязнения окружающей среды и частоты техногенных катастроф, была осознана российским политическим руководством, определившим снижение энергоемкости ВВП одним из пяти приоритетов политики модернизации российской экономики. В Указе президента Российской Федерации от 04.06.2008 № 889 «О некоторых мерах по повышению энергетической и экологической эффективности российской экономики» была поставлена задача снижения энергоемкости ВВП России к 2020 году не менее чем на 40% по сравнению с 2007 годом. Повышение энергоэффективности позиционируется как важнейший ресурс политики развития, способный обеспечить 80-85% прироста потребности России в энергетических услугах до 2020г.

С этого времени федеральное нормотворчество развивалось чрезвычайно интенсивно и носило межсекторальный характер. На основе принятых нормативно-правовых актов был «запущен» целый ряд важных механизмов, в числе которых можно выделить федеральную поддержку реализации региональных программ по энергосбережению и повышению энергетической эффективности, федеральные гарантии реализации программ энергетической эффективности на крупных предприятиях, а также в жилищно-коммунальном секторе, учет энергии и воды, энергетические обследования и составление энергопаспортов предприятий, федеральная информационная система по энергосбережению. Кроме того, была существенно улучшена статистика в

[1] Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 261-ФЗ от 23 ноября 2009 г. (последняя редакция) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93978/ (дата обращения 7.08.2022).

области энергопотребления и начат процесс по обеспечению информационной поддержки и популяризации энергосбережения на всех уровнях.

В 2012 году при Министерстве образования и науки Российской Федерации был создан успешно функционирующий по настоящее время Центр комплексной энергоэффективности и энергосбережения[1], ставший пилотным проектом для создания федеральной сети подобных центров, целью которых является не только разработка и реализация соответствующих программ в учреждениях, подведомственных Министерству, но и широкая популяризация темы энергоэффективности работ в подведомственных Минобразованию учреждениях.

В целом, процесс развития нормативно-правовой базы политики развития зеленой экономики в нашей стране развивался очень динамично, хотя и сопровождался, по оценкам некоторых экспертов[2], объективными в таком случае издержками, связанными с качеством и полнотой нормотворчества. Так, в странах-лидерах «зеленого» перехода период формирования нормативной базы в сфере повышения энергоэффективности занял в среднем 20-30 лет. В России основная деятельность в этой области была реализована в течение 2 лет. В 2009 году была принята Климатическая доктрина Российской Федерации[3]. Ее реальное нормативное наполнение началось в 2020 году, когда были приняты Национальный план мероприятий первого этапа адаптации к изменениям климата на период до 2022 года, Указ Президента о сокращении выбросов парниковых газов, а также принятые в 2021 году Стратегия долгосрочного развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов и Федеральный закон «Об ограничении выбросов парниковых газов».[4] Таким образом, ключевые элементы правовой базы в области климатического

[1] Центр энергоэффективности Министерства образования и науки РФ. URL: http://energoeducation.ru/ (дата обращения 7.08.2022).

[2] Башмаков И.А., Башмаков В.И. Сравнение мер российской политики повышения энергоэффективности с мерами, принятыми в развитых странах // Промышленная энергетика. 2012. № 11. С. 2–11.

[3] О Климатической доктрине Российской Федерации...

[4] Об ограничении выбросов парниковых газов: Федеральный закон № 296-ФЗ от 02 июля 2021 г. // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47013 (дата обращения 7.08.2022).

регулирования также были созданы быстрее, чем в других странах. Существенные правовые трансформации коснулись и других базовых для зеленой экономики сфер хозяйственной деятельности. В частности, экономического стимулирования хозяйствующих субъектов для внедрения наилучших доступных технологий (НДТ), принцип применения которых взят за основу экологического нормирования в большинстве стран мира. Такой подход соответствует концептуальным подходам зеленой экономики, позволяющим вместо практики контроля загрязнений «на конце трубы» перейти к его предотвращению на источнике образования с применением конкретных технологий. При этом в производстве большего объёма продукции и оказании услуг используются меньшие ресурсы и сокращаются объёмы образующихся отходов, а также снижается загрязнение.

В качестве[1] одного из главных приоритетов «экология» была обозначена в Указе Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», а в 2020 году в Указе Президента «О национальных целях развития России до 2030 года» «комфортная и безопасная среда для жизни» задекларирована как одна из национальных целей развития. Поправки, внесенные в Конституцию, также закрепили позицию окружающей среды как конституционного приоритета.

В настоящее время институциональные и правовые контуры политики развития зеленой экономики в нашей стране определяются действием национального проекта «Экология»[2], принятого в 2019 году, сроки реализации которого установлены до 2024 года. Нацпроект включает несколько подпроектов, направленных на «решение проблем утилизация и переработки отходов, ликвидации свалок, сохранения лесов и водоемов, снижения выбросов в

[1] О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ № 204 от 7 мая 2018 г. // Президент России. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/43027 (дата обращения 7.08.2022).

[2] Паспорт Национального проекта «Экология» // Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации URL: https://www.mnr.gov.ru/activity/directions/natsionalnyy_proekt_ekologiya/ (дата обращения 7.08.2022).

атмосферу, развитие экологического туризма и экологического воспитания, сохранение биологического разнообразия»[1] и напрямую связан с задачами развития зеленой экономики, поскольку интегрирует экологические цели и цели технологической модернизации, в том числе, путем внедрения механизма НДТ. Важным представляется и экспериментальная апробация в рамках проекта на отечественной почве таких «продвинутых» мер политики «зеленого» развития как внедрение квот на выбросы в 12 городах России на основе расчетов загрязнения атмосферного воздуха. Объем затрат из федерального бюджета на реализацию проекта с 2019 по 2021 год составил 178,1 миллиардов рублей, в том числе в 2021 году – 79, 939 миллиардов[2].

Таким образом, несмотря на отмечаемые целым рядом экспертов недостатки в области качества нормативного регулирования и его информационного обеспечения, а также системы взаимодействия между различными структурами, в нашей стране все критически важные составляющие нормативно-правовой базы политики развития зеленой экономики уже созданы.

Следующим направлением политики развития зеленой экономики являются государственное инвестирование в «зеленые» отрасли и создание системы «зеленых» государственных закупок. То есть по факту, речь идет о переориентации государственной инвестиционной политики с субсидирования природоэксплуатирующих отраслей на вложения в природосберегающие отрасли и включения экологической составляющей в требования, предъявляемые к товарам, работам и услугам, предоставляемым для государственных нужд. Для России актуальность этого направления развития политики «зеленого» роста связана не только с возможностью формирования национальной модели инновационной экономики, ориентированной на применение

[1] Сидоров А.А., Кудинова Г.Э., Розенберг Г.С., Розенберг А.Г. Национальный проект «Экология»: Планы и промежуточный ход реализации // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. Т. 9, № 3(32). С. 219–224.

[2] Нацпроект «Экология» приблизят к народу и продолжат развитие его федеральных составляющих // Ведомости. 24 марта. 2022. URL: https://www.vedomosti.ru/ecology/national_projects/articles/2022/03/24/915083-natsproekt-ekologiya-priblizyat-k-narodu (дата обращения 7.08.2022).

интеллектуальноемких, ресурсосберегающих, низкоотходных технологий, но и с их ролью в процессе постиндустриальной трансформации социальной сферы формируя, с одной стороны, высокотехнологичные рабочие места, с другой – стимулируя корпоративную ответственность предприятий и развивая социально-ориентированное предпринимательство.

В 2021 году в России принятием распоряжений и постановлений Правительства, утверждающими «цели и основных направления устойчивого (в том числе «зеленого») развития»[1],[2] была завершена подготовка основы для «запуска» системы финансирования «зелёных» проектов. Эти документы определили количественные и качественные параметры, согласно которым хозяйствующие субъекты, реализующие проекты, например, в сфере обращения с отходами, строительства, энергетики, промышленности или сельского хозяйства, а также сохранения окружающей среды, могут привлекать льготное финансирование. Например, производство изделий из биоразлагаемых материалов не должно сопровождаться образованием микропластика, а внедрение новых систем уличного освещения - обеспечить не менее чем 20% сокращение потребления энергии.

В настоящее время финансовые механизмы политики развития зеленой экономики в нашей стране находится на стадии активного формирования и включают три основные вектора: климатическое регулирование, в том числе углеродная отчетность и формирование финансовой инфраструктуры рынка углеродных единиц; развитие «зеленых» финансовых инструментов,

[1] Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации: Распоряжение Правительства РФ № 1912-р от 14 июля 2021 г. // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_390943/ (дата обращения 7.08.2022).

[2] О координирующей роли Минэкономразвития России по вопросам развития инвестиционной деятельности и привлечения внебюджетных средств в проекты устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации: Распоряжение Правительства Российской Федерации № 3024-р от 18 ноября 2020 г. // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_205300/ (дата обращения 7.08.2022); Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации…; Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации...

ответственного инвестирования в целом, основанного на ESG-принципах, а также непосредственно ESG-трансформация хозяйствующих субъектов.

Декабрь 2018 года ознаменовался выпуском первых «зеленых» облигаций в нашей стране на сумму 1,1 млрд рублей[1] с целью привлечения средств для строительства полигона переработки твердых коммунальных отходов в Нефтеюганске, эмитентом которых выступила компания «Ресурсосбережение ХМАО». Компания ОАО «Российские железные дороги», определившая цели сокращения выбросов парниковых газов на 4,5%, в этом же году разработала Концепцию ответственного финансирования и разместила «зеленые» облигации, соответствующие международным стандартам на Швейцарской фондовой бирже. Московская биржа в 2019 году открыла сектор «зеленого» инвестирования и к концу 2021 объем всех облигаций достиг 175 млрд рублей.

Инструменты «зеленого» кредитования также получили развитие в нашей стране. Так, в 2020 году компания «Газпромнефть» получила синдицированный кредит в «Сбербанке» и «Газпромбанке» для экологической модернизации Омского нефтеперерабатывающего завода. Нужно отметить, что хотя рынок «зеленого» финансирования в нашей стране находится на первоначальном этапе становления, как и рынок инвестиций в «зеленые» стартапы, однако имеет огромный потенциал роста с учетом накопившихся экологических проблем и задач по их решению, создания стимулов для частных инвестиций в тех областях, которые содействуют инновациям в области «зеленых» технологий, создания инфраструктуры, необходимой для успешного внедрения «зеленых» инноваций и становления «зеленых» секторов экономики.

Инфраструктурное направление политики развития зеленой экономики прежде всего связано с трансформацией системы обращения с твердыми коммунальными отходами и созданием сети карбоновых полигонов.

Реформирование системы обращения с отходами в России, цель которого состояла в решении проблемы несанкционированных свалок и сокращения

[1] Мосбиржа открыла первую в России платформу для «зеленых» облигаций // РБК. URL: https://trends.rbc.ru/trends/green/5d6422b19a7947efa673ac48 (дата обращения 7.08.2022).

объемов неперерабатываемого мусора, началось в 2019 году, чему предшествовала значительная подготовка. В 2011 году, согласно поручению Президента Российской Федерации[1], регионы должны были подготовить программы по обращению с отходами, основанные на комплексном подходе к их сбору и утилизации. В 2013 году Президентом Российской Федерации было сделано заявление о необходимости создания системы регулирования сбора и утилизации мусора, включая соответствующие инструменты, и в этом же году приказом Минприроды была утверждена Стратегия обращения с твердыми коммунальными отходами в Российской Федерации до 2030 года[2].

За годы реформы были созданы институциональные (Российский экологический оператор и система региональных операторов по обращению с отходами), нормативно-правовые (более 50 нормативно-правовых актов разного уровня) и инфраструктурные (121 объект обработки отходов совокупной мощностью 15,52 млн тонн в 50 регионах, 42 объекта утилизации мощностью 4,63 млн тонн в 20 регионах построены, как и 8 объектов размещения отходов мощностью 1.87 млн тонн) основы этой сферы.

Однако с учетом того, в нашей стране ежегодно образуется около 7 миллиардов тонн отходов, система раздельного сбора «буксует», дальнейшая реализация этого важнейшего направления политики развития зеленой экономики требует системной, увязанной по субъектам и ресурсам работы. В противном случае, достижение целей национального проекта по сокращению к 2024 году доли захороненных коммунальных отходов до 87,9%, а также увеличение доли сортированных отходов до 50,2% видится проблематичным.

[1] О подготовке долгосрочных целевых инвестиционных программ обращения с твердыми бытовыми и промышленными отходами в субъектах Российской Федерации: Поручение Президента РФ № Пр-781 от 29 марта 2011 г. URL: https://altairegion22.ru/upload/iblock/944/603_11.pdf (дата обращения 7.08.2022).

[2] Об утверждении комплексной стратегии обращения с твердыми коммунальными (бытовыми) отходами в РФ: Приказ Министерства природных ресурсов и экологии РФ № 298 от 14 августа 2013 г. // Гарант. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70345114/ (дата обращения 7.08.2022).

Рассмотренные выше направления политики развития зеленой экономики в нашей стране реализуются с различной долей выраженности и эффективности, «грешат» фрагментарностью и пока не имеют системного эффекта. Основным актором политики развития зеленой экономики в России является государство, что вполне объективно связано с наличием у него необходимых ресурсов и вполне коррелирует с международной практикой. Однако политика развития зеленой экономики в нашей стране в сознании лиц, принимающих решения, а также массовом общественном сознании тесно связана с политикой охраны природы, что делает не вполне очевидным её возможные выгоды для участников этого процесса, которые рассматривают её не как «политику возможностей для роста», а скорее как «политику ограничений».

Кроме этого, существует также ряд специфических политико-административных барьеров в развитии зеленой экономики в нашей стране, встающих на пути политики «зеленого» развития, к которым можно отнести уже отмеченную инерцию сырьевой модели развития, непоследовательность принятия стратегически значимых управленческих решений для развития зеленой экономики и нормативные лакуны в законодательстве, слабую координацию между различными ведомствами в формировании и реализации политики «зеленого» развития, отсутствие практических инструментов оценки природного капитала и дефицит экспертно-аналитических данных для целей принятия управленческих решений, «пробелы» в экологическом просвещении и информационной поддержке реализации политики развития зеленой экономики, дефицит квалифицированных кадров, в том числе управленческих, владеющих «зелеными компетенциями», несоответствие между реальным и номинальным статусом «зеленого дискурса» среди лиц, принимающих решения, сравнительно слабая степень общественной поддержки .

Непоследовательность стратегических решений и нормативно-правовые пробелы в политике развития зеленой экономики можно проиллюстрировать на примере внедрения системы обращения с коммунальными отходами. Основой правового регулирвания в данной сфере является Федеральный закон «Об отходах

производства и потребления», а также целый блок связанных федеральных законов и подзаконных актов. Значительное число поправок, уже внесенных и продолжающих вноситься в действующие нормативно-правовые акты, лишний раз подчеркивает их неполное соответствие реальным сложившимся условиям.

В частности, «мусорные кризисы» в регионах России в 2019 году явились результатом того, что в первоначальной редакции нормативно-правовых актов оказались упущены полномочия по содержанию контейнерных площадок. Фактически за рамками правового регулирования оказались отходы медицинских учреждений, обращение с которыми не предусматривает организованной системы сбора, транспортировки и утилизации и не попадает под лицензирование. Понятие «права собственности на отходы» также оказалось вне поля законодателей, а такие формы утилизации отходов как сжигание и компостирование, длительное время также не имели нормативного закрепления, что не позволяло легально применять к ним давно зарекомендовавшие в мировой практике технологии переработки.

Сама конструкция «мусорной реформы» предполагала многоступенчатую и межотраслевую архитектуру построения, что изначально предопределило «перетягивание» полномочий между федеральными ведомствами . Так, изначально, полномочия по реализации реформы были возложены на Министерство строительства и ЖКХ РФ. Но ввиду размытости межотраслевых полномочий, невольно вовлеченными в процесс управления реформой оказались также Министерство природных ресурсов РФ, Минпромторг РФ, Федеральная Антимонопольная Служба РФ, Росприроднадзор РФ и Роспотребнадзор РФ.

Столь сложная управленческая конструкция взаимодействия институтов федеральной власти предопределила «затягивание» реализации реформы на местах и отсрочило ее запуск на три года. В последующем в 2018 году основные полномочия в области обращения с коммунальными отходами были переданы Министерству природных ресурсов. Эти преобразования предопределили изменение вектора развития реформы и перенос акцентов в сторону ужесточения требований к объектам размещения, переработки и утилизации коммунальных

отходов, под пристальным контролем оказались вопросы строительства объектов обращения с отходами, процесс раздельного накопления, а также расширенной ответственности производителей товаров. Процесс лицензирования обращения с отходами также то чрезмерно усложнялся, то упрощался.

Для выстраивания политических приоритетов в области «зеленого» развития и оценки степени прогресса, а также адекватности используемых политических мер и убедительной аргументации в пользу политики развития зеленой экономики, лицам, принимающим решения, необходима объективная и качественная информация, базирующаяся не только на релевантной статистической информации, но и показателях оценки природного капитала и экосистемных услуг.

Подобные оценки, уже использующиеся в зарубежной практике в качестве информационно-аналитических инструментов политики «зеленого» развития, до сих пор не получили широкого распространения в нашей стране. Формируемые различными, чаше всего, общественными структурами рейтинги (например, «Рейтинг открытости регионов России к «Зелёному курсу»[1]), включающие показатели зеленой экономики, достаточно спорны, не имеют официального закрепления и, в существующем формате , с малой долей вероятности могут быть использованы в практике политического управления.

Проблемы недостаточной информационной поддержки реализации государственной политики «зеленого» развития поднимались в марте 2022 года в рамках заседания Общественного совета при Минприроды РФ, на котором обсуждался экспертный доклад о ходе реализации Национального проекта «Экология». По мнению эксперта[2] общественные обсуждения мероприятия носят формальный характер. Эксперт также отметил слабую степень вовлечения общественности в процесс обсуждения планируемых мероприятий и недостаточность общественного контроля за их реализацией.

[1] Рейтинг открытости регионов России к «Зелёному курсу». Составлен на основе официальных ответов органов власти субъектов РФ // Greenpeace. URL: https://greenpeace.ru/wp-content/uploads/2021/08/Reiting_regionov.pdf (дата обращения 7.08.2022).

[2] Нацпроект «Экология» …

42 статья Конституции Российской Федерации гарантирует гражданам право на «достоверную нформацию о состоянии окружающей среды». В настоящее время информация в основном носит несистематизированный, общий характер, ежегодные доклады о состоянии окружающей среды подготавливаются профильными ведомствами со значительным запаздыванием. С одной стороны, неконкретный характер информации или информационный дефицит вызывает общественную обеспокоенность, а с другой стороны, не дает достаточного обоснования для принятия продуманных управленческих решений. Недостаточная осведомленность большинства членов общества о потенциале развития «зеленых» проектов, а также успешных практиках в этой области, являются важными факторами, препятствующими инициации и активной реализации проектов зеленой экономики «снизу»: со стороны фирм, общественных организаций, неформальных объединений граждан, бизнес-структур[1].

Только с помощью широкого распространения «зеленых» идей и знаний, принятия их обществом и межсекторной консолидации усилий в области «зеленого» развития можно реально добиться успеха.

Наша страна обладает значительным кадровым потенциалом в области разработки и реализации технологических «зеленых» решений. При этом наблюдается острый дефицит специалистов других профессий, владеющих навыками управления в природоохранной сфере, экологического менеджмента, экологической политики, экологического права, политического и экономического анализа вопросов, связанных с «зеленым» развитием. Подготовка и повышение квалификации подобных кадров в настоящее время, к сожалению, не рассматривается как один из приоритетов развития российской системы высшего образования.

Огромное значение для реализации политики развития зеленой экономики имеет общественная поддержка принимаемых на высшем политическом уровне

[1] Терёшина М.В., Онищенко М.В. Политико-управленческие барьеры «Зеленого» роста в Российской Федерации // Человек. Сообщество. Управление. 2015. Т. 16, № 3. С. 50–74.

решений. Однако в настоящее время в российском обществе идеи перехода к зеленой экономике воспринимаются неоднозначно. Так, по данным опроса[1], проведенного Банком «Открытие» в 2021 году среди 1 тысячи россиян в возрасте 18-65 лет в городах с населением более 100 тысяч человек, лишь 8% респондентов считают себя осведомленными в области зеленой экономики, при этом демонстрируя достаточно низкую оценку экологической обстановки в стране и своем населенном пункте (в среднем 2,6 балла из 5).

К сожалению, в нашей стране экологическое образование и просвещение в необходимой степени не интегрированы в образовательную политику и обладают довольно низким статусом. Так, например, обучение экологии школьников проводится за счет регионального и школьного компонентов учебного плана, что делает его практически неиспользуемым. Подобная ситуация приводит к низкой осведомленности основной массы населения о состоянии окружающей среды и возможностях её улучшения с помощью «зеленых» проектов, недостаточной структурированности экологических интересов общества и отсутствию их социально-политической приоритезации. «Прочность» перечисленных барьеров различна, и все они вполне могут быть преодолены с помощью политических инструментов.

В настоящее время перспективы дальнейшего продвижения политики развития зеленой экономики в нашей стране определяются несколькими обстоятельствами. С одной стороны, нормативно-правовая, институциональная, во многом инфраструктурная и информационная база для реализации политики уже создана. С другой стороны, в связи с внешнеполитической напряженностью, санкционным давлением и необходимостью срочного решения текущих социально-экономических задач существует некая неопределенность в масштабах, стимулах, форматах и планируемых темпах зеленого перехода.

Таким образом, формирование российской национальной модели политики развития зеленой экономики происходило на фоне влияния следующих ключевых

[1] Опрос: большинство россиян не осведомлены в вопросах "зеленой" экономики // ТАСС. 15 ноября 2021. URL: https://tass.ru/ekonomika/12920915 (дата обращения 7.08.2022).

факторов: осознания на высшем политическим уровне решающего значения ухода от экспортно-сырьевой модели экономического развития, необходимости снижения ресурсоемкости национальной производственной системы и улучшения состояния физического и человеческого капитала, общим запросом на повышение эффективности национальной инновационной системы. Особенностью российской модели, находящейся в стадии активного формирования, является ее гибридный характер, выражающийся в одновременном и, зачастую, параллельном участии в ее построении государственных акторов и структур гражданского общества. «Зеленые» стимулы, мотивы и практики корпоративного бизнеса определяются, в основном, нормативными рамками международного институционального режима. При этом объективно происходящий в настоящее время «поворот с Запада на Восток» в деятельности российского бизнеса, не отменяет «зеленые» приоритеты, в некоторых случаях даже ужесточая, например, экспортные требования и генерируя новые импульсы для более активного продвижения бизнес-структурами своих интересов в реализации политики развития зеленой экономики. Существенным промежуточным результатом формирования российской модели, является создание и становление институциональных механизмов (нормативно-правовых, проектных, финансовых, информационно-коммуникативных), отражающих как основные мировые тренды, так и уникальную экономическую и политико-управленческую специфику РФ.

3.2 Гражданские экологические инициативы в структуре политики развития зеленой экономики современной России

Гражданский энвайронментализм или гражданские экологические инициативы являются важной институциональной составляющей в системе многоуровневого публичного управления политикой развития зеленой экономики. Гражданские экологические инициативы являются многоплановым

понятием, в отношении которого в кругу исследователей не сложилось однозначного понимания[1]. Согласно авторскому определению, гражданские экологические инициативы представляют собой различные конструктивные активности граждан в определении общественной экологической повестки, а также выработки способов решения экологических проблем и их практическое воплощение посредством сотрудничества с другими субъектами политики развития зеленой экономики.

В отличие от международного институционального режима, который определяет общие «правила игры» и приоритеты развития зеленой экономики, гражданские инициативы формируют специфику институциональных практик на локальном уровне, их субкультурные проекции определяются экологической идентичностью местных сообществ, ориентацией на сохранение природных ресурсов территории, использовании экологических ресурсов в стратегиях развития муниципальных образований. Зарубежные исследователи, изучая европейские практики гражданского энвайронментализма, отмечают значимость привязанности к месту или локальной идентичности жителей муниципальных образований, которая является значимым фактором, «запускающим» различные форматы включенности местных сообществ в актуализацию и решение значимых проблем. Российские исследователи, изучая роль нематериальных ресурсов в политике развития сельских территорий, отмечают значимость связующих экологических маркеров в локальной идентичности. При этом одни и те же экологические маркеры локальной идентичности, рассматриваемые как идентификация с уникальными природными характеристиками территории, могут быть по-разному имплементированы в стратегии развития местных сообществ: доминирование экологической составляющей «я – часть природы», доминирование социальной составляющей «я как часть экоориентированного

[1] Bonney R., Cooper C.B. Ballard H. The Theory and Practice of Citizen…; Brehm J.M. Eisenhauer B.W., Stedman R.C. Environmental Concern…; Хафизова К.Н. Гражданские инициативы…; Долженкова М.И., Прохорова О.Г. Гражданское воспитание…

сообщества», доминирование экономической составляющей «природа как ресурс»[1].

Гражданские экологические инициативы способствуют формированию социального капитала как общественного блага[2], характеризующегося высоким уровнем солидарных связей, в том числе основанных и на экологической идентичности местных сообществ, которые порождают позитивные внешние эффекты в виде институционального доверия к институтам власти, развития структур общественного участия в решении проблем территории. Гражданские экологические инициативы отличаются концентрацией граждан на проблемах окружающей среды в проекции настоящего и будущего и экспертном знании способов ее решения, поэтому большинство из них имеет характер социальных инноваций[3]. По мнению исследователей, локальные гражданские движения играют значимую роль в современной экологической политике, так как локальное знание расширяет не только информационную и аналитическую базу для принятия эффективных решений, но и набор процедур для гражданского участия в их реализации, что способствует смягчению экологических конфликтов, адаптации глобальных и национальных решений к местной специфике на основе любых организационных и технических инноваций[4]. Одной из структурных составляющих гражданских экологических инициатив является определенный тип лидерства, соединяющего в себе черты гражданского активиста и эксперта, обладающего профессиональными знаниями в области устойчивого развития. При этом знания, которыми он обладает, а также уровень и характер социальных коммуникаций, в которые эколидер включен, позволяют быть в тренде глобальной и национальной повестки политики развития зеленой экономики, и

[1] Морозова Е. В., Мирошниченко И. В., Семененко И. С. Развитие сельских местных сообществ…

[2] Коулман Д. Капитал социальный…; Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели…; Патнэм Р. Чтобы демократия сработала...

[3] Яницкий О.Н. Массовая мобилизация…; Давыдова С.И., Усачева О.А. Сетевая организация …

[4] Nygen A. Local Knowledge…; Corburn J. Bringing Local…

одновременно представлять интересы местных сообществ, включаться в процессы принятий решений на локальном уровне[1].

Гражданский энвайронментализм способствует формированию и развитию трех типов устойчивых сообществ, основанных на сетевых принципах взаимодействия:

– экологически дискурсивные сообщества, которые включаются в процесс сбора, анализа и распространения информации об экологических проблемах («о том, чтобы видеть «места» такими, какие они есть, а не такими, какими мы хотим их видеть.»[2]);

– экологически проактивные сообщества, которые включаются в процедуры решения существующих проблем территории;

– экологически протестные сообщества, которые актуализируют повестку местных источников загрязнения, проблем вне фокуса правительственных решений или проблем недостоверной информации.

Характер гражданских инициатив определяет структуру их деятельности и модели включенности в процесс выработки и реализации решений в политике развития зеленой экономики. Западные исследователи предлагают дифференцировать гражданские экологические инициативы на основе моделей участия общественности в политике развития зеленой экономики, которые соответствуют обозначенным выше типам сообществ: модель «дефицита информации» и модель «совещательных и инклюзивных процедур»[3]. Данная классификация применительно к деятельности экологически протестных сообществ может быть дополнена авторской моделью «экологической протестной мобилизации граждан». Данная модель имеет гибридный характер, так как может включать в себя действия граждан, направленные на преодоления дефицита информации о состоянии окружающей среды локальной территории, или

[1] Van de Donk W., Loader B.D., Nixon P.G., Rucht D. Inroduction: Social Movements…; Давыдова С.И., Усачева О.А. Сетевая организация …

[2] Cantrill J.G. On Seeing “Places” for What They Are, and Not What We Want Them to Be // Environmental Communication. 2016. No. 10(4), P. 525–538.

[3] Agyeman J., Angus B. The Role of Civic…

наоборот, трансформироваться в результате протестных акций в институциональные формы взаимодействия власти и граждан по вопросам локальной «зеленой» повестки.

Первая модель получила свое широкое распространение в условиях развития социальных сетей, которые на своих платформах смогли интегрировать неравнодушных к экологическим проблемам граждан и экспертов для обсуждения, прогнозирования, предупреждения и нивелирования последствий экологических рисков и угроз в территориальном контексте, в том числе с привлечением результатов научных исследований. По мнению экспертов, данные сообщества, чаще всего, выполняют функции «общественного мониторинга и надзора за экологической и градостроительной политикой на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, включая реализацию проектов и расходование государственных средств»[1]. Многие эколого дискурсивные сообщества концентрируются на неправительственной экологической повестке, не только фокусируясь на вопросах ее освещения, но и выполняя социально-просветительские функции через онлайн социальные сети, например, в распространении практик устойчивого или этичного потребления, озеленения городов и других. Эколого дискурсивные сообщества предоставляют гражданские оценки состояния окружающей среды, мотивируя органы власти и хозяйствующие субъекты к предоставлению достоверных и прозрачных данных. Именно в данных сообществах получили свое развитие практики гражданской науки в сфере защиты окружающей среды[2]. Гражданская наука объединяет усилия ученых-экспертов и ученых-любителей в решении исследовательских задач глобального или национального уровня (например, изменение климата, потеря среды обитания, инвазивные виды и загрязнение) с учетом региональных экологических и социальных проблем и перспектив. Глобальный мониторинг

[1] Davydova A. Environmental Activism in Russia: Strategies and Prospects // Center for Strategic and International Studies. 3 March. 2021. URL:https://www.csis.org/analysis/environmental-activism-russia-strategies-and-prospects (дата обращения 7.08.2022).

[2] Overdevest C., Orr C.H. Stepenuck K. Volunteer Stream...

климатических изменений выстраивается на принципах гражданской науки, когда большая часть эмпирических данных собирается волонтерами. Такие проекты инициируются исследовательскими организациями, а сбор данных осуществляется, как правило, посредством специальных мобильных приложений. Например, проект «ISEECHANGE» NASA (https://www.iseechange.org/), призывает волонтеров не только собрать информацию, позволяющую получить полную картину о климатических изменениях, но и изменить собственное поведение и практики сообществ на проэкологические. Отчеты пользователей об их наблюдениях за погодными условиями сопоставляются с аналитическими данными спутников и результатами научных исследований профессиональных ученых, что «позволяет с наибольшей точностью отслеживать изменение климата в разных местах планеты»[1].

В российских регионах созданы краудсорсинговые ресурсы, которые позволяют использовать потенциал экологических волонтеров и гражданских активистов для общественного экологического мониторинга. Например, система экологического мониторинга в Камчатском крае (https://eco.kamgov.ru/events) позволяет не только фиксировать территориальные зоны и источники загрязнения окружающей среды, но и отображать их в визуализированном формате на карте. Примером межсекторного проекта в сфере экологического мониторинга с привлечением граждан является платформа экологического мониторинга «МегаФон Экология». Платформа уже запущена в ряде городов (Калининграде, Нижнем Новгороде, Саратове и других) российских регионов и может быть интегрирована с различными государственными и корпоративными информационными системами о состоянии окружающей среды. Данная платформа также отображает данные экологического мониторинга в режиме онлайн-визуализации и может быть использована для решения задач по

[1] Помочь науке, не выходя из дома: проекты Citizen science, доступные для всех // ITMO.NEWS. 15 Апреля 2020. URL: https://news.itmo.ru/ru/university_live/leisure/news/9341/ (дата обращения 7.08.2022).

экстренному реагированию и антикризисному управлению экологической ситуацией в регионах[1].

Вторая модель невозможна без деятельности общественных структур и создания институтов общественного развития зеленой экономики (широкого гражданского энвайронментализма)[2], которые с одной стороны, встраиваются в сетевой процесс выработки и реализации решения экологических проблем, с другой, создают институциональные условия для целостного понимания неразрывности связей между экологическими, социальными и экономическими инициативами и их интеграцией в практику субъектов разных секторов. Набор таких институциональных практик разнообразен и связан с локальными практиками развития. Яркими примерами могут служить плоггинг-мероприятия и проекты в российских регионах (деятельность по сбору мусора, интегрированная в более широкий социальный контекст), объединяющие экологические интересы коммерческих кампаний, инициативных граждан и некоммерческих структур[3]. С 2016 года в субъектах Российской Федерации стали развиваться практики общественных экологических инспекторов, которые оставаясь представителями гражданского общества, выполняют ряд функций профильных органов власти в сфере государственного надзора. Институт общественных экологических инспекторов позволяет фиксировать и оперативно предоставлять данные о нарушении экологического законодательства, а также реализовывать задачи по экологическому просвещению граждан[4].

Также сообщества экологических активистов интегрированы в разработку проектов «зеленых» каркасов городов и сельских поселений, в том числе и в рамках реализации национальных проектов, проектов инициативного

[1] Зуйкова А. Экомониторинг: как работают новейшие технологии для сохранения природы // РБК. 30 Июля 2021. URL: https://trends.rbc.ru/trends/industry/cmrm/6103afce9a79476310f6ad4b (дата обращения 7.08.2022).

[2] Hungerford H.R. The Development of Responsible Environmental Citizenship: A Critical Challenge // Journal of Interpretation Research. 1996. Vol. 1, No. 1, P. 25–37.

[3] Долженкова М.И., Прохорова О.Г. Гражданское воспитание…

[4] Иншаков И.А., Колеснева Е.А., Корсун В.А. Институт общественных экологических инспекторов…

бюджетирования на уровне муниципальных образований, градостроительную политику территорий. Одной из самых распространенных практик является создание условий для включения граждан в озеленение местных территорий. Например, Департамент природопользования и окружающей среды города Москвы реализует два раза в год (весной и осенью) через краудсорсинговую платформу «Активный гражданин» (https://ag.mos.ru/home) высадку деревьев. Акция «Миллион деревьев» дает возможность жителям Москвы проголосовать за озеленение своего двора и выбрать те сорта деревьев, которые бы они хотели там видеть[1]. Проект «Посади лес» стал результатом волонтерской деятельности экологических активистов, которые 2010 году стали выезжать в пострадавшие от пожаров и незаконных вырубок лесные массивы для их восстановления. Новую жизнь проект приобрел в 2015 году, благодаря созданию краудфандинговой платформы PosadiLes.ru, которая дает возможность поучаствовать в посадке деревьев, приобретая зеленый сертификат. Реально данную деятельность (высадка деревьев и агроуход за ними) продолжают осуществлять экологические волонтеры, но любой гражданин может виртуально присоединиться к защите и восстановлению лесов в России. Проект «Посади лес» постоянно развивается, интегрируя новые экопрактики на своей платформе. В 2017 году на платформе PosadiLes.ru появился калькулятор углеродного следа www.posadiles.ru/blog/calc. для экологической оценки деятельности человека или организации. Также с помощью калькулятора можно определить объем зеленых насаждений, которые могли бы компенсировать выбросы углекислого газа на определенной территории. Это позволило с момента запуска экопрактики 1400 гражданам и ряду компаний (SPLAT, Faberlic, S7 и др.) оценить собственный углеродный след и осуществить целенаправленные действия по его нивелированию.

Важно, что модель «дефицита информации» и модель «совещательных и инклюзивных процедур» исключают протестные практики гражданской

[1] 15 экологических инициатив, в которых может поучаствовать каждый // Платформа VC.RU. 25 Ноября 2020. URL: https://vc.ru/mos.ecology/180510-15-ekologicheskih-iniciativ-v-kotoryh-mozhet-pouchastvovat-kazhdyy (дата обращения 7.08.2022).

активности, получившие распространение в современных российских условиях. По данным социологических исследований, проведенных ВЦИОМ, и рядом других экспертных центров, 30% россиян (преимущественно жители городов-миллионников, в отличие от респондентов из сельских поселений) считают, что экологическая обстановка в стране ухудшилась, а «федеральные и региональные органы власти не справляются с решением экологических проблем» (56% из числа опрошенных[1]). Результаты исследования демонстрируют высокий уровень готовности населения участвовать в экопротестах – 35% респондентов. Доминирующими причинами для мотивации такой протестной деятельности жителей больших городов, являются плачевные результаты реализации градостроительной политики, среди которых «резкое загрязнение водоемов промышленными отходами (68%), незаконная вырубка лесов (67%), появление свалок в населенных пунктах (67%) и загрязнение городских водоемов мусором (67%)». [2]

Однако для российских реалий модель «экологической протестной мобилизации» является актуальной и позволяет интегрировать широкий эмпирический материал различных протестных повесток и решений. Принципиальное отличие экологических протестных движений от других видов социальных движений заключается в том, что они не «конкурируют» с государством и не ориентированы на оппозиционное противостояние с органами власти, а нацелены исключительно на решение экологических проблем, хотя могут стать объектами политических манипуляций для других политических субъектов[3]. Например, когда для отставки губернатора или главы муниципального образования используется технология политизации экологических проблем.

---

[1] Мухаметшина Е. Половина россиян считает, что экологическая ситуация в России за последние годы ухудшилась. Треть граждан готова выйти на протесты из-за экологии // Ведомости. 30 Ноября 2020. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/11/29/848723-polovina-rossiyan (дата обращения 7.08.2022).

[2] Мухаметшина Е. Половина россиян считает…

[3] Батанина И.А., Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Парма Р.В. Экологическая повестка в российском сегменте социальных медиа: результаты анализа больших // Известия ТулГУ. Науки о Земле. 2021. Вып. 2. С. 409–428.

«Мусорные бунты» отражают специфику протестных движений и гражданкой активности в российских регионах на протяжении 2018-2021гг. Резонансным протестным движением стало строительство мусорного полигона для размещения мусора из Москвы и Подмосковья на территорию Ленского района Архангельской области рядом с железнодорожной станцией Шиес, которая граничит с Республикой Коми. Объем ежегодно планируемых для переработки мусорных отходов должен был составить 500 000 тонн. Стартом протестный действий местных жителей стало организация группы «Мы против свалки в Ленском районе» в онлайн социальной сети «ВКонтакте». Группа была создана для сбора обращений активных граждан к представителям местной и региональной власти с требованиями пояснений, что происходит на территории станции Шиес, так как первоначально жители наблюдали за вырубкой леса и расчисткой пространства под цели, которые были неизвестны. Именно дефицит информации в публичном пространстве стал главным мотивом для инициации гражданских действий. С увеличением числа подписчиков и роста граждан, обеспокоенных экологическим будущим своих регионов, возникла необходимость в создании общественного движения «Чистая Урдома», которое в течение трех лет стало инициатором и организатором протестных мероприятий, объединивших тысячи неравнодушных граждан, не только из Республики Коми и Архангельской области, но и других регионов, экологические активисты которых столкнулись с такого же рода проблемами. К обсуждению проблемы подключились ряд региональных и общероссийских экологических организаций, представители экспертного сообщества. В результате Арбитражный суд Архангельской области признал строительство незаконным, нарушающим экологический баланс местной территории[1].

[1] Григорян М. Чем окончились протесты против мусорного полигона на Шиесе. Тихой победой – спустя два года безнадёжной борьбы // Medialeaks. 09 Июня 2020. URL: https://medialeaks.ru/news/0906mmg-shies-win/ (дата обращения 7.08.2022); Восстание против свалки. Как северяне противостоят строительству полигона для московских отходов на станции Шиес и кто стоит за многомиллиардным проектом // Сетевое издание NewsVo (НьюсВО). 30 Января 2019. URL: https://newsvo.ru/press/118431 (дата обращения 7.08.2022); Власти

Например, в Республике Башкортостан гора Куштау, благодаря действиям тысячи экологических активистов, в 2020 году получила статус особо охраняемой природной территории. Протестная активность была спровоцирована деятельностью Башкирской содовой компании по обследованию территории для добычи известняка. Для местных жителей гора Куштау была не просто уникальной территорией с редкими видами растений и животных, живописными пейзажами и видами. Данная территория имеет значимый символический характер в исторической памяти и этнокультуре региона. Для местных жителей гора Куштау, которая образовалась в этом районе 250 миллионов лет назад, имеет священное значение, так как согласно древним легендам, она спасла их от серьезных природных и социальных потрясений и катастроф[1].

В целом протестные движения имеют характер проблемной сети, которая существует для решения конкретной экологической проблемы. По результатам достижения целей, протестные экосообщества распадаются, а ее лидеры интегрируются региональными и местными органами власти в систему принятий решений (в деятельность экспертно-консультационных площадок, проектов развития территорий и др.). Также протестные группы имеют потенциал преобразования их в сеть некоммерческих организаций экологической направленности, разделяющих общие ценности и объединенные целевыми установками в своей деятельности. Например, «Зеленая коалиция Санкт-Петербурга» является сетевым социальным движением, объединяющая некоммерческие организации, городские движения и инициативные группы активных граждан города Санкт-Петербурга и Ленинградской области для защиты и сохранения зеленого фонда, создания зеленых зон и рекреационных территорий в реализации градостроительной политики. [2].

расторгли договор с подрядчиком мусорного полигона в Шиесе // РБК. 9 Июня 2020. URL: https://www.rbc.ru/society/09/06/2020/5edf8c709a7947205e2415ee (дата обращения 7.08.2022).

[1] Шихан Куштау получил охранный статус Башкирии // РБК. 2 Сентября 2020. URL: https://ufa.rbc.ru/ufa/02/09/2020/5f4f79bb9a7947e915d9f4df (дата обращения 7.08.2022).

[2] «Зеленая коалиция» опубликовала манифест и требования по сохранению зеленых зон Петербурга и области // Курьер Медиа. 1 Февраля 2018. URL: https://courier-

Протестные экологические движения используют широкий арсенал коммуникативных технологий для продвижения экологической повестки в традиционных СМИ и новых социальных медиа, привлекая к обсуждению и решению проблемных вопросов как граждан, так и экспертное сообщество, добиваясь реальных изменений. Роль сетевых коммуникаций в актуализации протестной активности значима не только с точки зрения сетевой мобилизации ее участников, но с позиций транслируемого экологического дискурса. Исследования зарубежных ученых показали, что дискурсивные практики, основанные на фрейминге «экологических потерь» более убедительны, чем сообщения, основанные на приобретенных выгодах в результате экологически ответственного поведения разнообразных субъектов. Это объясняется психологическими установками граждан, так как большинство из них склонны избегать рисков и негативных результатов, чем искать позитивные изменения в новых поведенческих практиках. Соответственно, такой подход получил свое распространение не только в деятельности гражданских активистов для экологической мобилизации населения, но и в практике традиционных СМИ и новых социальных медиа, поскольку информационные сообщения, основанные на экологических потерях, пользуются большей популярностью среди граждан. Тем самым решаются задачи «одновременного повышения осведомленности граждан об актуальности и масштабах экологических проблем и предоставления потенциального решения для них в форме предлагаемой политики»[1].

Такая ситуация с протестным дискурсом, основанном на актуализации экологических потерь, вступает в разрез с дискурсом политики развития зеленой экономики, в которой экологические ресурсы являются фундаментальной основой для социально-экономического развития территорий и обеспечения качества жизни населения. Позитивное восприятие гражданами результатов проэкологической политики на уровне регионов и муниципалитетов как

---

media.com/articles/zelenaya_koalitsiya_opublikovala_manifest_i_trebovaniya_po_sohraneniyu_zelenyh_zon_peterburga_i_oblasti-108496.html (дата обращения 7.08.2022).,,

[1]Bertolotti M., Catellani P Going Green, but Staying…

экологических выгод, которые перевешивают экономические издержки, обеспечивается коммуникативными стратегиями субъектов разных секторов политики развития зеленой экономики. Речь идет о популяризации и развития новых форм экономической деятельности на основе экологических приоритетов.

Так в стратегиях социально-экономического развития муниципальных образованиях и их градостроительных планах появляются проекты создания общественных пространств и мест для отдыха граждан с учетом экологических приоритетов. Кейс Перми демонстрирует, как простые гражданские действия, которые стартовали в 2007 году с субботника для сбора мусора с прибрежных территорий реки Уинки, привели в созданию народного парка «Сад соловьев долины» при постоянной деятельности экологических и экспертных сообществ по «увеличению биоразнообразия и обеспечению экологической устойчивости экосистемы реки»[1]. Экологические сообщества создали социальный сервис для жителей Перми, которые при помощи простых и понятных путеводителей-инструкций (как создавать домики для насекомых, как поддерживать медоносные поляны, как кормить птиц и создавать для них убежища, как использовать в бытовой практике естественно компостированные природные отходы и др.) совместно с экологами в течение 10 лет воссоздавали новую экосистему реки Уинки.

Жители Академического района города Москвы реализовали альтернативный муниципальному общественный проект «Заповедного луга», на территории снесенных гаражей, которая стала площадкой для развития луговых сообществ, где наряду с сохранением лугового биоразнообразия, местные жители стали реализовывать символические мероприятия, направленные на свою локальную идентичность (народные покосы с народным гулянием и т.д.)[2].

Благотворительный проект «Собиратор» решает одновременно несколько задач, связанных с формированием экологической культуры и эколого

[1] Как обычным людям спасти природу: топ-7 гражданских экоинициатив в России // Экосфера. 3 Января 2022. URL: https://ecosphere.press/2022/01/03/kak-obychnym-lyudyam-spasti-prirodu-top-7-grazhdanskih-eko-inicziativ-v-rossii/ (дата обращения 7.08.2022).

[2] Как обычным людям спасти природу…

ориентированных практик россиян. Одним из направлений деятельности организаторов проекта является сбор вторсырья для его последующей переработки через пункты «Собиратора» в регионах. Также проект реализует социально-просветительские задачи, организует мероприятия экологического образования (мастер-классы, онлайн-курсы по раздельному сбору мусора или сокращению отходов в своей повседневной жизни и т.д.)[1].

Российские регионы также демонстрируют успешный опыт интеграции устойчивых сообществ, которые ориентированы на решение проблем с учетом их экологической, экономической и социальной составляющих, в локальные политики развития. Ярким примером может являться сообщество города Краснодара «Помоги городу». Пройдя эволюцию от экспертной группы по вопросам развития городской среды при главе муниципального образования к многотысячному городскому сообществу неравнодушных горожан в онлайн социальных сетях, в 2016 году сообщество было преобразовано в автономную некоммерческую организацию-общественный центр по развитию городской среды «Помоги городу». Начиная с актуализации проблем, связанных с экологическими, градостроительными, социальными проблемами муниципального образования, некоммерческая организация «Помоги городу» стала транслятором публичных эколого ориентированных ценностей и практик городского устойчивого развития, формирующим императивы деятельности для гражданских активистов, инициатором межсекторных партнерств для решения проблем территории[2].

Институты развития активно продвигают в публичном пространстве традиционные и инновационные практики различных субъектов политики развития зеленой экономики, в том числе реализованные в рамках межсекторного партнерства. «Список бережных инициатив» (https://tepertak.ru/spisok2021/) является инструментом продвижения эколого ориентированных проектов и инициатив, реализованных в российских регионах и способствует достижению

[1] 15 экологических инициатив…

[2] Мирошниченко И.В. Морозова Е.В. Сетевые сообщества как субъекты формирования…

целей устойчивого развития. Организаторы проекта не ставили целью выстроить рейтинг экологических инициатив, а были ориентированы на продвижение экологических ценностей, которые могут стать релевантны ценностям коммерческим компаний и производителей, гражданским активистам и некоммерческим организациям. Для органов власти и СМИ – «Список бережных инициатив» является отражением региональных и локальных «зеленых» повесток, которые необходимо развивать в проектах развития территорий и национальных проектах. Также данный инструмент позволяет оценить человеческий капитал устойчивого развития территорий, через конкретных людей, команды экологических изменений, их идеи и компетенции. В качестве метода сбора информации о реализованных бережных инициативах стал опрос представителей некоммерческих организаций, блогерского сообщества и СМИ, а также социальных предпринимателей. Лидирующими направлениями в сфере инновационных экоориентированных практик стали экологическое образование и просвещение, раздельный сбор мусора, сохранение локальных природных экосистем.

Таким образом, гражданские инициативы в современном институциональном дизайне политики развития зеленой экономики играют важную, но противоречивую роль. Гражданские инициативы позволяют актуализировать локальную экологическую повестку, объединить сообщества для решения экологически важных проблем территорий, определить инновационные идеи и использовать инновационные технологии в их решении. Однако протестный потенциал экоориентированных сообществ нацелен на использование дискурса «экологических потерь», а не дискурса «экологических выгод», который более адекватен для целей политики развития зеленой экономики, основанной на использовании нематериальных, в том числе и экологических, ресурсах. Дискурс «экологических выгод», приобретаемых различными субъектами (гражданами, коммерческими структура, некоммерческими организациями, органами власти и др.) позволяет «перестроить» их деятельность на основе экопринципов,

интегрироваться в институты развития зеленой экономики и их совместную реализацию бережных инициатив.

Российская модель политики развития зеленой экономики формировалась с 2019 года на основе «запроса» со стороны политического руководства страны. Национальная модель политики развития зеленой экономики является гибридной, что определяется доминированием государства и структур гражданского общества (некоммерческие организации, экспертное сообщества и гражданские инициативы), ориентацией корпоративного бизнеса на нормативные рамки международного институционального режима, проникновением дискурса инклюзивности в получении выгод от уникального природного потенциала в политические практики Российской Федерации. Существенным промежуточным результатом формирования российской модели является создание и становление институциональных механизмов (нормативно-правовых, проектных, финансовых, информационно-коммуникативных), отражающих как основные мировые тренды, так и уникальную экономическую и политико-управленческую специфику Российской Федерации. В настоящее время перспективы дальнейшего продвижения политики развития зеленой экономики в нашей стране определяются несколькими обстоятельствами. С одной стороны, нормативно-правовая, институциональная, во многом инфраструктурная и информационная база для реализации политики уже создана. С другой стороны, в связи с внешнеполитической напряженностью, санкционным давлением и необходимостью срочного решения текущих социально-экономических задач существует некая неопределенность в масштабах, стимулах, форматах и планируемых темпах «зеленого» перехода.

В отличие от международного институционального режима, который определяет общие «правила игры» и приоритеты развития зеленой экономики, гражданские инициативы формируют специфику институциональных практик на локальном уровне, их субкультурные проекции, которые определяются экологической идентичностью местных сообществ, их ориентацией на сохранение

природных ресурсов территории, использовании экологических ресурсов в стратегиях развития муниципальных образований.

Гражданский энвайронментализм способствует формированию и развитию трех типов устойчивых сообществ, основанных на сетевых принципах взаимодействия: экологически дискурсивные сообщества, которые включаются в процесс сбора, анализа и распространения информации об экологических проблемах («о том, чтобы видеть «места» такими, какие они есть, а не такими, какими мы хотим их видеть.»); экологически проактивные сообщества, которые включаются в процедуры решения существующих проблем территории; экологически протестные сообщества, которые актуализируют повестку местных источников загрязнения, проблем вне фокуса правительственных решений или проблем недостоверной информации.

Характер гражданских инициатив в практике российской публичной политики определяет структуру их деятельности и модели включенности в процесс выработки и реализации решений в политике развития зеленой экономики, к числу которых можно отнести: модель «дефицита информации», модель «совещательных и инклюзивных процедур», модель «экологической протестной мобилизации граждан». Конструктивный потенциал гражданских экологических инициатив заключается в конвенциональных формах активности граждан в определении общественной экологической повестки, а также выработке способов решения экологических проблем и их практического воплощения посредством сотрудничества с другими субъектами политики развития зеленой экономики. Деструктивный потенциал гражданских инициатив заключается в формировании протестных движений на основе дискурса «экологических потерь», а не дискурса «экологических выгод», который более адекватен для целей политики развития зеленой экономики, основанной на использовании нематериальных, в том числе и экологических, ресурсов.

Российская модель политики развития зеленой экономики формировалась с 2019 года на основе «запроса» со стороны политического руководства страны. Национальная модель политики развития зеленой экономики является гибридной,

что определяется доминированием государства и структур гражданского общества (некоммерческие организации, экспертное сообщества и гражданские инициативы), ориентацией корпоративного бизнеса на нормативные рамки международного институционального режима, проникновением дискурса инклюзивности в получении выгод от уникального природного потенциала в политические практики РФ. Существенным промежуточным результатом формирования российской модели является создание и становление институциональных механизмов (нормативно-правовых, проектных, финансовых, информационно-коммуникативных), отражающих как основные мировые тренды, так и уникальную экономическую и политико-управленческую специфику Российской Федерации. В настоящее время перспективы дальнейшего продвижения политики развития зеленой экономики в нашей стране определяются несколькими обстоятельствами. С одной стороны, нормативно-правовая, институциональная, во многом инфраструктурная и информационная база для реализации политики уже создана. С другой стороны, в связи с внешнеполитической напряженностью, санкционным давлением и необходимостью срочного решения текущих социально-экономических задач существует некая неопределенность в масштабах, стимулах, форматах и планируемых темпах зеленого перехода.

В отличие от международного институционального режима, который определяет общие «правила игры» и приоритеты развития зеленой экономики, гражданские инициативы формируют специфику институциональных практик на локальном уровне, их субкультурные проекции, которые определяются экологической идентичностью местных сообществ, их ориентацией на сохранение природных ресурсов территории, использовании экологических ресурсов в стратегиях развития муниципальных образований.

Гражданский энвайронментализм способствует формированию и развитию трех типов устойчивых сообществ, основанных на сетевых принципах взаимодействия: экологически дискурсивные сообщества, которые включаются в процесс сбора, анализа и распространения информации об экологических

проблемах («о том, чтобы видеть «места» такими, какие они есть, а не такими, какими мы хотим их видеть»); экологически проактивные сообщества, которые включаются в процедуры решения существующих проблем территории; экологические протестные сообщества, которые актуализируют повестку местных источников загрязнения, проблем вне фокуса правительственных решений или проблем недостоверной информации.

Характер гражданских инициатив в практике российской публичной политики определяет структуру их деятельности и модели включенности в процесс выработки и реализации решений в политике развития зеленой экономики, к числу которых можно отнести: модель «дефицита информации», модель «совещательных и инклюзивных процедур», модель «экологической протестной мобилизации граждан». Конструктивный потенциал гражданских экологических инициатив заключается в конвенциональных формах активности граждан в определении общественной экологической повестки, а также выработке способов решения экологических проблем и их практического воплощения посредством сотрудничества с другими субъектами политики развития зеленой экономики. Деструктивный потенциал гражданских инициатив заключается в формировании протестных движений на основе дискурса «экологических потерь», а не дискурса «экологических выгод», который более адекватен для целей политики развития зеленой экономики, основанной на использовании нематериальных, в том числе и экологических, ресурсов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экологическая парадигма в междисциплинарном поле социально-политическим наук формировалась на протяжении XX – начала XXI века под воздействием глубоких экологических кризисов различного уровня. Исследовательский поиск объяснения причин экологических кризисов, а также способов их решений способствовали появлению разнообразных концепций и теорий, обосновывающих понимание об экологических ограничениях, последствиях и императивах социально-экономического развития современных государств. Теоретическим основанием для определения содержательных контуров глобальной зеленой повестки и стратегических приоритетов субъектов ее развития стала концепция устойчивого развития, которая предусматривает триединый подход к достижению социальных, экономических и экологических целей, закладывая их в приоритеты и показатели развития. Принципиальным отличием политики развития зеленой экономики от ее «материнской» концепции является рассмотрение экологических приоритетов в экономической и социальной сферах общества не только в качестве системы императивов, но комплекса «выигрышей», возможностей, которые обеспечивают результаты устойчивого развития.

По результатам научного осмысления современных концептуальных разработок данной проблематики, сложилось политологическое понимание политики развития зеленой экономики как направление публичной политики, в которой разнообразный круг государственных и негосударственных акторов в результате сетевого взаимодействия в многоуровневой системе публичного управления создают институциональные условия для повышения благосостояния и качества жизни населения, а также осуществления деятельности социально-экономических субъектов на основе социальных и экологических императивов.

Многоуровневый характер выработки и реализации политики развития зеленой экономики обуславливает институциональные изменения на уровнях

глобального управления и государственных политик национальных государств. При этом принципиальной особенностью успешной реализации политики развития зеленой экономики является дееспособность и интегрированность в различные сферы жизнедеятельности ее формальных институтов и невозможности их подмены неформальными практиками. Поэтому нормативное закрепление государственных приоритетов и создание условий для развития инфраструктуры для развития зеленой экономики должны сопровождаться более широкой политической и социально-культурной трансформацией общества.

Векторы политики развития зеленой экономики определяются международным институциональным режимом, в котором ведущую роль играют международные организации межправительственной и экспертно-научной направленности и практики «зеленого перехода» национальных государств. Процесс институционализации политики развития зеленой экономики на международном уровне происходит нелинейно и связан с рядом событий, создающими стимулы к формированию новых институциональных норм, институтов развития и соответствующих практик. На первых этапах формирования институционального режима зеленой экономики определяются содержательные ориентиры «зеленых» изменений; инициируются международные программы для создания финансовой, экспертной, общественной поддержки в реализации глобальных «зеленых» инициатив (2002–2008гг.), реализуются антикризисные действия международных организаций и национальных правительств по принятию «зеленых» стимулирующих пакетов мер для «зеленых» секторов (2008–2015гг.). Период 2015–2020гг. характеризуется диффузией и масштабированием «зеленых» институтов и практик, связанных с активизацией низкоуглеродной политической повестки. С 2020 года в результате глобальной рефлексии на ситуацию с пандемией COVID-19 и новыми геополитическими реалиями формируется глобальный курс «зеленого восстановления».

Сложившийся международный институциональный режим в отношении политики развития зеленой экономики и созданные межправительственными

структурами глобальные приоритеты, регуляторы и ресурсы для развития «зеленых практик», обусловили формирование национальных моделей политики развития зеленой экономики. В зависимости от национального контекста в различных странах складываются собственные модели политики развития зеленой экономики, которые отличаются многоуровневостью, межсекторальностью и полисубъектностью. Специфика моделей развития зеленой экономики складывается из структурных и процессуальных характеристик политики развития зеленой экономики. В зависимости от национального социально-экономического, социокультурного и политического контекста во многих странах актуализируется субъектная роль различных акторов (государства, бизнес-структур, некоммерческих организаций, политических партий, местных сообществ и гражданских инициатив). Институциональные механизмы (законодательные, структурно-организационные, финансово-налоговые, информационно-коммуникативные, информационно-аналитические и социально-просветительские) получают различное содержательное и практическое воплощение в институциональных моделях политики развития зеленой экономики в условиях национальных государств. Процессуальные характеристики политики развития зеленой экономики связаны с практикой и результатами включения субъектов на основе комплекса институциональных механизмов в процесс инициации, разработки, реализации и оценки решений на различных уровнях публичного управления политики развития зеленой экономики.

В рамках данного исследования были выбраны зарубежные страны, входящие в топ-5[1] крупнейших экономик мира[2] (США, Китай, Евросоюз), во многом являющиеся конкурентами в глобальной политике, демонстрирующие устойчивые/прогрессирующие результаты индикативных оценок «зеленого» развития по данным международных рейтингов, в частности, Global Green Economy Index за период 2005–2022 годов, но в то же время значительно

[1] Economy Rankings…
[2] Ibid.

отличающиеся как социо-культурными характеристиками, так и институциональными дизайнами реализуемых национальных моделей политики развития зеленой экономики.

Исследовательские кейсы позволили выделить несколько моделей политики развития зеленой экономики: «централизованная модель с государственным доминированием» (Китай), «децентрализованная модель с высокой степенью координации» (США), «сетевая многоакторная модель» (страны Евросоюза). Китай демонстрирует форсированное «зеленое» развитие как во внутренней, так и во внешней политике, благодаря закреплению жестких приоритетов и норм регулирования в сфере национального законодательства, которые способствовали интеграции экоориентированных государственных задач во все аспекты социального и экономического развития общества.

В США сложилась уникальная децентрализованная модель политики развития зеленой экономики с высокой степенью координации, в которой ведущую роль играют сетевые структуры, объединяющие: зеленые инициативы федеральных и региональных органов власти и их финансирование; научные разработки престижных университетов в области чистых технологий; венчурные «зеленые» проекты исследователей, предпринимателей и инвесторов, «зеленые» кампании экспертных сетей, продвигающие возобновляемые источники энергии и чистые технологии. Отличительной чертой данной модели является отраслевая специализация политики развития зеленой экономики, которая дифференцируется географически и сконцентрирована в пределах определенных штатов, но при этом охватывает весь спектр зеленых технологий на национальном уровне.

Практики европейских стран политики развития зеленой экономики объединены общим курсом Евросоюза и механизмами согласования политических решений, благодаря которым сложилась «сетевая многоакторная модель». Взаимодействие главных официальных структур Евросоюза, таких как Европейский парламент, Европейская Комиссия, Совет министров Европейского Союза, Агентство по защите окружающей среды определяет вектор и перспективы разрабатываемых и реализуемых политических мер в области

«зеленого» развития, которые концентрируются на климатической повестке. В политику развития зеленой экономики Евросоюза активно вовлечен крупный европейский бизнес, а также транснациональные корпорации, которые ориентированы на реализацию бизнес-стратегий в области устойчивого развития, ESG-трансформацию и интеграцию социальных, экономических и экологических целей.

Кейс российской политики развития зеленой экономики, которая находится в стадии формирования, демонстрирует гибридную модель, в которых одновременно существует две тенденции, связанные с различными уровнями публичного управления. Первая тенденция определяется запросом государства на «зеленые» инновации, которые будут способствовать уходу российской экономики от экспортно-сырьевой политики развития. Политическое руководство страны формирует дискурс инклюзивности в получении экологических выгод от уникального природного потенциала и способствует развитию нормативно-правовых, проектных, финансовых, информационно-коммуникативных институциональных механизмов политики развития зеленой экономики, отражающих как основные мировые тренды, так и уникальную экономическую и политико-управленческую специфику Российской Федерации.

Вторая тенденция российской политики развития зеленой экономики формируется на уровне локальных практик гражданских инициатив и связана с экологической идентичностью местных сообществ, их ориентацией на сохранение природных ресурсов территории, использовании экологических ресурсов в стратегиях развития муниципальных образований. Конструктивный потенциал гражданских экологических инициатив заключается в конвенциональных формах активности граждан в определении общественной экологической повестки, а также выработке способов решения экологических проблем и их практического воплощения посредством сотрудничества с другими субъектами политики развития зеленой экономики. Деструктивный потенциал гражданских инициатив заключается в формировании протестных движений на основе дискурса «экологических потерь», а не дискурса «экологических выгод», который более

адекватен для целей политики развития зеленой экономики, основанной на использовании нематериальных, в том числе и экологических ресурсах.

В современных российских условиях два обозначенных тренда существуют относительно автономно, что определяется, с одной стороны, «неукоренностью» вновь созданных институтов политики развития зеленой экономики в национальной институциональной среде, а также фрагментарностью экологического сознания населения и экологического образования в стране, несформированностью экологически-ориентированного поведения граждан и «зеленых» компетенций у представителей различных отраслей экономики и сфер социального управления.

Для интеграции параллельных процессов политики развития зеленой экономики в условиях РФ:

– ее субъектам необходимо выстраивать информационно-коммуникативных стратегии, включающие также технологии экологического образования, на основе дискурса «экологических выгод», а не «экологических угроз»;

– органам власти федерального и регионального уровней более масштабно проектировать и внедрять механизмы межсекторного партнерства в решении стратегических задач политики развития зеленой экономики, в том числе на уровне субъектов РФ и муниципальных образований;

– органам власти регионального и муниципальных уровней интегрировать ресурсный потенциал гражданских экологических инициатив в проекты развития территорий.

Глобальные и национальные перспективы политики развития зеленой экономики связаны, как внутренними государственными ориентирами современных стран, конфигурацией доминирующих субъектов и их видения «зеленого» курса, так и комплексом глобальных вызовов, трансформирующих систему «зеленых» приоритетов и процессы согласования национальных интересов на международном уровне.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. 15 экологических инициатив, в которых может поучаствовать каждый // Платформа VC.RU. 25 Ноября 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vc.ru/mos.ecology/180510-15-ekologicheskih-iniciativ-v-kotoryh-mozhet-pouchastvovat-kazhdyy

2. Аксенова, О. В. Возникновение экомодернизационных тенденций в России в 1990-е годы / О. В. Аксенова // Россия реформирующаяся. – 2002. – № 2. – С. 66–90.

3. Аксенова, О. В. Генезис социально-экологической рефлексии на Западе во второй половине XX века / О. В. Аксенова // Социологические исследования. – 2004. – № 9 (245). – С. 68–76.

4. Аносова, Л. А. Финансирование устойчивого развития: глобальный подход и национальные решения / Л. А. Аносова, Л. С. Кабир // Экономика и управление. – 2019. – № 11(169). – С. 20–32. DOI 10.35854/1998-1627-2019-11-20-32

5. Бабенко, М. В. Зеленая экономика. Определения и понятия / М. В. Бабенко, С. И. Бик, А. И. Постнова. – М.: Всемирный фонд дикой природы (WWF), 2018.

6. Батанина, И. А. Экологическая повестка в российском сегменте социальных медиа: результаты анализа больших / И. А. Батанина, Е. В. Бродовская, А. Ю. Домбровская, Р. В. Парма // Известия ТулГУ. Науки о Земле. – 2021. Вып. 2. – С. 409–428.

7. Башмаков, И. А. Сравнение мер российской политики повышения энергоэффективности с мерами, принятыми в развитых странах / И. А. Башмаков, В. И. Башмаков // Промышленная энергетика. – 2012. – № 11. – С. 2–11.

8. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.

9. Бобылев, С. Н. Модернизация экономики и устойчивое развитие / С. Н. Бобылев, В. М. Захаров. – М.: Экономика, 2011.

10. Будущее, которого мы хотим. (Из Итогового документа Конференции ООН по устойчивому развитию «Рио+20») // Бюллетень Института устойчивого развития Общественной палаты РФ «На пути к устойчивому развитию России». – 2012. – № 61 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ecopolicy.ru/upload/File/Bulletins/B_61.pdf

11. Букчин, М. Реконструкция общества: на пути к зеленому будущему / М. Букчин. – Нижний Новгород: Третий Путь, 1996.

12. Вертакова, Ю. В. Зеленая экономика и устойчивое развитие: на пути к «экологизации» государственной социально-экономической политики в условиях институциональной трансформации / Ю. В. Вертакова, А. В. Евченко, Д. Б. Щербаков // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2020. – Т. 10, № 5. – С. 24–36.

13. Власти расторгли договор с подрядчиком мусорного полигона в Шиесе // РБК. 9 Июня 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/society/09/06/2020/5edf8c709a7947205e2415ee

14. Восстание против свалки. Как северяне противостоят строительству полигона для московских отходов на станции Шиес и кто стоит за многомиллиардным проектом // Сетевое издание NewsVo (НьюсВО). 30 Января 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://newsvo.ru/press/118431

15. Вызовы углеродного регулирования: Энергетический бюллетень Вып. 94. Март 2021 // Аналитический Центр при Правительстве Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/energo/2021/%D0%B1%D1%8E%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%8C_%E2%84%96_94.pdf

16. Гасанов, М. А. Российская практика перехода к «зеленой экономике» / М. А. Гасанов, М. С. Егорова, П. А. Глик // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4. С. 439 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22285768_50793282.pdf

17. Глобальная экологическая перспектива: Резюме для политиков. Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) // ЮНЕП [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unep.org/geo/pdfs/GEO-5_SPM_Russian.pdf

18. «Глобальный зеленый новый курс» Экологически-ориентированные инвестиции как историческая возможность обеспечения процветания и занятости в XXI веке // ЮНЕПКОМ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unepcom.ru/unep/gei/214-green-course.html

19. Григорян, М. Чем окончились протесты против мусорного полигона на Шиесе. Тихой победой – спустя два года безнадёжной борьбы / М. Григорян // Medialeaks. 09 Июня 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://medialeaks.ru/news/0906mmg-shies-win/

20. Гуриев, С. М. Экономический механизм сырьевой модели развития / С. М. Гуриев, А. С. Плеханов, К. И. Сонин // Вопросы экономики. – 2010. – № 3. – С. 4–23.

21. Гусев, А. А. Переход к политике "зеленого" роста экономики / А. А. Гусев // Экономическая наука современной России. – 2016. – № 2 (73). – С. 27–35.

22. Давыдова, С. И. Сетевая организация экологических движений России и Европы / С. И. Давыдова, О. А. Усачева // Социологические исследования. – 2009. – № 11. – С. 56–64.

23. Дегтярев, А. А. Методологические подходы и концептуальные модели в интерпретации политических решений (III) / А. А. Дегтярев // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 3. – С. 157–161.

24. Декальчук, А. А. Эволюция понятия «Внешний шок» в различных традициях изучения политического курса / А. А. Декальчук // ПОЛИТЭКС. – 2014. – Т. 10, № 1. – С. 208–226.

25. Декларация Инициативы «Зеленый Шелковый путь» // Green Silk Road Network. 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://greensilkroad.net/pdf/GreenSilkRoad_ru.pdf

26. Доклад ESG и зеленые финансы России 2018–2022 // Экспертно-аналитическая платформа «Инфраструктура и финансы устойчивого развития» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://esg-consulting.ru/wp-content/uploads/2022/03/infragreen_green_finance_esg_in_russia_2018-2022.pdf

27. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2016 год / под ред. С. Н. Бобылева, Л. М. Григорьева. – М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2016.

28. Долженкова, М. И. Гражданское воспитание молодежи средствами экологических и культурозащитных инициатив / М. И. Долженкова, О. Г. Прохорова // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 24, № 182. – С. 88–97.

29. Егорова, М. С. Государственная политика в области становления «Зеленой экономики» в России / М. С. Егорова, П. А. Глик // Вестник евразийской науки. – 2014. – № 3(22) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://naukovedenie.ru/PDF/31EVN314.pdf (дата обращения: 15.06.2022).

30. Егорова, М. С. Технологические изменения в условиях современности: качественные изменения и формы / М. С. Егорова // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 2. – С. 407 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21471404_24772164.pdf

31. Ермолов, Н. Г. Тенденции развития экологической политики в современном мире / Н. Г. Ермолов, М. В. Терёшина, Е. В. Морозова // Политематический сетевой научный электронный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2014. – № 9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ej.kubagro.ru/archive.asp?n=100

32. «Зеленая коалиция» опубликовала манифест и требования по сохранению зеленых зон Петербурга и области // Курьер Медиа. 1 Февраля 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courier-media.com/articles/zelenaya_koalitsiya_opublikovala_manifest_i_trebovaniya_po_sohraneniyu_zelenyh_zon_peterburga_i_oblasti-108496.html

33. Зеленая экономика и международная торговля: на пути к устойчивому развитию / отв. ред. А. И. Конторин // Росконгресс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://roscongress.org/upload/medialibrary/dcc/aikontorin_green_economy_and_international_trade_on_the_path_to_sustainable_development.pdf

34. Зелёная экономика и цели устойчивого развития для России: коллективная монография / под науч. ред. С. Н. Бобылёва, П. А. Кирюшина, О. В. Кудрявцевой. – М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2019.

35. Зеленая экономика: управление развитием. Стратегия и тактика / С. А. Липина, Е. В. Кудряшова, Е. В. Агапова [и др.]; под общ. ред. С. А. Липиной, Е. В. Кудряшовой. – Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, 2022.

36. «Зеленая» экономика // ООН. Департамент по экономическим и социальным вопросам. Устойчивое развитие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sdgs.un.org/ru/topics/green-economy

37. Зуйкова, А. Экомониторинг: как работают новейшие технологии для сохранения природы / А. Зуйкова // РБК. 30 Июля 2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://trends.rbc.ru/trends/industry/cmrm/6103afce9a79476310f6ad4b

38. Инструментарий для реализации политических опций поддержки зеленого роста // Рабочая группа по развитию (G20). Июль 2013 г [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hse.ru/data/2013/10/06/1280788678/7F.pdf

39. Иншаков, И. А. Институт общественных экологических инспекторов в России: оценка результатов внедрения / И. А. Иншаков, Е. А. Колеснева, В. А. Корсун. – М.: ЦПУР, 2021.

40. Итоговый документ Конференции ООН по устойчивому развитию Рио+20 «Будущее, которого мы хотим» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rio20.un.org/sites/rio20.un.org/files/a-conf.21

41. Кабир, Л. С. Государственная поддержка «зеленых» инвестиций и рыночное «зеленое» финансирование: зарубежный опыт / Л. С. Кабир // Инноватика и экспертиза: научные труды. – 2019. – № 1(26). – С. 97–108.

42. Кавешников, Н. Методы управления в Европейском Союзе / Н. Кавешников // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 8. – С. 49–60.

43. Как обычным людям спасти природу: топ-7 гражданских экоинициатив в России // Экосфера. 3 Января 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ecosphere.press/2022/01/03/kak-obychnym-lyudyam-spasti-prirodu-top-7-grazhdanskih-eko-inicziativ-v-rossii/

44. Кашин, В. Б. Китайские эксперты о новом пятилетнем плане КИТАЙ. 2021 / В. Б. Кашин, А. С. Пятачкова, В. А. Смирнова, А. А. Литвинов, Н. А. Поташев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cceis.hse.ru/data/2021/03/29/1386510407/14-%D1%8F%20%D0%BF%D1%8F%D1%82%D0%B8%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%BA%D0%B0.pdf

45. Кирюшин, П. «Зелёная экономика»: возможности и ограничения для российского бизнеса / П. Кирюшин // Записки Ифри. Russie. Nei.Visions. – 2014. – № 79 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri_rnv_79_kiriouchine_economie_verte_rus_aout_2014_0.pdf

46. Климатическая повестка России: реагируя на международные вызовы / Фонд «ЦСР»; Аналитический центр ТЭК РЭА; Минэнерго России; ООО «Ситуационный центр» – Режим доступа: https://www.csr.ru/upload/iblock/8f3/8f34a0e7c6cc6b8af39986ae8e71f3ad.pdf

47. Ковалев, Ю. Ю. Переосмысление социального развития в антропоцене: экономический рост и экологическая трансформация Китая / Ю. Ю. Ковалев, А. В. Степанов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. – 2018. – Т. 13, № 2(176). – С. 121–135.

48. Ковалев, Ю. Ю. Политика устойчивого развития ЕС: становление, акторы, перспективы / Ю. Ю. Ковалев // История и современное мировоззрение. – 2020. – Т. 2, № 1. – С. 82–91.

49. Косов, Г. В. Экополитология. Политология в контексте экологических проблем / Г. В. Косов, Ю. А. Харламова, С. А. Нефедов. – М.: А-Приор, 2006.

50. Коуз, Р. Фирма, рынок и право / Р. Коуз. – М.: Новое издательство, 2007.

51. Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 122–139.

52. Курбанов, Э. А. Проблемы климата и экологии во взаимодействии Европейского Союза и России: перспективы научно-образовательного сотрудничества / Э. А. Курбанов, А. Е. Фоминых // «Запад-Восток». Научно-практический ежегодник. – 2019. – № 12. – С. 175–188. DOI: 10.30914/2227-6874-2019-12-175-187

53. Курс на зеленый рост / Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). – Париж: ОЭСР, 2011.

54. Липина, С. А. Зеленая экономика. Глобальное развитие / С. А. Липина, Е. В. Агапова, А. В. Липина. – М.: Издательство Проспект, 2016.

55. Липина, С. А. Развитие зеленой экономики в России: Возможности и перспективы / С. А. Липина, Е. В. Агапова, А. В. Липина. – М.: URSS, 2018.

56. Медоуз Донелла Х., Медоуз Деннис Л., Рэндерс Й., Беренс В. Пределы роста: пер. с англ. / Х. Медоуз Донелла, Л. Медоуз Деннис, Й. Рэндерс. – М.: Изд-во МГУ, 1991.

57. Медоуз Донелла, Х. Пределы роста. 30 лет спустя: пер. с англ. / Х. Медоуз Донелла, Л. Медоуз Деннис, Й. Рэндерс. – М.: Академкнига, 2007.

58. Мир, достоинство и равенство на здоровой планете // ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_wssd.shtml

59. Мирошниченко, И. В. Сетевые сообщества как субъекты формирования городской повестки дня (на примере движения «Помоги городу») / И. В. Мирошниченко, Е. В. Морозова // ПОЛИТЭКС. – 2021. – Т. 17, № 2. – С. 135–149.

60. Мнения Центрального комитета Коммунистической партии Китая и Государственного совета об ускорении строительства экологической цивилизации

/ Информационное агентство Синьхуа, Пекин, 5 мая. (На японск.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/politics/2015-05/05/c_1115187518.htm

61. Морозова, Е. В. Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности / Е. В. Морозова, И. В. Мирошниченко, И. С. Семененко // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 3. – С. 56–77.

62. Мосбиржа открыла первую в России платформу для «зеленых» облигаций // РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://trends.rbc.ru/trends/green/5d6422b19a7947efa673ac48

63. Мухаметшина, Е. Половина россиян считает, что экологическая ситуация в России за последние годы ухудшилась. Треть граждан готова выйти на протесты из-за экологии / Е. Мухаметшина // Ведомости. 30 Ноября 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/11/29/848723-polovina-rossiyan

64. Навстречу «зеленой» экономике России (обзор) / Институт устойчивого развития Общественной палаты Российской Федерации; Центр экологической политики России. 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sustainabledevelopment.ru/upload/File/Reports/ISD_UNEP_GE_Rus.pdf

65. Навстречу «зеленой» экономике: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности: обобщенный доклад для представителей властных структур // ЮНЕП [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://old.ecocongress.info/5_congr/docs/doklad.pdf

66. Нацпроект «Экология» приблизят к народу и продолжат развитие его федеральных составляющих // Ведомости. 24 марта. 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/ecology/national_projects/articles/2022/03/24/915083-natsproekt-ekologiya-priblizyat-k-narodu

67. О Климатической доктрине Российской Федерации: Распоряжение Президента Российской Федерации № 861-рп от 17 декабря 2009 г. //

Правительство России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://government.ru/docs/all/70631/

68. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 08.08.2009) (вместе с "Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года") // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/

69. О координирующей роли Минэкономразвития России по вопросам развития инвестиционной деятельности и привлечения внебюджетных средств в проекты устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации: Распоряжение Правительства Российской Федерации № 3024-р от 18 ноября 2020 г. // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_205300/

70. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ № 204 от 7 мая 2018 г. // Президент России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kremlin.ru/acts/bank/43027

71. О подготовке долгосрочных целевых инвестиционных программ обращения с твердыми бытовыми и промышленными отходами в субъектах Российской Федерации: Поручение Президента РФ № Пр-781 от 29 марта 2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://altairegion22.ru/upload/iblock/944/603_11.pdf

72. О сокращении выбросов парниковых газов: Распоряжение Правительства РФ № 504-р от 2 апреля 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm

73. О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента Российской Федерации № 176 от 19 апреля 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://government.ru/docs/all/111285/

74. Об ограничении выбросов парниковых газов: Федеральный закон № 296-ФЗ от 02 июля 2021 г. // Президент России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47013

75. Об утверждении комплексной стратегии обращения с твердыми коммунальными (бытовыми) отходами в РФ: Приказ Министерства природных ресурсов и экологии РФ № 298 от 14 августа 2013 г. // Гарант [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70345114/

76. Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации № 1587 от 21 сентября 2021 г. // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_390943/

77. Об утверждении Федеральной научно-технической программы в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений на 2021–2030 годы: Постановление Правительства Российской Федерации от 8 февраля 2022 г. № 133 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://static.government.ru/media/files/Ekv7TcPAJBv4n3oUn6ofUdAR5cu5W1PM.pdf

78. Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации: Распоряжение Правительства РФ № 1912-р от 14 июля 2021 г. // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_390943/

79. Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 261-ФЗ от 23 ноября 2009 г. (последняя редакция) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93978/

80. Опрос: большинство россиян не осведомлены в вопросах «зеленой» экономики // ТАСС. 15 ноября 2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/ekonomika/12920915

81. Орхусская Конвенция / Европейская Экономическая Комиссия // Sustainable Development [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://unece.org/fileadmin/DAM/env/pp/implementation%20guide/russian/aigr.pdf

82. Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года. Утв. Президентом Российской Федерации 30 апреля 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/902369004

83. Паспорт Национального проекта «Экология» // Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации – Режим доступа: https://www.mnr.gov.ru/activity/directions/natsionalnyy_proekt_ekologiya/

84. Патнэм, Р. Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии: пер. с англ. / Р. Патнэм. – М.: Изд. фирма «Ad Margine», 1996.

85. Пахомова, Н. В. Стратегия устойчивого развития и переход к зеленой экономике: обновление приоритетов и механизмов / Н. В. Пахомова, К. К. Рихтер, Г. Б. Малышков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2013. – № 4. – С. 35–54.

86. Пахомова, Н. В. Структурные преобразования в условиях формирования зеленой экономики: вызовы для Российского государства и бизнеса / Н. В. Пахомова, К. К. Рихтер, Г. Б. Малышков // Проблемы современной экономики. – 2012. – № 3 (42). – С. 7–15.

87. Поворот к природе: новая экологическая политика России в условиях «зеленой» трансформации мировой экономики и политики: доклад по итогам серии ситуационных анализов / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет мировой экономики и мировой политики. – М.: Международные отношения, 2021.

88. Помочь науке, не выходя из дома: проекты Citizen science, доступные для всех // ITMO.NEWS. 15 Апреля 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://news.itmo.ru/ru/university_live/leisure/news/9341/

89. Попова, О. В. Политические аспекты «Ресурсного проклятия» / О. В. Попова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. – 2015. – № 2. – С. 26–38.

90. Порфирьев, Б. Н. О «зеленом» векторе стратегии социально экономического развития России / Б. Н. Порфирьев // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2021. – Т. 227, № 1. – С. 128–136. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-227-1-128-136.

91. Рейтинг открытости регионов России к «Зелёному курсу». Составлен на основе официальных ответов органов власти субъектов РФ // Greenpeace [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://greenpeace.ru/wp-content/uploads/2021/08/Reiting_regionov.pdf

92. Ровинская, Т. Л. «Зеленые» в политическом поле Западной Европы / Т. Л. Ровинская // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63, № 3. – С. 40–48.

93. Ровинская, Т. Л. Экологический ракурс пандемии COVID-19: новый шанс для «зеленой» экономики / Т. Л. Ровинская // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65, № 12. – С. 128–140.

94. Саворская, Е. В. Оттенки зеленого: энвайронментализм в контексте классических идеологических течений / Е. В. Саворская // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 6. – С. 103–115.

95. Саворская, Е. В. Политические сети в многоуровневом управлении Е.С. / Е. В. Саворская // Международные отношения // Политология. Регионоведение Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 4(1). – С. 368–373.

96. Саворская, Е. В. Политические сети как объект теоретического анализа проблем глобального управления / Е. В. Саворская // Вестник Московского университета. Сер.: 25. Международные отношения и мировая политика. – 2013. – № 3. – С. 27–48.

97. Саворская, Е. В. Энвайронментализм и экологическая идентичность / Е. В. Саворская // Идентичность: Личность. Общество. Политика.

Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. ИМЭМО РАН. – М.: Издательство «Весь мир», 2017.

98. Селищева, Т. А. «Зеленая» экономика как модель устойчивого развития стран ЕАЭС / Т. А. Селищева // Евразийская экономическая перспектива: проблемы и решения. – 2018. – № 3. – С. 6–12.

99. Семененко, И. С. Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению / И. С. Семененко // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 3. – С. 7–26. DOI: 10.17976/jpps/2019.03.02

100. Семененко, И. С. Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации / И. С. Семененко, В. В. Лапкин, В. И. Пантин // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 5. – С. 56–77. DOI: 10.17976/jpps/2021.05.05

101. Сидди, М. «Зеленая революция»? Предварительная оценка «Зеленой сделки» ЕС / М. Сидди // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2021. – № 3. – С. 85–107. DOI: 10.17323/1996-7845-2021-03-04

102. Сидоров, А. А. Национальный проект «Экология»: Планы и промежуточный ход реализации / А. А. Сидоров, Г. Э. Кудинова, Г. С. Розенберг, А. Г. Розенберг // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2020. – Т. 9, № 3(32). – С. 219–224.

103. Сироткина, Н. Г. Инструменты экологической политики в сфере государственных закупок / Н. Г. Сироткина // Стандарты и качество. – 2019. – № 1. – С. 80–85.

104. Снежко, М. А. Торговля и торговая политика как движущие силы в зеленой экономике. Зеленый протекционизм / М. А. Снежко // Modern Science. – 2021. – № 6-2. – С. 107–109.

105. Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года. Утв. распоряжением Правительства Российской Федерации № 3052-р от 29 октября 2021 г.

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://static.government.ru/media/files/ADKkCzp3fWO32e2yA0BhtIpyzWfHaiUa.pdf

106. Стратегия-2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://2020strategy.ru/

107. Стрежнева, М. В. Структурирование политического пространства в Европейском союзе (многоуровневое управление) / М. В. Стрежнева // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – № 12. – С. 38–49.

108. Тарасова, Н. П. Индексы и индикаторы устойчивого развития / Н. П. Тарасова, Е. Б. Кручина // Устойчивое развитие: ресурсы России / под общ. ред. Н. П. Лаверова. – М.: Издательский центр РХТУ им. Д.И. Менделеева, 2004.

109. Терёшина, М. В. Политико-управленческие барьеры «Зеленого» роста в Российской Федерации / М. В. Терёшина, М. В. Онищенко // Человек. Сообщество. Управление. – 2015. – Т. 16, № 3. – С. 50–74.

110. Торговля и зелёная экономика: руководство. Третье издание / Программа ООН по окружающей среде. Департамент экономики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/14873/trade_GE_handbook_RU.pdf?sequence=9&isAllowed=y

111. Утверждены основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года // Президент России. 30 апреля 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/15177

112. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ, 2008.

113. Халил, М. Р. А. Приоритеты государственной политики регулирования устойчивого развития и стимулирования зеленой экономики / М. Р. А. Халил // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2020. – № 1(121). – С. 176–182.

114. Хартия Всемирных зеленых [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russian-greens.ru/sites/default/files/filepicker/781/hartiya_vsemirnyh_zelenyh.pdf

115. Хафизова, К. Н. Гражданские инициативы: роль и значимость в экологической политике РФ / К. Н. Хафизова // Вестник Казанского технологического университета. – 2006. – № 3. – С. 202–208.

116. Центр энергоэффективности Министерства образования и науки РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://energoeducation.ru/

117. Шихан Куштау получил охранный статус Башкирии // РБК. 2 Сентября 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ufa.rbc.ru/ufa/02/09/2020/5f4f79bb9a7947e915d9f4df

118. Шмидхейни, С. Смена курса: пер. с англ. / С. Шмидхейни. – М.: Международный университет, 1994.

119. Экологи одиннадцати стран выступили за «озеленение» Шелкового пути // ЭкоДело. 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ecodelo.org/v_mire/42653-ekologi_odinadcati_stran_vystupili_za_ozelenenie_shelkovogo_puti

120. Якимец, В. Н. Экологические организации России: состояние и проблемы развития / В. Н. Якимец. – М.: ИСАР, 1998.

121. Яницкий, О. Н. Массовая мобилизация: проблемы теории / О. Н. Яницкий // Социологические исследования. – 2012. – № 6. – С. 3–12.

122. Яницкий, О. Н. Экологическая политика как сетевой процесс / О. Н. Яницкий // Полис. Политические исследования. – 2002. – № 2. – С. 44–57.

123. Яницкий, О. Н. Экологическое движение в «переходном» обществе: проблемы теории / О. Н. Яницкий // СОЦИС. – 1998. – № 10. – С. 22–33.

124. A European Green Deal. Striving to Be the First Climate-Neutral Continent // The European Commission [Electronic resource]. – Accessed: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en

125. A Guidebook to the Green Economy. Issue 4: A Guide to International Green Economy Initiatives / United Nations Department of Economic and Social Affairs (UNDESA). 2013. June. // Sustainable Development [Electronic resource]. – Accessed: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/916geguidebook4.pdf

126. Aall, C. The Scope of Action for Local Climate Policy: The Case of Norway / C. Aall, G. Kyrre, G. Lindseth // Global Environmental Politics. – 2007. – Vol. 7, No. 2. – P. 83–101.

127. Abaza, H. Green Economy in Action / H. Abaza // Articles and Excerpts that Illustrate Green Economy and Sustainable Development Efforts. United Nations Development Program. August 2012 [Electronic resource]. – Accessed: https://www.un.org/waterforlifedecade/pdf/green_economy_in_action_eng.pdf

128. Adoption of the Paris Agreement [Electronic resource]. – Accessed: https://unfccc.int/files/essential_background/convention/application/pdf/english_paris_agreement.pdf

129. Agyeman, J. The Role of Civic Environmentalism in the Pursuit of Sustainable Communities / J. Agyeman, B. Angus // Journal of Environmental Planning and Management. – 2003. – No. 46(3). – P. 345–363.

130. Arnouts, R. Analysing Governance Modes and Shifts – Governance Arrangements in Dutch Nature Policy / R. Arnouts, M. Van der Zouwen, B. Arts // Forest Policy and Economics. – 2012. – Vol. 16. – P. 43–50.

131. Ashraf, N. The Integration of Climate Change and Circular Economy in Foreign Policies. Discussion Paper no. 274 / N. Ashraf, H. Knaepen, J. Van Seters, J. Mackie // European Centre for Development Policy Management (ECDPM). 2020. [Electronic resource]. – Accessed: https://ecdpm.org/publications/integration-climate-change-circular-economy-foreignpolicies/

132. Auty, R. Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis / R. Auty. – London: Routledge, 1993.

133. Bache, I. Multi-Level Governance and British Politics / I. Bache, M. Flinders // Multi-Level Governance / ed. by I. Bache, M. Flinders. – Oxford: Oxford University Press, 2004.

134. Ban, Ki-moon. Green Growth Is Essential to Any Stimulus / Ki-moon Ban, A. Gore // The Financial Times. 16 February. 2009. [Electronic resource]. – Accessed: http://www.ft.com/cms/s/0/0fa98852-fc45-11dd-aed8-000077b07658.html

135. Barbier, E. B. A New Blueprint for a Green Economy (1st ed.) / E. B. Barbier, A. Markandya – London: Routledge, 2012.

136. Barbier, E. B. The Green Economy Post Rio+20 / E. B. Barbier // Science. – 2012. – No. 338. – P. 887–888.

137. Barreau, B. La Chine dans le processus de Copenhague: la difficile inclusion d'un grand emergent / B. Barreau, J. Buba // Politique climatique: une nouvelle architecture internationale / ed. par J. Tirole. – Paris: Centre d'analyse stratégique, 2009.

138. Basiago, A. D. Economic, Social and Environmental Sustainability in Development Theory and Urban Planning Practice / A. D. Basiago // The Environmentalist. – 1999. – Vol. 19, No. 2. – P. 145–161. DOI: 10.1023/A:1006697118620

139. Beck, U. Ecological Enlightenment: Essays on the Politics of the Risk Society / U. Beck. – New Jersey: Humanities Press, 1995.

140. Beck, U. Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order / U. Beck, A. Giddens, S. Lash. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1994.

141. Beck, U. Risk Society. Toward a New Modernity / U. Beck. – London: SAGE, 1992.

142. Berkhout, F. Technological Regimes, Path Dependency and The Environment / F. Berkhout // Global Environmental Change. – 2002. – Vol. 12, No. 1. – P. 1–4.

143. Bernstein, S. Global Environmental Norms / S. Bernstein // Handbook of Global Climate and Environmental Policy / ed. by R. Falkner. – Oxford: Wiley Blackwell. CrossRefGoogle Scholar, 2013.

144. Bernstein, S. Rio+20: Sustainable Development in A Time of Multilateral Decline / S. Bernstein // Global Environmental Politics. – 2013. – No. 13. – P. 12–21.

145. Bertolotti, M. Going Green, but Staying in the Black: How Framing Impacts the Agreement with Messages on the Economic Consequences of Environmental

Policies / M. Bertolotti, P. Catellani // Frontiers in Psychology. – 2021. – Vol. 12. DOI:10.3389/fpsyg.2021.624001

146. Better Business, Better World / Business and Sustainable Development Commission. 2017 [Electronic resource]. – Accessed: http://report.businesscommission.org/uploads/BetterBiz-BetterWorld.pdf

147. Bezdek, R. H. The USA New Green Deal Will Create Over 18 Million Jobs / R. H. Bezdek // Journal of Environmental Science and Renewable Resources. – 2020. – Vol. 2, No. 1. – P. 107.

148. Bina, O. The Green Economy and Sustainable Development: An Uneasy Balance? / Bina O. // Environment and Planning C: Government and Policy. – 2013. – Vol. 31, No. 6. – P. 1023–1047. DOI:10.1068/c1310j

149. Bomb, C. Biofuels for Transport in Europe: Lessons from Germany and the UK / C. Bomb, K. McCormick, E. Deurwaarder, T. Kåberger // Energy Policy. – 2007. – Vol. 35, No. 4. – P. 2256–2267.

150. Bonney, R. The Theory and Practice of Citizen Science: Launching a New Journal / R. Bonney, C. B. Cooper, H. Ballard // Citizen Science: Theory and Practice. – 2016. – Vol. 1, No. 1. – P. 1. DOI: http://doi.org/10.5334/cstp.65.

151. Bowen, A. The Green Growth Narrative: Paradigm Shift or Just Spin? / A. Bowen, S. Fankhauser // Global Environmental Change. – 2011. – Vol. 21, No. 4. – P. 1157–1159.

152. Brehm, J. M. Environmental Concern: Examining the Role of Place Meaning and Place Attachment / Brehm, J. M., Eisenhauer, B. W., Stedman, R. C. // Society & Natural Resources. – 2013. – Vol. 26, No. 5. – P. 522–538.

153. Building an Inclusive Green Economy for All / Poverty Environment Partnership. June 2012 [Electronic resource]. – Accessed: https://www.wbcsd.org/contentwbc/download/2895/36330/1

154. Cantrill, J. G. On Seeing “Places” for What They Are, and Not What We Want Them to Be / J. G. Cantrill // Environmental Communication. – 2016. – No. 10(4), – P. 525–538.

155. Carter, N. The Politics of the Environment: Ideas, Activism, Policy (3rd ed.) / N. Carter. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. DOI:10.1017/9781108642163

156. Cato, M. S. Green Economics: An Introduction to Theory, Policy and Practice / M.S. Cato. – London: Earthscan, 2009.

157. Christiansen, A. C. Managing Environmental Innovation in The Energy Sector: The Case of Photovoltaic and Wave Power Development in Norway / A. C. Christiansen, J. Buen // International Journal of Innovation Management. – 2002. – Vol. 6, No. 3. – P. 233–256.

158. Cleantech Open [Electronic resource]. – Accessed: https://www.cleantechopen.org/

159. Clémençon, R. Welcome to the Anthropocene: Rio+20 and the Meaning of Sustainable Development / R. Clémençon // The Journal of Environment & Development. – 2012. – No. 21. – P. 311–338.

160. Climate Bonds Initiative [Electronic resource]. – Accessed: https://www.climatebonds.net/

161. Corburn, J. Bringing Local Knowledge into Environmental Decision Making. Improving Urban Planning for Communities at Risk / J. Corburn // Journal of Planning Education and Research. – 2003. – Vol. 22. – P. 420–433.

162. Cordonier Segger, M.-C. Sustainability and Corporate Accountability Regimes: Implementing the Johannesburg Summit Agenda / M.-C. Cordonier Segger // Review of European Community & International Environmental Law. – 2003. – No. 12. – P. 295–309.

163. Cortes Conde, R. Export-Led Growth in Latin America 1870–1930 / R. Cortes Conde // Journal of Latin American Studies. – 1992. – Vol. 24, Suppl. S1. – P. 163–179. DOI: https://doi.org/10.1017/S0022216X00023828

164. Costanza, R. Building a Sustainable and Desirable Economy-in-Society-in-Nature/ R. Costanza, G. Alperovitz, H. Daly, J. Farley, C. Franco, T. Jackson, I. Kubiszewski, J. Schor, P. Victor. – New York: United Nations Division for Sustainable Development, 2013.

165. Costanza, R. Ecological Economics: The Science and Management of Sustainability / Costanza R. – New York: Columbia University Press, 1991.

166. Costanza, R. Les Petits Matins. Vivement 2050! Programme pour une économie soutenable et desirable / R. Costanza, G. Alperovitz, H. Daly, J. Farley, C. Franco, T. Jackson, I. Kubiszewski, J. Schor, P. Victor. – Paris: Institut Veblen, 2013.

167. Cowan, R. Escaping Lock-In: The Case of the Electric Vehicle / R. Cowan, S. Hultén // Technological Forecasting and Social Change. – 1996. – Vol. 53, No. 1. – P. 61–79.

168. Czapla, E. Biden's Day One – Evaluating Biden's Climate Proposals / E. Czapla // The American Action Forum. 6. October. 2020 [Electronic resource]. – Accessed: https://www.americanactionforum.org/insight/bidens-day-one-evaluating-bidens-climate-proposals/#_ftn2

169. Czapla, E. The Biden Administration's Energy and Climate Policies in Its First Year / E. Czapla // The American Action Forum. 20 January. 2022 [Electronic resource]. – Accessed: https://www.americanactionforum.org/insight/the-biden-administrations-energy-and-climate-policies-in-its-first-year/

170. Dafnomilis, I. Exploring the Impact of the COVID-19 Pandemic On Global Emission Projections / I. Dafnomilis, M. Den Elzen, H. Van Soest, F. Hans, T. Kuramochi, N. Höhne. – The Hague: PBL Netherlands Environmental Assessment Agency, 2020.

171. Dalal-Clayton, B. Sustainable Development Strategies: A Resource Book / B. Dalal-Clayton, S. Bass. – London: Earthscan Publications Ltd, 2002.

172. Damon, M. Policy Instruments for Sustainable Development at Rio+20 / M. Damon, T. Sterner // The Journal of Environment & Development. – 2012. – No. 21. – P. 143–151.

173. Davies, M. T. Climate Change and Corporate Value / M. T. Davies, M. Hayes [Electronic resource]. – Accessed: https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/xx/pdf/2021/03/climate-change-and-corporate-value.pdf

174. Davydova, A. Environmental Activism in Russia: Strategies and Prospects / A. Davydova // Center for Strategic and International Studies. 3 March. 2021 [Electronic resource]. – Accessed: https://www.csis.org/analysis/environmental-activism-russia-strategies-and-prospects

175. Delivering A Low-Carbon Electricity System: Technologies, Economics and Policy / ed. by M. Grubb, T. Jamasb, M. G. Pollitt. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

176. Downs, A. Up and Down with Ecology: The Issue-Attention Cycle / A. Downs // Public Interest. – 1972. – Vol. 28. – P. 38–50.

177. Driessen, P. P. J. Towards A Conceptual Framework for The Study of Shifts in Modes of Environmental Governance E Experiences from The Netherlands / P. P. J. Driessen, C. Dieperink, F. Van Laerhoven, H. A. C. Runhaar, W. J. V. Vermeulen // Environmental Policy and Governance. – 2012. – Vol. 22. – P. 143–160. DOI:10.1002/eet.1580

178. Economy Rankings: Largest countries by GDP, 2022 // CEOWORLD Magazine. 31 March. 2022 [Electronic resource]. – Accessed: https://ceoworld.biz/2022/03/31/economy-rankings-largest-countries-by-gdp-2022/

179. Emerging Governance of a Green Economy // Emerging Governance of a Green Economy: Cases of European Implementation / ed. by J. Fairbrass, N. Vasilakos. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021.

180. EU’s Next Top Climate Model Under Scrutiny // Euractiv. 5 March. 2020 [Electronic resource]. – Accessed: https://www.euractiv.com/section/climate-environment/news/eus-next-top-climate-model-under-scrutiny/

181. Eyraud, L. Green investment: Trends and determinants / L. Eyraud, B. Clements, A. Wane // Energy Policy. – 2013. – No. 60. – P. 852–865.

182. Ferguson, P. The Green Economy Agenda: Business as Usual or Transformational Discourse? / P. Ferguson // Environmental Politics. – 2015. – Vol. 24, No. 1. – P. 17–37.

183. From Growth to Green Growth: A Framework / World Bank. 2011 [Electronic resource]. – Accessed: https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/3670

184. Global Green New Deal Policy Brief // United Nations Environment Programme as Part of its Green Economy Initiative in Collaboration with A Wide Range of International Partners and Experts. March 2009 [Electronic resource]. – Accessed: http://www.unep.ch/etb/publications/Green%20Economy/UNEP%20Policy%20Brief%20Eng.pdf

185. Goldsmith, S. Governing by Network – The New Shape of the Public Sector / S. Goldsmith, W. D. Eggers. – Washington, DC: Brookings Institution Press, 2004.

186. Gore, A. Earth in the Balance: Ecology and the Human Spirit / A. Gore. – Boston, MA: Houghton Mifflin, 1992.

187. Grant, Z. P. Fertile Soil: Explaining Variation in The Success of Green Parties / Z. P. Grant, J. Tilley // West European Politics. – 2019. – Vol. 42, No. 3. – P. 495–516.

188. Green economy // United Nations Environment Programme (UNEP) [Electronic resource]. – Accessed: https://www.unep.org/explore-topics/green-economy

189. Green Growth Knowledge Platform // OECD [Electronic resource]. – Accessed: https://www.oecd.org/greengrowth/greengrowthknowledgeplatform.htm

190. Green Parties in Europe / ed.by E. Van Haute. – London: Routledge, 2016.

191. Green Public Procurement: Catalysing the Net-Zero Economy // World Economic Forum. January 2022 [Electronic resource]. – Accessed: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Green_Public_Procurement_2022.pdf

192. Greenfield, P. Ecological Civilisation': An Empty Slogan or Will China Act On the Environment? / P. Greenfield, V. Ni // The Guardian. 16 October. 2021 [Electronic resource]. – Accessed: https://www.theguardian.com/environment/2021/oct/16/ ecological-civilisation-empty-slogan-cop15-or-will-china-act-on-environment-aoe

193. Grubb, M. Technology Innovation and Climate Change Policy: An Overview of Issues and Options / M. Grubb // Keio Economic Studies. – 2004. – Vol. 41, No. 2. – P. 103–132.

194. Hamdouch, A. Green business and entrepreneurship / A. Hamdouch, M.-H. Depret // Encyclopaedia on creativity, invention and entrepreneurship / ed. by E.G.Carayannis, I.N. Dubina, N. Seel, D.F.J. Campbell, D. Uzunidis. – New York: Springer, 2013.

195. Hamdouch, A. Policy Integration Strategy and The Development of The "Green Economy": Foundations and Implementation Patterns / A. Hamdouch, M.-H. Depret // Journal of Environmental Planning and Management. – 2010. – Vol. 53, No. 4. – P. 473–490. DOI: 10.1080/09640561003703889

196. Hamdouch, A. Sustainable Development Policies and The Geographical Landscape of the Green Economy: Actors, Scales and Strategies / A. Hamdouch, M.-H. Depret // Finisterra. – 2012. – Vol. 47, No. 94. DOI: 10.18055/Finis2681

197. Harvey, F. Governments Put «Green Recovery» On The Backburner / F. Harvey // The Guardianю 15.07.2020 [Electronic resource]. – Accessed: https://www.theguardian.com/environment/2020/jul/15/governments-put-green-recovery-on-the-backburner

198. Hegger, D. Towards Explanations for Stability and Change in Modes of Environmental Governance: A Systematic Approach with Illustrations from The Netherlands / D. Hegger, H. Runhaar, F. Laerhoven, P. Driessen // Earth System Governance. – 2020. DOI: 10.1016/j.esg.2020.100048

199. Herranz, R. Las ONG: Un Sistema de Indicadores Para su Evaluación y Gestión / R. Herranz. – Palma de Mallorca: Universitat de les Illes Balears, 2007.

200. Holtz-Eakin, D. The Green New Deal: Scope, Scale, and Implications / D. Holtz-Eakin, D. Bosch, B. Gitis, D. Goldbeck, P. Rossetti // The American Action Forum. 25 February. 2019 [Electronic resource]. – Accessed: https://media.rff.org/documents/Climate_Insights_2020_Policies_and_Politics.pdf

201. Hu, D. A Review of Sustainable Development Theory and Sustainable Development of Hospitals / D. Hu, M. Deng // Chin. Hosp. Manag. – 2004. – No. 24. – P. 42–45.

202. Hungerford, H. R. The Development of Responsible Environmental Citizenship: A Critical Challenge / H. R. Hungerford // Journal of Interpretation Research. – 1996. – Vol. 1, No. 1. – P. 25–37.

203. Iannone, F. The Role of Green Public Procurement in Circular Economy Policies: An International Comparison / F. Iannone, F. Testa, T. Daddi, M. Frey, G. Casamento // Economics and Policy of Energy and the Environment. – 2020. – P. 150–170.

204. Inclusive Green Growth: The Pathway to Sustainable Development / World Bank. – Washington, DC: World Bank, 2012.

205. International Journal of Green Economics // Inderscience Publlishers [Electronic resource]. – Accessed: https://www.inderscience.com/jhome.php?jcode=ijge

206. Introduction to Green Purchasing Legislation in Japan / Ministry of the Environment (Japan MOE). 2016 [Electronic resource]. – Accessed: https://www.env.go.jp/policy/hozen/green/kokusai_platform/2015report/handbook_eng.pdf

207. Jackson, R. B. Global Energy Growth is Outpacing Decarbonization / R. B. Jackson, C. Quéré, R. M. Andrew, J. G. Canadell, J. I. Korsbakken, Z. Liu, G. P. Peters, B. Zheng // Environmental Research Letters. – 2018. – Vol. 13, No. 12. – P. 120401.

208. Jänicke, M. Ecological Modernisation: New Perspectives / M. Jänicke // Journal of Cleaner Production. – 2008. – Vol. 16, No. 5. – P. 557–565.

209. Jessop, B. The Future of the Capitalist State / B. Jessop. – Cambridge: Polity Press, 2002.

210. Johnstone, I. Global Governance and the Global Green New Deal: The G7’s Role / I. Johnstone // Humanities and Social Sciences Communications. – 2022. – Vol. 9(1). – Art. 33. DOI: 10.1057/s41599-022-01046-2

211. Junfeng, L. 2010 China Wind Power Outlook / L. Junfeng, S. Pengfei, G. Hu. – Beijing-Brussels: Greenpeace China-CreiaGWeC, 2010.

212. Kemp, R. Regime Shifts to Sustainability Through Processes of Niche Formation: The Approach of Strategic Niche Management / R. Kemp, J. Schot, R. Hoogma // Technology Analysis and Strategic Management. – 1998. – Vol. 10, No. 2. – P. 175–195.

213. Kemp-Benedict, E. Shifting to a Green Economy: Lock-in, Path Dependence, and Policy Options / E. Kemp-Benedict // SEI Working Paper. – 2014. – No. 2014-08 [Electronic resource]. – Accessed: http://mpra.ub.uni-muenchen.de/60175/

214. Kennet M. Greening the Global Economy: Reform and Transformation / M. Kennet, M. G. De Oliveira, S. Amaral. – Cascais: The Green Economics Institute Publ., 2013.

215. Kingston, S. Frontmatter / S. Kingston // Greening EU Competition Law and Policy. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

216. Klijn, E.-H. Public management and Policy Networks. Foundations of a Network Approach to Governance / E.-H. Klijn, J. F. M. Koppenjan // Public Management. – 2000. – Vol. 2, № 2. – P. 82–102.

217. Knill, C. Europäische Umweltpolitik. Steuerungsprobleme und Regulierungsmuster in Mehrebenensystem / C. Knill. – Wiesbaden: VS Verl. für Sozialwiss, 2008.

218. Kooiman, J. Meta-Governance: Values, Norms and Principles, and the Making of Hard Choices / J. Kooiman, D. Jentoft // Public Administration. – 2009. – Vol. 87. – P. 818–836.

219. Kooiman, J. Modern Governance: New Government-society Interactions / J. Kooiman. – London: Sage, 1993.

220. Kovalev, Y. Political Models of Smart Cities and The Role of Network Actors in Their Implementation (The Case of Vienna, Lyon, and New Songdo in Seoul) / Y. Kovalev, A. Burnasov, M. Ilyushkina, A. Stepanov // Proceedings of The 1st International Conference on Applied Science and Engineering, ASE 2021, Grozny, 25

June, 2021 / ed. by A. Salamova, F. Dakhaeva. – Grozny: American Institute of Physics Inc., 2021. DOI 10.1063/5.0075638.

221. Kulovesi, K. EU Emissions Trading Scheme: Preventing Carbon Leakage Before and After the Paris Agreement / K. Kulovesi // Research Handbook On EU Energy Law and Policy / ed. by R. Leal-Arcas. – Cheltenham: Edward Elgar, 2017.

222. Lazarou, E. (2020). The Future of Multilateralism and Strategic Partnerships / E. Lazarou // EPRS Ideas Paper. PE 652.071. Sept. 2020 [Electronic resource]. – Accessed: https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference =EPRS_BRI

223. Lederman, D. Natural Resources Neither Curse nor Destiny / D. Lederman. – Stanford: Stanford University Press, 2007.

224. Lele, S. M. Sustainable Development: A Critical Review / Lele S. M. // World Development. – 1991. – Vol. 19, No. 6. – P. 607–621.

225. Li, C. United Nations Summit Seeks Global Development / C. Li // Contemp. World. – 2005. – P. 4–6.

226. Lin, B. From Catch-Up to Transcend: The Development of Emerging Countries' Green Economy / B. Lin, S. Wang // Mathematical Problems in Engineering. – 2019. – P. 1–14. DOI:10.1155/2019/1481946

227. Lindberg, M. B. The EU Emissions Trading System and Renewable Energy Policies: Friends or Foes in the European Policy Mix? / M. B. Lindberg // Politics and Governance. – 2019. – Vol. 7, No. 1. – P. 105–123.

228. Lindblom, Ch. The Science of Muddling Through / Ch. Lindblom // Public Administration Review. – 1959. – Vol. 19, No. 2. – P. 79–88.

229. Lipset, S. M. Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments: An Introduction / S. M. Lipset, S. Rokkan // Party Systems and Voter Alignments: Cross-national Perspectives / ed. by S.M. Lipset, S. Rokkan. – New York: Free Press, 1967.

230. Low Carbon Green Growth Roadmap for Asia and the Pacific / ESCAP. 2012 [Electronic resource]. – Accessed: https://unescap.org/sites/default/d8files/2021-11/LGCC%20summary%20for% 20policymakers%202012.pdf

231. Luhmann, N. Risk: A Sociological Theory / N. Luhmann. – New York: Walter de Gruy ter, Inc., 1993.

232. Maas, T. Global Green Recovery: From Global Narrative to International Policy / T. Maas, P. Lucas // PBL Netherlands Environmental Assessment Agency. 2021 [Electronic resource]. – Accessed: https://www.pbl.nl/sites/default/files/downloads/pbl-2021-global_green_recovery-4565.pdf

233. Mark Carney tells banks they can't ignore climate change dangers // Independent. 17 April 2019 [Electronic resource]. – Accessed: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.27b6af50-629c1825-6be50454-74722d776562/https/www.independent.co.uk/climate-change/news/mark-carney-climate-change-warning-extinction-rebellion-protest-banks-a8874226.html

234. Marron, D. B. Buying Green: Government Procurement as an Instrument of Environmental Policy / D. B. Marron // Public Finance Review. – 1997. – No. 25 (3). – P. 285–305.

235. Martinelli, A. Introduction: Towards Green Growth and Multilevel Governance / A. Martinelli, A. Midttun // Energy Policy. – 2012. – No. 48. – P. 1–4.

236. McDonald, J. The Facts on the ‘Green New Deal / J. McDonald // FactCheck.org. 15 February. 2019 [Electronic resource]. – Accessed: https://www. factcheck.org/2019/02/the-facts-on-the-green-new-deal/

237. Mebratu, D. Sustainability and Sustainable Development: Historical and Conceptual Review / D. Mebratu // Environ Environmental Impact Assessment. – 1998. Vol, 18. – No. 6. – P. 493–520.

238. Mol, A. P. J. Environment, Modernity and the Risk-society. The Apocalyptic Horizon of Environmental Reforms / A. P. J. Mol, G. Spaargaren // International Sociology. – 1993. – No. 4. – P. 431–459.

239. Mol, A. P. J. Globalization and Environmental Reform: The Ecological Modernization of the Global Economy / A. P. J. Mol. – Cambridge; Massachusetts; London: The MID Press, 2001.

240. Morgera, E. From Stockholm to Johannesburg: From Corporate Responsibility to Corporate Accountability for the Global Protection of the Environment? / E. Morgera // Review of European Community & International Environmental Law. – 2004. – No. 13. 214–222.

241. Nath, B. Education for Sustainable Development: The Johannesburg Summit and Beyond / B. Nath // Environment, Development and Sustainability. – 2003. – No. 5. – P. 231–254.

242. National Infrastructure Strategy / Chancellor of the Exchequer by Command of Her Majesty. November 2020 [Electronic resource]. – Accessed: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/938049/NIS_final_web_single_page.pdf

243. Neij, L. Municipal Climate Mitigation Policy and Policy Learning – A Review / L. Neij, E. Heiskanen // Journal of Cleaner Production. – 2021. – Vol. 317. – P. 128348.

244. Newell, P. Global Green Politics / P. Newell // Global Green Politics. – Cambridge: Cambridge University Press, 2019. DOI: 10.1017/9781108767224

245. Nordhaus, T. Break Through: From the Death of Environmentalism to the Politics of Possibility / T. Nordhaus, M. Shellenberger. – Boston: Houghton Mifflin, 2007.

246. North, D. C. Institutions, Institutional Change and Economic Perfomance / D. C. North. – Cambridge: Cambridge Univer. Press, 1990.

247. Nygen, A. Local Knowledge in the Environment-Development Discourse: From Dichotomies to Situated Knowledges / A. Nygen // Critique of Anthropology. – 1999. – Vol. 19, No. 3. – P. 267–288.

248. O'Neil, T. The Left's 'Green' Policies May Actually Lead to More Pollution, Colorado Senate Candidate Says / T. O'Neil // Fox News. 23 March. 2022 [Electronic resource]. – Accessed: https://www.foxnews.com/politics/the-lefts-green-policies-may-actually-lead-to-more-pollution-colorado-senate-candidate-says

249. Our Common Future / World Commission on Environment and Development (WERD). – Oxford; New York: Oxford University Press, 1987.

250. Our history // World Business Council for Sustainable Development (WBCSD) [Electronic resource]. – Accessed: https://www.wbcsd.org/Overview/Our-history

251. Overdevest, C. Volunteer Stream Monitoring and Local Participation in Natural Resource Issues / C. Overdevest, C. H. Orr, K. Stepenuck // Human Ecology Review. – 2004. – No. 11(2). – P. 177–185.

252. Parker, C. F. Assessing The European Union's Global Climate Change Leadership: From Copenhagen to the Paris Agreement / C. F. Parker, C. Karlsson, M. Hjerpe // Journal of European Integration. – 2017. – Vol. 39, No. 2. – P. 239–252.

253. Pearce, D. Blueprint for a Green Economy / D. Pearce, A. Markandya, E. B. Barbier. – London: Earthscan, 1989.

254. Pearce, D. Green Economics / D. Pearce // Environmental Values 1. – 1992. – № 1. – P. 3–13. DOI:10.3197/096327192776680179

255. Peters, B. G. In Search of the Issue-Attention Cycle / B. G. Peters, B. W. Hogwood // The Journal of Politics. – 1985. – Vol. 47, No. 1. – P. 238–253.

256. Pierrehumbert, P. There is no Plan B for Dealing with the Climate Crisis / P. Pierrehumbert // Bulletin of the Atomic Scientists. – 2019. – Vol. 75, No. 5. – P. 215–221.

257. Polanyi, K. The Livelihood of Man / K. Polanyi. – New York: Academic Press, Inc., 1977.

258. Pound, B. Managing Natural Resources for Sustainable Livelihoods: Uniting Science and Participation / B. Pound, S. Snapp, C. McDougall, A. Braun. – London, UK: Earthscan, 2003.

259. Presber, J. J. The Chinese Financial System and Its Impact on Economic Growth in China / J. J. Presber // ISM Journal of International Business. – 2011. – Vol. 1, Iss. 2. – P. 2–35.

260. Probst, K. Participatory Monitoring and Evaluation: A Promising Concept in Participatory Research? / K. Probst. – Weikersheim: Margraf Verlag, 2002.

261. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council establishing the Just Transition Fund, COM (2020) 22 final // European Commission.

14 January. 2020 [Electronic resource]. – Accessed: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52020PC0022&from=EN

262. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council Establishing the Framework for Achieving Climate Neutrality and Amending Regulation (EU) 2018/1999 (European Climate Law), COM (2020) 80 final // European Commission. 4 March. 2020 [Electronic resource]. – Accessed: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52020PC0080&from=EN

263. Renda, A. The Uptake of Green Public Procurement in the EU27 / A. Renda, J. Pelkmans, C. Egenhofer, L. Schrefler, G. Luchetta, C. Selçuki, A. C. Zirnhelt. – Brussels: Centre for European Studies (CEPS), 2012.

264. Renewable Energy Country Attractiveness Index 2015 [Electronic resource]. – Accessed: http://www.ey.com/gl/en/industries/power---utilities/ey-renewable-energy-country-attractiveness-index-our-index

265. Resilient People, Resilient Plant: A Future Worth Choosing / Global Sustainability Pane. 2011 [Electronic resource]. – Accessed: http://www.acp.int/sites/acpsec.waw.be/files/GSP_Report_web_final.pdf

266. Roberts, S. National Alliance for Clean Energy Incubators New Mexico Clean Energy Incubator / S. Roberts // Environmental Science. – 2004. DOI:10.2172/913432

267. Robins, N. Climate for Recovery: The Colour of Stimulus Goes Green / N. Robins, R. Clover, C. A. Singh. – London: HSBC Global Research, 2009.

268. Sabatier, P. A. The Advocacy Coalition Framework: An Assessment / P. A. Sabatier, H. C. Jenkins-Smith // Theories of the Policy Process / ed. by P. A. Sabatier. – Boulder; Colo: Westview Press, 1999.

269. Schwartz, E. Developing Green Cities: Explaining Variation in Canadian Green Building Policies / E. Schwartz // Canadian Journal of Political Science. – 2016. – Vol. 49, No. 4. – P. 621–641. DOI:10.1017/S0008423916000846

270. Schwartz, J. In ‘Strongest’ Climate Ruling Yet, Dutch Court Orders Leaders to Take Action / J. Schwartz // The New York Times. 20 December. 2019 [Electronic

resource]. – Accessed: https://www.nytimes.com/2019/12/20/climate/netherlands-climate-lawsuit.html

271. See Deisenrieder, V. Bridging the Action Gap by Democratizing Climate Change Education – The Case of k.i.d.Z.21 in the Context of Fridays for Future / V. See Deisenrieder, S. Kubisch, L. Keller, J. Stötter // Sustainability. – 2020. – Vol. 12, No. 5. – P. 1–19.

272. Simonov, E. Ecological Civilization of China: New Challenges or New Opportunities for Russia? / E. Simonov, I. Glazyrina // EKO – Journal of Russian Academy of Science on Sustainable Development. – 2015. – No. 7. – P. 53–72.

273. Smith, V. A Theoretical Analysis of the "Green Lobby" / V. Smith // American Political Science Review. – 1985. – Vol. 79, No. 1. – P. 132–147. DOI:10.2307/1956123

274. Sorensen, E. The Democratic Anchorage of Governance Networks / E. Sorensen, J. Torfing // Scandinavian Political Studies. – 2005. – Vol. 28. – P. 195–218.

275. Stagl, S. Theoretical Foundations of Learning Processes for Sustainable Development / S. Stagl // International Journal of Sustainable Development & World Ecology. – 2007. – No. 4. – P. 52–62.

276. Statement on Nature-Related Financial Risks / NGFS. Paris, March 24th 2022 [Electronic resource]. – Accessed: https://www.ngfs.net/sites/default/files/medias/documents/statement_on_nature_related_financial_risks_-_final.pdf

277. Steer, A. Sustainable Development: Theory and Practice for A Sustainable Future / A. Steer, W. Wade-Gery // Sustainable Development. – 1993. – No. 1. – P. 23–35.

278. Stern, N. The Economics of Climate Change. The Stern Review / N. Stern. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2006.

279. Streck, C. Global Public Policy Networks as Coalitions for Change. Global Environmental Governance, Options and Opportunities / C. Streck. – New Haven: Yale School of Forestry and Environmental Studies, 2002.

280. Sun, X. Review and Prospect of the UN Efforts for Sustainable Development / X. Sun // Chinese Journal of Population Resources and Environment. – 2012. – No. 22. – P. 1–6.

281. Szulecki, K. Europe's Greenest Commission Ever Faces an Unprecedented Challenge as The Clock Ticks / K. Szulecki // Dahrendorf Forum. 16 January. 2020 [Electronic resource]. – Accessed: https://www.dahrendorf-forum.eu/europes-greenest-commission-ever-faces-an-unprecedented-challenge-as-the-clock-ticks/

282. Szulecki, K. European Energy Governance and Decarbonization Policy: Learning from The 2020 Strategy / K. Szulecki // Climate Policy. – 2016. – Vol. 16, No. 5. – P. 543–547.

283. Taedong, L. Building Green: Local Political Leadership Addressing Climate Change / L. Taedong, C. Koski // Review of Policy Research. – 2012. – Vol. 29. – P. 605–624.

284. Talshir, G. The Political Ideology of Green Parties: From the Politics of Nature to Redefining the Nature of Politics / G. Talshir. – New York: Palgrave Macmillan. 2002.

285. Termeer, C. J. A. M. Managing Perceptions in Networks / C. J. A. M. Termeer, J. F. M. Koppenjan // Managing Complex Networks: Strategies for the Public Sector / ed. by W. J. M. Kickert, E.-H. Klijn, J. F. M. Koppenjan. – London: Sage, 1997.

286. The Cambridge Handbook of Environmental Sociology Volume 1. // The Cambridge Handbook of Environmental Sociology / ed. by K. Legun, J. Keller, M. Carolan, M. Bell. – Cambridge: Cambridge University Press, 2020.

287. The Central Banks and Supervisors Network for Greening the Financial System (NGFS) [Electronic resource]. – Accessed: https://www.ngfs.net/en/about-us/governance/general-information

288. The Global Risks Report 2021, 16th Edition / World Economic Forum [Electronic resource]. – Accessed: https://www3.weforum.org/docs/WEF_The_Global_Risks_Report_2021.pdf

289. The Global Transition to Green and Fair Economies. 10 Years In / The Green Economy Coalition (GEC). 2020 [Electronic resource]. – Accessed: https://www.greeneconomycoalition.org/assets/reports/GEC-Reports/1037-GEC-Barometer-Phase2-A4-V8j-WEB.pdf

290. The Low Carbon Economy Index [Electronic resource]. – Accessed: https://www.pwc.co.uk/lowcarboneconomy

291. The Net-Zero Transition: What it would cost, what it could bring // McKinsey Sustainability [Electronic resource]. – Accessed: https://www.mckinsey.com/business-functions/sustainability/our-insights/the-net-zero-transition-what-it-would-cost-what-it-could-bring#

292. The Regional Greenhouse Gas Initiative (RGGI) [Electronic resource]. – Accessed: https://www.rggi.org/

293. Thorne, D. M. Coalition for Environmentally Responsible Economies. 2016 / D. M. Thorne // Encyclopedia Britannica [Electronic resource]. – Accessed: https://www.britannica.com/topic/Coalition-for-Environmentally-Responsible-Economies

294. Tomashuk, I. Green Economy as A Guarantee of Sustainable Development / I. Tomashuk // Three Seas Economic Journal. – 2022. – Vol. 3, No. 2. – P. 105–119. DOI: 10.30525/2661-5150/2022-2-15

295. Towards a Green Economy: Pathways to Sustainable Development and Poverty Eradication / UNEP. 2011 [Electronic resource]. – Accessed: https://www.unep.org/resources/report/towards-green-economy-pathways-sustainable-development-and-poverty-eradication-10

296. Towards Green Growth / OECD. 2011 [Electronic resource]. – Accessed: http://www.oecd.org/document/10/0,3746,en_2649_37465_47983690_1_1_1_37465,00.html

297. Tran, T. The Factors Affecting Green Investment for Sustainable Development / T. Tran, H. Do, T. Vu, N. Do // Decision Science Letters. – 2020. – Vol. 9, No. 3. – P. 365–386.

298. Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development // United Nations; Department of Economic and Social. Affairs Sustainable Development. 2015 [Electronic resource]. – Accessed: https://sdgs.un.org/2030agenda

299. U.S. Green Building Council (USGBC) [Electronic resource]. – Accessed: https://www.usgbc.org/

300. US Coalition on Sustainability [Electronic resource]. – Accessed: https://www.uscoalitiononsustainability.org/

301. Van de Donk, W. Inroduction: Social Movements and ICTs / W. Van de Donk, B. D. Loader, P. G. Nixon, D. Rucht // Cyberprotest. New Media, Citizens and Social Movements / ed. by W. Van de Donk, B. D. Loader, P.G. Nixon, D. Rucht. – London: Routledge, 2004.

302. Van der Zwan J. Green Public Procurement as Environmental Policy Tool: A Theoretical Framework. 2018 [Electronic resource]. – Accessed: https://www.a-id.org/2686/

303. Walker, J. L. Setting the Agenda in the U.S. Senate: A Theory of Problem Selection / J. L. Walker // British Journal of Political Science. – 1977. – Vol.7, No. 4. – P. 423–445.

304. Weng, X. China's Path to A Green Economy: Decoding China's Green Economy Concepts and Policies / X. Weng, Z. Dong, Q. Wu, Y. Qin. – London: IIED, 2015.

305. Western Climate Initiative (WCI) [Electronic resource]. – Accessed: http://westernclimateinitiative.org/

306. Wiesmeth, H. The Green Growth Policy of Germany as a Model for the Development of Green Economy in other Countries, in particular Belarus / H. Wiesmeth, I. Vashko // Journal of Social Market Economy. – 2021. – No. 3(21). – P. 46–61.

307. World Green Economy Report Inspiring innovations in business, finance and policy / The World Green Economy Organization. 2018 [Electronic resource]. – Accessed: https://worldgreeneconomy.org/wp-content/uploads/2020/02/report.pdf

308. WWF России поддерживает «Зеленый Шелковый Путь» // WWF. 2016 [Electronic resource]. – Accessed: https://wwf.ru/resources/news/amur/wwf-rossii-podderzhivaet-zelenyy-shelkovyy-put/

309. Zafarullah, H. Introduction: The Panorama of Development Policy / H. Zafarullah, A. S. Huque // Handbook of Development Policy / ed. by H. Zafarullah, A. S. Huque. – Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2021.

310. Zeng, S. Impact of Corporate Environmental Responsibility on Investment Efficiency: The Moderating Roles of the Institutional Environment and Consumer Environmental Awareness / S. Zeng, Y. Qin, G. Zeng // Sustainability. – 2019. – Vol. 11(17). – P. 4512. DOI:10.3390/su11174512

311. Zhang, X. Theory of Sustainable Development: Concept Evolution, Dimension and Prospect / X. Zhang // Bulletin of Chinese Academy of Sciences. – 2018. – No. 33. – P. 10–19.

312. Zhu, D. Sustainability Science: An Object-Process-Subject Analytical Framework / D. Zhu // China Popul. Environ. – 2016. – No. 26. – P. 1–9.